ИЗДАНИЯ.

ТОМСКИЙ КРАЕВОЙ МУЗЕЙ.

ТРУДЫ
ТОМСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ.

Том II—1929 г.

С 3 таблицами и 19 рисунками.

г. ТОМСК.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
1. М. Шатилов.—Ваховские остяки. (Родовые и семейные отношения, управление, суд и обычное право)	1—21
2. М. А. Слободский.—Итоги и задачи этнографического изучения Томского Края	22—30
3. А. М. Прибыткова-Фролова.—Памятники архитектуры XVIII и XIX века в Томске	31—40
4. М. Шатилов.—Пища Ваховских остяков	41—50
5. И. М. Мягков.—Древности Нарымского Края. (В собрании Томского Краевого Музея).	51—86
6. П. Г. Иванов.—Татары среднего течения реки Чулыма. (Предварительный отчет)	87—91
7. М. Шатилов.—Обзор деятельности Томского Краевого Музея (1927—1928 г.г.	92—104

Окрлит № 1454. Томск, тип. «Кр. Зн.» 592—29 Тираж 500 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Выпуская настоящий сборник, Томский Краевой Музей с большим удовлетворением может отметить, что его твердое намерение о систематическом издании работ Музея, выраженное им в первом его сборнике, таким образом осуществляется.

Во втором сборнике предположено было отразить, хотя бы и частично, работы Музея как по гуманитарной отрасли знания, так и по исследованию естественно-производительных сил Томского Края. Однако же, необходимость удешевления издания в целях его наибольшей доступности для широких краеведческих кругов обязывает Музей распределить материалы по указанным двум основным отраслям его деятельности на два очередных сборника.

Поэтому в настоящий сборник вошли работы Музея, исключительно по гуманитарной отрасли знания, а в следующем сборнике, который одновременно с этим печатается, помещаются некоторые работы Музея по исследованию естественно-производительных сил Томского Края.

Все статьи, помещаемые в настоящем сборнике, являются результатом экспедиционных исследований или кабинетных работ ближайших сотрудников и друзей Музея и отражают, хотя, к сожалению, и частично, в основном главные отрасли деятельности Музея за последнее время по гуманитарной части, а именно: этнографические и археологические исследования и охрану памятников искусства и старины.

Выпуск настоящего сборника оказался в значительной мере возможным благодаря поддержке Музея в этом направлении известными общественными организациями, а также некоторыми авторами, принявшими на себя посильные материальные затраты по изданию, что Музей считает своим приятным долгом отметить и выразить им за это благодарность.

15 апреля 1929 г.

М. ШАТИЛОВ.

ВАХОВСКИЕ ОСТЯКИ*)

(Родовые и семейные отношения; управление, суд и обычное право).

Ваховские остяки, по их преданиям, не являются коренными обитателями реки Ваха; их предки в далеком прошлом,—еще до прихода в эти места «руть» (русских) «и а г и-к а и» (белого царя), — обитали по реке «А с ь-я х» — по Оби, близ «города» — «в а т», где и занимали обширные заливные луга—соры—«л а р».

По месту их прежнего обитания они и получили общее наименование — «л а р-я х» — народ с заливных лугов — соров, «л а р» заливной луг—сор и «я х» — народ или иначе они себя называют городскими, пришедшими из городу — «в а т-я х» — («в а т» — город, «я х» — народ).

По второму признаку получила, надо полагать, свое название и река Вах, а именно: первоначально реку называли по народу, который пришел из «города» — «в а т-я х»; в последующем эти два слова слились, при чем конечный звук первого слова («т» от слова «в а т») и начальный звук второго («я» от слова «я х») выпали и получилось слово «в а х».

Предлагаемое об'яснение происхождения и значения наименования реки Вах, конечно, предположительное, но оно оказывается приемлемым для народного сознания и толкования местных остяков и соответствует народным преданиям.

По первому признаку «л а р-я х» получили наименование как все местные остяки «л а р-я х» — народ с сора, лариакский народ, так и селение Лариакское—администрат. центр Ваха, и, наконец, идущая от этого пункта вверх по Ваху верст на 70 Большая Лариакская протока и расположенные на этой протоке и Большом озере «А л л е-Э м т е р» наиболее населенные юрты — Большие Лариакские юрты — «А л л е-Л а р и а х-п у г о л», имевшие в старину, по преданиям, около ста «дымов» т. е. юрт.

В силу неизвестных нам общих передвижек населения среднего течения Оби, незадолго до прихода сюда русских, интересующие нас остяки вынуждены были оставить свои заливные луга, «соры», по берегам Оби, где у них была, очевидно, крепостца — город, «в а т» — и двинуться на приток Оби—реку Вах, где они столкнулись с жившими там до этого самоедами. Народная память сохранила некоторые предания о борьбе остяков с самоедами за обладание Ваховским Краем. Некоторые из этих преданий и приводим ниже:

---

*) Настоящая статья является частью (IX глава) большой работы автора: „Ваховские остяки" (этнологические очерки), приготовленной к изданию. Содержанием статьи послужили материалы этнографическаго обследования остяков р. Ваха (прав. притока р Оби) в пределах Сургутского края Ваховской экспедицией М. Б. Шатилова в 1926 г. по поручению и на средства Главнаго Комитета Севера.

«Каткан-Матуркан» — «Два богатыря».

а) Было два богатыря (матур—богатырь). Водились тогда дикие олени. Когда весь народ пошел на охоту за дикими оленями, то богатыри остались здесь на бору. Они знали, что придут с войной самоеды.

Они узнали, что скоро придут самоеды с войсками, стали припасать много древесной серы. Набрали ее целый обласок, а также приготовили много сухой осенней травы и повесили ее в юрте, а облас с серой поставили на крыше юрты.

Богатыри оделись в плохие заячьи шубы. Пришли самоедские войска и говорят: «только два старика, пусть накормят нас олениной, а потом мы убьем их».

Один богатырь стал готовить обед в юрте, а другой будто бы пошел колоть оленя, а сам залез на юрту и поджег серу в обласке.

Когда тот поджег обласок, другой старик соскочил и побежал. Самоеды его схватили за рукав, рукав оторвался; схватили за полу шубы, пола оторвалась — шуба была заячья, старая. Старик выбежал и притворил дверь в юрту, а другой с крыши через дымоход спустил в юрту весь облас с горящей смолой.

Сухая трава в юрте загорелась, самоеды начали метаться, кто в землю закопался, кто куда. Так все и сгорели».

(Арсентий Гаврилович Прасин — юрты Огорт-юх-пугол).

б) «По большим сорам, по высоким травам, у большой воды (Аськ — Оби) жили два богатыря — (каткан-матуркан). Они были братья. И весь народ — «ях» с ними жил по большим сорам, у большой воды.

Пошли богатыри на охоту. Один пустил стрелу, орлиными перьями оперенную, летит стрела выше облака текучего. Другой пустил стрелу, орлиными перьями оперенную, летит стрела выше, выше темных туч...

Ходили, ходили, ходили, ходили—убили большого, большого орла.

Много орлиных перьев досталось им на стрелы.

Пришли богатыри в юрту ночью. Было темно. Как вынули перья из оленьего мешка—в юрте стало светло, как днем. Одно орлиное перо горит огнем ярче солнца, светлей луны. Перо это было золотое.

Стали богатыри спорить, кому взять золотое орлиное перо.

Один возьмет золотое орлиное перо—другой спорит. Другой возьмет золотое орлиное перо—этот спорит.

Долго ли спорили, дрались ли — никто не знает. Один богатырь остался на больших сорах, у большой воды, где был у них город—(ват) — «ват-пугол» (город - юрты). У него и осталось золотое орлиное перо. А другой богатырь пошел на другую реку. С ним пошла и половина народа из города».

в) «Во время лета приходят самоеды с войсками. Орехов было много. Набьют остяки орехов и сидят по юртам, щелкают орехи, а огней по юртам не разводят, боятся самоедов. Сидят и щелкают.

Подкрадываются самоеды и слушают. А в юрте темно, орехи щелкают. Они и говорят: «никаких стариков нету, вода только капает, капает» (щелкает).

И так войска отходят от юрт. Так много раз приходили сюда и опять уходили.

Когда пришел сюда народ белого царя — «наги-кан», — самоедов прогнали далеко за урман на другую реку. Остяки, стали звать народ этот — **«руть»** — русские.

(Егор Степанович Прасин, юрты Огорт-юх-пугол).

Как видно из этих преданий остяки, переселившиеся на Вах, имели вначале двух богатырей, а потом одного, но представляли ли они собой одну родовую единицу под властью этого богатыря — (матур), или несколько родов, об'единенных территориально на прежнем своем местожительство по обским сорам под именем «ларях» — сказать трудно.

Для первого предположения нет никаких оснований в народных преданиях, полученных нами, кроме общего наименования — лар-ях», которое, надо полагать, является по своему происхождению территориальным и нигде, хотя бы по отдаленному сходству, не встречается в названиях (фамилиях), хотя и слабо сохранившихся до наших дней, родовых единицах — Прасины, Прасины - Ромкины, Сегельетовы и Натуськины. Вот те основные фамилии, которые встречаются по Ваху, (без притоков) и, которые, по некоторым, хотя и слабо сохранившимся, характерным моментам родового быта можно считать остатками прежних родовых единиц, правда, быть может более мелких частей бывшего когда-то единого рода — «лар-яр», которому соответствует наиболее крупная единица — фамилия Прасиных, обитающая главным образом в Больших Лариакских юртах — «Алле - Лариах - пугол».

В отношении Прасиных должно сказать, что по преданиям они произошли от двух родоначальников и представляют собою два рода — Прасины Лариакские и Прасины выше по Ваху, начиная от юрт «Огорт - юх - пугол»— (Высокий лес юрты) или юрты Нижне-Ромкины, откуда и Прасины эти называются Прасины-Ромкины; к этому роду относятся и несколько семей Каминых.

О происхождении этих двух родов имеется небольшое сказание. Прасины юрт Большие Лариакские произошли от богатыря — «Сайяли» — «гоголь», история которого такова. Одна женщина родила сына, которого назвали «Сайяли» — что значит «гоголь».

На пятый день после этого она умерла и ребенка взяла к себе на воспитание какая-то старуха. Другого сироту мальчика звали—Куль-Косяк»—«чебак». Старуха взяла и его. Нашла две соски и стала кормить. И вот она замечает, когда они начинают плакать, там, вверху много какого то народу начинает плакать. Старуха и говорит: «что такое? они здесь плачут, а там столько народу плачет». И вот старуха видит во сне, что от этих ребят пойдет большой народ. От них и верно пошел большой народ.

От «Сайяли» (гоголь) пошли Прасины Лариакские, а от Куль-Косяк» — чебак — Прасины - Ромкины. А русские тех и других называют одним именем Прасины». (Никифор Андреев Прасин — юрты Верхние — Ромкины).

Эти родоначальники Сайяли и Куль-Косяк не раз встречаются в качестве героев в собранных мною материалах по былинному эпосу ваховских остяков. Фамилия Каминых, встречающаяся выше юрт Ромкиных, считается пришлой в роде Прасиных-Ромкиных. К Прасиным-Ромкиным остяки причисляют и юрты Чухломеевы, но они ушли туда очень давно и связь потеряна.

Относительно родовых единиц Сегельетовых и Натускиных нам не удалось получить каких-либо преданий. И вообще должно заметить,

что некоторые родовые признаки, если и сохранились, то в среднем течении Ваха, выше села Лариака, т. е. в части населения, более изолированного от русского влияния. Вышеприведенные сказания о происхождении двух родовых единиц — Прасиных от богатырей — Сайяли (гоголь) и Кул-Косяк (чебак), по нашему мнению, можно рассматривать, как видоизмененное последующим сознанием остяков представление о происхождении их предков от представителей животного мира, как остатки, пережитки, столь характерного для первобытного человека явления «тотемизма».

При господстве тотемизма каждая родовая, племенная группа ведет свое происхождение от какого-нибудь животного и проч., и считает себя с ним в родстве, оказывает ему поклонение, а затем при некотором культурном развитии народное сознание создает мифы несколько смягчающие прежние предания, повествуя или о временном превращении их родоначальника в животного, или просто о его названии именем того или иного животного в связи с каким либо обстоятельством. Среди всех сибирских туземцев отмечаются подобные пережитки тотемизма.

Так, например, по преданию тюрков (по китайским источникам) праотец тюрков — (тю-коо) родился от волчицы, в частности, так называемые лебединцы (племя по реке Лебеди, приток Бии) называются «ку-кши» т. е. люди лебеди, так как они произошли от лебедя.

По словам Штраленберга, каждый род якутов имеет свое священное животное: — лебедя, гуся, ворону...

Вотяки почитают лебедя, считая себя происшедшими от этой птицы.

У остяков следы тотемизма точно также не подлежат сомнению. Сыновья верховного существа имеют свойство превращаться в животных — щуку, лебедя, ястреба и проч. Каждая родовая группа имела свое родовое божество, считая в то же время его своим родоначальником — богатырем «матур»[1]).

Все это дает основания считать сказания о Сайяли и Кул-Косяк сравнительно хорошо сохранившимися пережитками тотемизма и продуктами родового начала.

Из моментов, характеризующих родовой быт местных остяков, наряду с приведенными выше преданиями и общностью фамилий, можно отметить следующие: слабо сохранившаяся экзогамность, некоторая общность промысловых угодий, общие божества, праздники и жертвоприношения, охрана и обеспечение стариков и детей, и, наконец, «родовое» управление, суд и обычное право.

В отношении экзогамности мы имеем лишь слабо сохранившиеся остатки, признаки этого института, так характерного для родового устройства.

По словам Прасиных—и Лариакских и Ромкиных, брак в пределах этих родов не допускается. Но здесь же каждый считает должным добавить, что, конечно, в крайнем случае, если нет больше невесты, браки возможны. Лишь старшее поколение — «ике» — старики более категоричны в этом отношении и настаивают на недопустимости браков между родичами, в то время, как между Ромкинскими и Лариакскими браки по их словам возможны.

Очевидно, если и не в столь категорической форме, то все же хотя бы и остатки, пережитки экзогамности здесь не подлежат сомнению,

---

[1]) Н. Харузин—Этнография. Т. IV. „Верования". 1905 года.

а значит и имеется один из основных признаков родового быта.

На основе упомянутого выше тотемизма у многих народов, как известно, возникает явление, известное под именем «экзогамия» т. е. обычай, согласно которому браки между лицами, принадлежащими к одной и той же родовой группе, имеющим одного родоначальника, строго воспрещены, считаются кровосмесительством. По вопросу о происхождении «экзогамии» существует несколько теорий (Мак-Ленан, Спенсер, Леббок, Дюргейм) и весьма многие исследователи отмечают это явление у малокультурных народов, как один из характерных признаков родового быта, как средство самозащиты рода от разложения и даже вырождения на почве близких по крови браков[1]).

Общность промысловых угодий — рыболовных (звероловных угодий, закрепленных за кем-либо нет) точно также имеется среди отмеченных родовых группировок, хотя здесь же должно отметить, что встречается уже некоторое закрепление отдельных угодий за отдельными семьями.

Охрана и обеспечение бездомных стариков и детей в случае отсутствия желающих взять на свое попечение, является обязанностью всего рода. Обычно такие старики или дети (если у них нет никакого имущества) передаются на попечение кого-либо по определению родового собрания, за что получившие на свое попечение бездомных имеют определенную компенсацию от сородичей. Если же имеется у сирот имущество, то учреждается, как увидим далее, опека.

Сохранились в несколько ослабленной форме и общие праздники, священные места — мольбища и жертвы. Сезжаются по родам на праздники несколько раз в году — по окончании промыслов: зимнего — в середине зимы и весеннего — в апреле и наконец все роды, но разбиваясь по своим группам, — в с. Лариаке уже по вскрытии рек — в мае месяце на ярмарку.

Праздник этот называется «гостинный день» — «маян-котол». Устраиваются общие пирушки, угощение рыбой, вином, мясом и хлебом. На праздниках поются старинные песни — сказки, происходит «ворожба» — т. е. шаманят — совершают молитвы и, наконец, приносят на общих священных местах общие родовые жертвы. Такие жертвенные места имеются у каждого рода. — Так у рода Прасиных-Ромкиных таким местом считается высокая гора на правом берегу Ваха — «Огорт-юх-пелля» — «Высокий лес-гора». — «Давно, давно, когда еще торум (бог) сотворил землю, он сотворил и эту гору для прикладов (жертв)», — говорят остяки. У Прасиных-Лариакских таким родовым священным местом является остров (ниже юрт Чухломеевских) по Лариакской протоке — «Ирых-сылтай-пай» — «Прикладный остров».

Имеющиеся по Ваху ниже с. Лариака прикладные места не имеют уже ярко выраженного родового характера, хотя их родовое значение в прошлом все же не подлежит сомнению.

Так прикладное место — «Пугос-Луиг» — «Мать-дух» (близ юрт Больших Полиных при устье притока Ваха, «Калун-Игал-Еган) было в старину родовым прикладным местом для Сегельетовых.

---

[1]) Серошевский — Якуты.
Абрамов — Описание Березовского Края.
А. Миддендорф — Путеш. на сев. восток и восток Сибири.
Н. Харузин Вып. II — Семья и род.

Помимо общих праздников совершаются общие родовые мольбища и жертвы в случае каких-либо стихийных бедствий или эпидемий. Подробно о жертвоприношениях и священных местах изложено в главе о верованиях.

Общие родовые божества, общие мольбища, праздники, жертвы являются точно также одним из важнейших признаков родового устройства у всех вообще первобытных народов и, в частности, среди сибирских туземцев, как это отмечается неоднократно различными исследователями[1]).

Культ стоит в теснейшей связи с социальным устройством. При родовом строе на основе тотемизма, родовом характере божества, естественно и наличие общих родовых празднеств, жертвоприношений и родовых мольбищ — священных мест. Само божество является членом рода, тесно связанным родственными узами со своими почитателями. Жертвоприношение является не только формой благодарности или умилостивления, но и средством родственного единения с божеством. Поэтому жертва всегда сопровождается общей трапезой, общим праздником, участие в котором принимали не только почитатели, но и само божество. Путем совместной трапезы узы родства закрепляются. . . и мало того, совместная трапеза ведет к установлению новых родственных уз. Отсюда к подобным трапезам не допускаются чужеродцы.

Все эти явления, как мы видим, хотя и в ослабленной степени, в несколько видоизмененной форме, но все же мы находим у ваховских остяков до настоящего времени.

Весьма существенными признаками, характерными для родового быта, является сохранившееся до сего времени родовое управление (несколько видоизмененное свыше), родовой суд и некоторые нормы обычного права[2]).

Ваховские остяки хотя и имеют обычного типа сельский совет в с. Ларьяке, но помимо этого у них имеются по четырем отмеченным нами группировкам, особые выборные лица — «сотники», соответствующие прежним родовым управителям, а еще ранее князькам, которые и являются фактически управителями своей «родовой» единицы. Суд отправляется почти по всем делам, как увидим далее, тем же сотником и родовым собранием. И, наконец, по обычному праву мы встречаем нормы, характерные для родового быта, особено, нормы по наследованию, опеке, брачные и по разводу. В связи с отмеченными выше элементами родового быта ваховских остяков, хотя бы и в более или менее значительных его пережитках, находятся и их управление, суд и обычное право.

В более отдаленное время ваховские остяки управлялись, по примеру других остяцких племен родовыми князьками — «кан», власть которых была вначале наследственная, а затем эти князьки были выборными. Им были подвластны особые выборные управители, кото-

---

[1]) Штернберг Л. Я. „Сахалинские гиляки".
Н. Харузин—Этнография Вып. IV—„Верования".
Серошевский В. Л.—„Якуты".
Шульце Л. Р. Салымские остяки—Записки Тюм. Общ. Научного Изучения местного края 1924 г.

[2]) Настоящие сведения о родовом управлении относятся к 1926 году. Летом 1928 г. эти начала родового управления санкционированы, а именно: на основании Врем. Полож. об управлении туземн. народн. и племен северных окраин Р. С. Ф. С. Р. от 26 октября 1926 г. по Ваху вводится Родовое Туземное Управление: образуется Ларьякский Туземный Районный Исполнительный Комитет (РИК) и четыре родовых сельских совета: Прасинский, Натуськинский, Сегельетовский и Корелькояский.

рые и управляли отдельными более мелкими единицами, подразделениями рода. Управители собирали и вносили ясак, разбирали маловажные дела и т. д. При управителях существовала, так называемая, «расправа» — собрание старейших, которые совместно с управителем разрешали более важные дела[1]).

Власть князьков постепенно видоизменялась и была заменена выборным родовым управлением под именем Инородных Управ во главе с выборными старшинами и старостами на местах.

По Ваху существовала Лариакская инородная управа для верхнего течения Ваха и Ваховская для нижнего его течения, а затем обе были соединены под именем Лариакской инородной управы.

При введении районного управления сельских местностей в 1925 году ваховские остяки, как и все вообще туземцы Нарымского края и Александровского района, были подчинены в общем порядке районным исполнительным комитетам с сельскими советами на местах. Весь район Ваха с его притоками составляет один сельский совет, с резиденцией в с. Ларнаке. Но власть сельского совета в силу обширности территории, разбросанности населения, отсутствия путей сообщения, а главное в силу бытовых особенностей края, фактически ни в чем не проявляется и на местах имеется несколько видоизмененное и упрощенное родовое управление — имеются родовые управители, но без родовой управы прежнего вида. Такими родовыми управителями являются сотники; всего имеется 4 сотника в соответствии с отмеченными выше четырьмя «родовыми» единицами; сотник для рода Прасиных, для Прасиных-Ромкиных, для Сегельтовых и Натуськиных.

Лариакский сельский совет в своем построении имеет некоторые особенности. Его представляют председатель сельсовета, сотники, члены сельского совета и все граждане. Общие собрания сельских советов созываются для разрешения различных местных вопросов и разрешения частных споров и некоторых судебных дел.

Общие собрания сельских советов приурочиваются к ярмаркам, бывающим вс. Ларнаке в январе и мае месяцах. Эти собрания носят названия «мыр-ката-менлев», что значит: «пойдем в народный дом» («мыр» — народ, «кат» — дом, «менлев» — пойдем) или кратко — «ярмынька» (ярмарка).

Правом решения вопросов на общих собраниях пользуются «ике» старики, т. е. все мужчины-охотники, владеющие оружием. Женщины и подростки в решении вопросов на общих собраниях не участвуют — они могут на них присутствовать, чтобы, как говорят остяки, «учиться», как надо жить и поступать и чего не должно делать.

Общему собранию сельсовета подлежат не только местные дела административного и хозяйственного характера, предусмотренные общим положением о сельсоветах, но и судебные дела, в случаях, или непосредственного обращения кого-либо к собранию, или при обжаловании решения первой инстанции, каковой является сотник и родовое собрание. Разбор судебных дел словесный. Сельский совет определяет местный налог, а общее собрание (сход) рассматривает этот налог в отношении отдельных плательщиков, распределяет его, устанавливает

---

[1]) 1) Д. Самоквасов—Сборник обычного права сибирских инородцев.
2) А. Оксенов—„Литер. сборн." „Вост. Обозр." Сношение Новг. Велик. с Югорской землей.
3) Список населенных мест Тобольской губернии 1891 года.

общественные повинности, как например ремонт общественных зданий, отопление школы, фельдшерского пункта и т. п.

Общее собрание сельского совета— «мыр-ката-менлев», разбившись по четырем упомянутым выше группировкам «сотням», избирает сотников и кандитатов к ним, а затем все, собравшись уже общим собранием, утверждают избранных кандидатов, а также избирают председателя совета. Означенные лица избираются на три года и подлежат далее утверждению районного исполнительного комитета.

Помимо сельского совета, как упомянуто было выше, власть на местах принадлежит так называемым «сотникам», которые, строго говоря, и являются единственной властью на местах. Сотники являются родовыми управителями ваховских остяков и поэтому их власть носит особый характер. Она совершенно чужда формальных моментов, она сохраняет до сих пор в значительной мере патриархальный характер. Сотник не администратор в общепринятом смысле этого слова — он народный судья, он управитель, старшина — «ике», глава народа — «мыр-ох».

Если ларьякский сельский совет, имея отмеченные особенности, все же подлежит действию общих положений о сельском устройстве, то сотник всецело во власти обычного права и является выразителем воли своего рода.

Единственная его обязанность, где он соприкасается с сельским советом (помимо общих собраний сельсоветов, как это отмечалось выше) являются сборы местного налога (4 — 5 белок с охотника), который идет на общие нужды. Главным же образом сотник самостоятельно или совместно с собранием «ике» — стариков (самостоятельных охотников) решает некоторые хозяйственные дела (например, вопрос о запорах рек, истоков, заливных озер; об очистке заломов, времени охоты на водяную птицу и т. д.), а также рассматривает судебные дела по мелким преступлениям и гражданским тяжбам. Его ведению подлежат все мелкие уголовные дела и все гражданские тяжбы без ограничения суммы иска, но каждая сторона может принести жалобу на его решение в общее собрание сельского совета или даже и возбудить дело непосредственно на этом собрании.

Хотя остяки и имеют право обращаться непосредственно в народный суд в общем порядке, но это встречается чрезвычайно редко. Так по нашим сведениям у народного судьи Александровского района было всего два дела ваховских остяков (и те с низовья Ваха) за весь 1926 год.

Обязательная сила судебных решений для сторон заключается в особеностях всего уклада жизни остяка с сильными родовыми пережитками, в его психологии, сознании остяка в непреложности приговора воли народного собрания, — «ике». Приведение в исполнение приговора здесь не требует каких-либо принудительных действий со стороны власти, здесь не требуется судебный исполнитель, его заменяет правосознание остяка.

Нам удалось наблюдать по Ваху чрезвычайно характерный пример подобного состояния, на котором и позволим несколько остановиться.

В юртах Колок-Еган-Пугол мы имеем такой случай: молодожены разведены решением «ике» на том основании, что молодой супруг нарушил супружескую верность или, как выражались остяки, «нару-

шил чужой «полог» (постель). Оскорбленная вначале молодая жена пожаловалась «ике». Супругов развели. Спустя некоторое время молодожены помирились. Она в интересном положении. Молодые желают вновь сойтись и просят собрание «ике» разрешить им это. И вот уже в течении нескольких месяцев они получают в этом отказ. Такое решение, явно нарушающее их добрую волю к совместной жизни, они нарушить ни в коем случае не решаются. Все наши разговоры, убеждения, попытки примирить с ними старших ни к чему не привели. Воля собрания «ике» оказывается непререкаема в сознании остяка. Молодуха плачет, молодой угнетен и так будет продолжаться, пока «ике» не снимут своего veto. И такого рода послушание, исполнение воли собрания, мы здесь имеем не показное, а по совести, без всякого видимого внешнего принуждения, — исключительно из одного сознания безусловной обязательности для них воли собрания старших. Имеет подобное состояние, конечно, и материальное обоснование: в случае нарушения решения «ике», воли собрания данных юрт, — нарушивший эту волю тем самым ставит себя как бы вне данной общины и в свою очередь предоставляется самому себе во всех случаях его дальнейшей жизни, предоставляется своим силам в борьбе со стихийными условиями, в промыслах и т. д., а подобное положение человека, конечно, немыслимо в условиях севера и бытовых особенностях остяка.

Все дела рассматриваются сотником и народным собранием сельского совета в порядке словесного производства и на основании местных обычаев — норм обычного права.

Обычное право ваховских остяков, естественно, в соответствии с с их родовым укладом жизни, более тщательно и подробно предусматривает брак, развод, наследование и опеку, т. е. те моменты, которые так характерны для родового устройства.

Нормы же иных гражданских правовых отношений, вследствие слабого развития у них гражданского оборота, вообще развиты очень слабо и многих институтов гражданского права остяки совершенно не знают.

В таком же зачаточном состоянии и нормы уголовного права. И это, очевидно, потому, что уголовные преступления среди остяков встречаются очень редко.

К преступлениям более часто встречающимся среди остяков относятся: ссора, оскорбление, драка, нанесение побоев, поранение, очень редко кражи и насилия. Здесь не упоминается убийство и другие более тяжкие преступления, подлежащие компетенции общих судебных установлений.

В основание судебных решений полагаются как свидетельские показания, так и присяга — клятва обвиняемого. Наиболее распространенной формой присяги является клятва над головой (черепом) или лапой медведя. Обвиняемый в подтверждение правоты своих показаний, прикасаясь к голове медведя и лапе, произносит клятву: «задери меня медведь, — «их», если я сказал неправду». Сила этой клятвы покоится на глубочайшей боязни остяками духа медведя, вера в медведя, как одного из божеств.

При клятве такого рода показания обвиняемого уже не подлежат сомнению. Присяга подобного рода и ее непререкаемое значение

известна у очень многих первобытных народов и у всех наших сибирских туземцев[1]).

Мерой наказания по всем отмеченным преступлениям, смотря по обстоятельствам дела, являются: общественное порицание — «поругание», штраф до 20 белок, арест при сельском совете на 3 дня и выселение из юрт.

Виновным, обычно, признается тот, кто положил начало тому или иному явлению, — кто начал ссору, драку. Но иногда в таких случаях наказываются, смотря по обстоятельствам дела, и обе стороны. При нанесении побоев, увечий, раны, кроме наказания виновный, обычно, должен материально компенсировать пострадавшего в форме уплаты ему за причиненный вред и на лечение в уплату шаману. При обсуждении дела учитывается не только голый факт преступления, но та или иная степень напряжения злой воли преступника.

Так, например, при насилии над женщиной различаются случаи простого насилия, когда не было обнаружено сильного сопротивления и когда имеется на лицо показатель противодействия. Про первый случай говорят — «залез в чужой полог» (постель), что там было, никто не знает, а может быть было и полусогласие. А о втором случае говорят: — «штаны порвал», — здесь уже особенное напряжение злой воли преступника на лицо.

Рецидив обычно карается вдвойне.

Некоторые дела, как например, оскорбления, ссора, побои, могут прекращаться примирением сторон, с чего, обычно, и начинается судебное разбирательство в таких случаях.

Такие же преступления, как кража и насилие, даже при условии, если пострадавшая сторона прощает обвиняемого, подлежат суду и влекут за собой обычное в таких случаях наказание. Дела подобного рода, таким образом, не прекращаются в частно правовом порядке и самое пред'явление обвинения точно также не зависит от пострадавшего, а может быть начато всяким, узнавшим о преступлении.

Из интересующих нас преступлений более тяжким признается кража. Бесчестье преступника за подобное преступление распространяется в сознании остяков на всю его семью и даже на ближайших его предков. Преступнику говорят: — «Разве твой отец такой? Что же ты хочешь, чтобы и он был худой человек». Здесь таким образом как бы оберегается честь рода, доброе имя семьи. В этой тенденции общественного мнения к охране чести предков, несомненно, сказывается родовое начало.

Из институтов гражданского права у остяков нами установлены: купля-продажа, личный наем, займы, дарение, выдел и аренда.

Все эти юридические сделки среди остяков, конечно, носят словесный характер. Наиболее известной формой сделок является купля-продажа, об'ектом которой служат продукты промысла, предметы до-

---

[1]) Ядринцев — О культе медведя преимущественно у северных инородцев — Эти Об. IV—1890 г.

Харузин Н. Н. „Медвежья присяга и тотемич. основы культа медведя у остяков и вогулов".

Шульце — „Салымские остяки" -Зап. Тюменскаго Общ. научн. изучения местного края В. I. 1924 г.

Гондатти — „Культ медведя у Зап. Сиб. инородцев". Труды эти. отд. О. Л. Г. А. Э. т. VIII—1887 г.

S. Patkanov — „Die Irtysch ostjjaken".

И. Н. Шухов — „Река Казым и ее обитатели. Ежег. Тоб. губ. Муз. 1915 г. В. XXVI.

машнего обихода, одежды и т. д. Моментом заключения сделки считается передача продаваемой вещи.

Личный наем встречается очень редко, когда остяк иногда нанимается в помощь на невод или постройку юрты.

Заем встречается довольно часто. Об'ектом займа служат различного рода материальные ценности и, главным образом, продукты и огнеприпасы, при чем возврату подлежат подобного же рода ценности и лишь в редких случаях заем погашается белками.

Какой-либо расписки при займе не практикуется; формальным моментом займа является передача об'екта займа при свидетелях.

Дарение довольно распространенный акт, оно сопровождает многие моменты личной и семейной жизни остяка. Так, например, дарением сопровождается сватовство, выдача замуж, приезд невесты в дом жениха.

Выдел имеет место при отделе взрослого сына в самостоятельное хозяйство, когда выделенная на его долю часть имущества поступает в полное и безвозвратное его распоряжение.

Аренда возможна очень редко в отношении некоторых рыболовных угодий, особо освоенных тем или иным хозяйством.

Характерной особенностью по местному обычному праву всех этих актов — сделок частно-правового характера является некоторый государственно-правовой момент, а именно: сторона, неисполнившая своего обязательства, не только должна его исполнить, но и, в случае суда, вне зависимости от желания потерпевшего, карается еще штрафом за обман, который уже рассматривается как самостоятельный проступок. В данном случае мы имеем дело с охраной общественных интересов в условиях патриархального уклада жизни, когда общество в значительной мере опекает личность, заботится о добрых нравах отдельных лиц, и т. п.

Обычное право ваховцев более подробно предусматривает, как отмечалось выше, брак, развод, наследование и опеку, при чем в этом отношении оказываются предусмотренными многие моменты хозяйственного порядка, так или иначе связанные с отмеченными актами.

Брак встречается церковный и гражданский. Но вообще и при церковном браке венчание происходит в большинстве случаев спустя долгое время, даже несколько лет спустя после фактического брака. Брачный возраст у остяков ниже обычного; девушка выходит замуж 13—14 лет, что об'ясняется недостатком женщин по Ваху, вследствие неравномерного распределения населения по полу.

Моментом заключения брака, имеющим определенное юридическое значение, является, как можно полагать, привоз невесты в юрту жениха. В тесной связи с заключением брака, как необходимая составная часть этого акта, являются два момента — выкуп невесты и приданое.

Выкуп невесты — «тань» в той или иной мере является обязательным при заключении брака и имеет известное материальное и бытовое обоснование в сознании остяка. Жених должен уплатить своему будущему тестю известную, обусловленную между ними сумму вознаграждения за невесту, как бы ее выкуп из дома ее отца.

Обоснование выкупа следующее: отец невесты несет известные затраты на воспитание детей, и, следовательно, отдавая свою дочь замуж уже в таком возрасте, когда она своей рабочей силой могла бы вознаградить отца, этот последний и получает по обычаю право на не-

которое вознаграждение со стороны будущего своего зятя. Эти соображения до сего времени чрезвычайно устойчивы в сознании остяка.

Выкуп невесты в этнографической литературе известен больше под именем «калым».

Браки путем выкупа или купли могут считаться более распространенной и даже универсальной формой брака среди различных народностей на известной ступени их культурного развития.

У многих народностей эта форма брака сохранилась до сего времени, а у многих, более цивилизованных, она сохранилась в форме различных символических свадебных обрядов.

Стоимость невесты, цена выкупа определяется теми или иными продуктами в соответствии с занятиями населения. Среди земледельческих и скотоводческих племен за невесту дают определенное количество лошадей, коров, овец, рису, пшена и проч.

Рыболовы и охотники выплачивают выкуп в виде рыбы, лодки, пушнины, орудий промысла, и проч.

Выкуп известен на ряду с другими народностями и у всех сибирских туземцев[1]).

В состав приданого входит, обычно, одежда, обувь, постель (шкура оленя, полог «олов» (небольшая палатка из легкой материи над постелью) и собачья нарта. Иногда в приданое идет и несколько оленей, являющихся приплодом от матки, выделенной девушке заранее в семье ее отца.

Приданое, точно также как «выкуп» является одним из существенных элементов заключения брака у различных народов и в том числе у сибирских туземцев, что отмечается всеми авторами наряду с выкупом[2]).

Дальнейшие судьбы выкупа — «тāнь» и приданого уже после заключения брака в значительной мере варьируют в зависимости от различного рода моментов в жизни супругов, что и предусмотрено строго нормами обычного права.

Нам удалось выяснить следующие положения: выкуп, уже уплаченный женихом, в случае, если в дальнейшем брак по вине невесты или ее родителей не состоится, возвращается жениху, если же — по вине жениха, то выкуп ему не возвращается. Если жена сама по своей воле уходит от мужа, в течение первого года замужества, то выкуп безусловно возвращается в дом ее мужа. Если же она уходит от мужа по истечении года замужества, то выкуп остается в доме ее отца, так как считается, что она своей работой за этот истекший год в достаточной уже мере покрыла стоимость выкупа. В случае ухода жены по вине мужа выкуп никогда не возвращается. В случае смерти невесты или жениха до заключения брака, но когда уже выкуп был дан, выкуп подлежит возвращению. Если же брак уже был заключен и молодые жили как муж и жена, выкуп в таком случае не возвращается.

Так сильно варьирует судьба выкупа в зависимости от различных моментов жизни супругов.

---

[1]) А. Дмитриев-Мамонов—„Памятная книжка Тоб. губ. 1884 г.—„Самоеды Березовского округа.
А. Миддендорф—„Путешествие на север и восток Сибири" ч. II отд. VI.
Самоквасов—Сборник обычного права Сибирских инородцев.
Серошевский - „Якуты".
Н. Харузин—„Этногр. В II „Семья и род".
[2]) Н. Харузин—Этнография Вып. II.

При женитьбе на вдове выкуп не полагается.

В значительной мере иные судьбы приданого.

Приданое, как уже упоминалось, составляет собственность молодой женщины в новой семье, служит ее обеспечением, гарантирует ей известную материальную независимость от семьи мужа. Поэтому, приданое, как таковое, очень тесно связано с личностью и судьбами женщины, оно ни в каком случае не подлежит отчуждению от нее. Во всех случаях ухода жены из дома мужа, по ее ли воле или по вине мужа, приданое следует за женщиной — в дом ли ее отца или в новую семью, в случае нового выхода замуж. В случае ее смерти, если после нее не остается детей, приданое по требованию ее отца должно быть ему возвращено. Если же остаются дети, приданое является их достоянием. Как видим, неразрывная связь приданого с женщиной проводится строгим образом во всех случаях жизни и это совершенно об'ясняется самой природой этого института, который и создает раздельность имущественных прав супругов.

Подобное значение приданого и его правовое положение наблюдается у многих народов, а в том числе и у других сибирских туземцев — самоедов, якутов, алтайцев и др.

Развод у остяков именуется образно — «с и л я - м е н с е к а м» — «в стороны расходись». Еще в недалекое прошлое развод вообще был возможен в исключительных случаях: при условии явного, многократного нарушения супружеской верности, при чем при разводе браков церковных разведенные не имели права вновь вступать с кем-либо в брак.

Но должно заметить, что это жестокое требование было навязано остякам нашей администрацией дореволюционного времени. Сами же остяки более снисходительно относились к вопросам о разводе и знали больше оснований для развода, как например безвестное отсутствие, неспособность к исполнению супружеских обязанностей[1]).

В настоящее время по обычному праву остяков признаются следующие основания для развода: 1) нарушение супружеской верности; при чем в этом случае все же положение женщины и мужчины различно: в то время как уже единичный случай нарушения этого долга со стороны женщины является основанием для развода, для мужчины этого недостаточно и он признается виновным в этом смысле лишь при многократном нарушении супружеского долга. 2) Более или менее длительное безвестное отсутствие супруга, — но срок этого не определен — «старики решают». 3) Далее основанием развода признается жестокое обращение, связанное с побоями и истязаниями жены мужем, затем систематические пьянство и мотовство, влекущие полное разорение хозяйства. 4) Безусловной причиной развода является impotentia, при чем в таких случаях достаточно одного заявления об этом со стороны женщины, для чего существует у ваховцев даже особая формула «м и н - в о л л о м а н - к а н и н к а н» — «мы живем как две женщины». 5) Здесь же должно отметить неспособность к деторождению, при чем в этом отношении вопрос разрешается всегда в определенном смысле: признается неспособной к деторождению исключительно женщина. Почему так — этого остяки об'яснить не могли, считая, однакоже это положение бесспорным. Основание для развода в таких случаях материального порядка: желание иметь детей, дабы было кому передать хозяйство, чтобы «было на кого работать». 6) Наконец достаточным основанием

[1]) Памятная книжка Тоб. губ. 1884 г.
Дмитриев-Мамонов—„Юридические обычаи остяков Березовского Края".

для развода признается и простое публичное (на собрании «ике») заявление одной из сторон о нежелании продолжать далее совместную жизнь. В этом последнем случае принимаются лишь более решительные и длительные меры увещевания недовольной стороны о нежелательности развода.

Во всех отмеченных случаях сотник и собрание «ике», решающие вопрос о разводе, прежде всего принимают различные меры увещевания к примирению сторон и лишь в крайнем случае выносит приговор о разводе формулой — «силя-менсекам», — «расходись в разные стороны».

Вопрос о разводе однакоже иногда ставится и вне зависимости от желания или заявления сторон, а и в порядке общественного обвинения; это практикуется, главным образом, в случаях открытого распутства одной из сторон. Один из таких случаев, чрезвычайно характерный, наблюдавшийся нами, был уже отмечен выше.

В связи с разводом стоит целый ряд вопросов, а именно: о выкупе, что уже отмечалось, а также о разделе имущества и судьбе детей. Во всех случаях развода на долю жены выделяется известная часть имущества пропорционально количеству членов семьи, за исключением явного, многократного распутства жены, когда она, уходя из семьи, выдела имущества не получает.

Дети или делятся между супругами при разводе, или оставляются у той или другой стороны, смотря по различным обстоятельствам.

Первое требование — это обоюдное соглашение супругов по этому поводу. Если соглашения не последует, то производится раздел. Если имеется мальчик и девочка, то мальчик идет к матери, девочка к отцу.

Здесь мы сталкиваемся как бы с ярко выраженным нарушением одного из родовых начал, когда мальчик, этот продолжатель рода отца, переходит в род матери. Основания для такого раздела, по словам остяков, заключаются в том, что мальчик в будущем явится кормильцем своей престарелой, и быть может, беспризорной матери, в то время, как отец, оставаясь в своем хозяйстве, предполагается, сможет себя прокормить, почему ему и оставляется дочь. В случае невозможности разделить детей поровну, дети оставляются за той или другой стороной в зависимости от личных качеств разводящихся супругов, их здоровья, имущественного положения и проч.

Наследственное обычное право развито сравнительно слабее. В наследовании участвуют только мужчины, как продолжатели рода умершего главы семьи и хозяйства, как хранители его имущественного достояния. Женщины, как уходящие в чужой род, правом наследования не пользуются. После смерти главы хозяйства имущество делится между наличными сыновьями, жившими в семье покойного; сыновья же его, выделившиеся ранее, права наследования не имеют. Вдова переходит на попечение одного из сыновей, сохраняя за собой во всей полноте свое имущество, полученное ею в приданое.

По смерти бездетного, невыделенного из семьи, его имущество наследует отец его или братья, на попечение к которым переходит вдова покойного.

Муж наследует своей жене в ее части имущества, если после ее остаются дети, на воспитание которых собственно и должно идти это имущество. Если же после смерти женщины детей не останется, то по-

лученное ею при выходе замуж приданое может быть потребовано ее отцом или вообще старшим в ее прежней семье.

Жена наследует своему мужу, в его отдельном хозяйстве, когда он умрет бездетным, и живет отдельно от своего отца.

В основе этого последнего положения мы уже имеем утерю родового начала, которое заменяется исключительно началом трудовым; жена покойного признается участницей его трудовой жизни и является его единственным наследником.

Завещания по обычному праву не предусмотрено и поэтому, если бы даже покойный при своей жизни и отказал свое имущество кому-либо постороннему, то эта его воля не будет иметь силы. Предусмотрена обычным правом и опека. Если после смерти главы семьи остаются несовершеннолетние дети (18 лет), то над его имуществом, по решению сотника или собрания — «ике», учреждается опека впредь до совершеннолетия детей, или вступления их в брак. Имущество обычно передается по учету в ведение вдовы умершего, которая и является опекуншей над имуществом и детьми. В случае выхода вдовы в новый брак, опека ее прекращается и передается кому-либо из родственников умершего; опекун в таких случаях получает все имущество умершего в полное пользование, за что он в свою очередь обязан содержать опекаемых детей. В случае невозможности содержать семью силами опекуна, семья эта содержится общими силами данной группы остяков, за счет всей «сотни», т. е. рода. Здесь мы имеем таким образом родовое призрение сирот.

В связи с этим необходимо несколько остановиться на брачных, родственных и семейных отношениях.

Здесь прежде всего еще раз приходится подчеркнуть, отмеченную в другом месте, неравномерность полового соотношения остяцкого населения, чем обусловливается целый ряд своеобразных явлений брачной и семейной жизни ваховских остяков.

В связи с этим прежде всего, как правило, по Ваху наблюдаются преждевременные для женщин браки, когда девушка выходит замуж 13 — 14 лет. Этим же основным недостатком в жизни остяков обусловливается и возрастная неравномерность браков, когда мужу насчитывается 18 — 20 лет, а жене 40 — 50 лет или обратно.

То и другое явление, как преждевременное замужество, так и неравномерные браки вызывают слабую деторождаемость и малочисленный состав семьи, ее бедность детьми.

В отношении положений жениха — «май-ку» и невесты «май-ни», в смысле решения своей судьбы, за последнее время произошли некоторые перемены. Еще недавно брак заключался исключительно по воле родителей, которые подходили к решению этого вопроса с хозяйственной точки зрения, учитывая лишь размер выкупа или приданого, здоровье жениха и невесты и т. п. В настоящее время произошли перемены и уже нередки случаи ухода девушки замуж убегом против воли родителей, при чем и мнение окружающих в таких случаях благосклонно к невесте.

О выкупе и приданом, как необходимых элементах заключения брака, уже отмечалось. Здесь же, помимо гражданского правового значения этих актов необходимо остановиться на некоторых бытовых моментах, связанных с ними.

Прежде всего выкуп, конечно, ложится тяжелым бременем на малоимущих и иногда оказывается для них совершенно непосильным. В

таких случаях будущий зять, договорившись с отцом своей невесты. заблаговременно, до заключения брака, отрабатывает выкуп в хозяйстве своего будущего тестя — отца невесты, для чего он иногда вынужден работать на него год — два. Отработок выкупа в старину практиковался довольно часто, за последнее же время встречается все реже и реже. Отработок выкупа имеет смысл не только прямой компенсации отца невесты, но и другое, хозяйственно-моральное значение. За это время предварительной работы жениха в доме своего будущего тестя невеста и ее родные имеют возможность в достаточной мере присмотреться к жениху, как человеку, хозяину и работнику, что обусловливает верность и прочность будущего брака. Явление отработки выкупа очень древнего происхождения и известно у очень многих первобытных народов.

Пример подобной формы заключения брака представляет еще, по библейскому сказанию, женитьба Иакова на дочерях Лавана.

Этот обычай известен у народов Америки, Африки, Азии и до настоящего времени[1]).

Отработка или уплата выкупа за последние годы по Ваху все чаще и чаще заменяется простым как бы «похищением» невесты по соглашению с нею. По истечении некоторого времени после брака в таких условиях молодые отправляются в дом отца молодухи и там происходит «мировая», которая до некоторой степени заменяет выкуп хотя бы в моральном смысле. Молодые просят прощения, приносят угощения и подарки. Уплата выкупа в таких случаях отпадает.

Имеем ли мы здесь пережитки глубочайшей древности, пережитки наиболее отдаленной формы совершения брака путем насильственного действительного похищения женщины или здесь наблюдается явление позднейшего времени — наиболее простая и главное — экономически доступная форма брака. — сказать трудно за отсутствием каких-либо сложных свадебных обрядов, которые бы символизировали это похищение.

Мы склонны рассматривать эту форму брака по Ваху, как явление позднейшего времени, как продукт экономической необходимости и вот почему. 1) по свидетельству самих остяков подобные браки замечаются все чаще именно за последнее время. 2) На подобное как бы похищение решается только бедный остяк, который не может уплатить выкупа; если же это «похищение» являлось бы отголоском той древнейшей формы брака — действительным похищением, то к такой форме прибегали бы и состоятельные женихи, чего никогда не замечается. 3) При подобном похищении у остяков не наблюдается никаких мер противодействия, хотя бы и для формы только со стороны родителей и подобное «похищение» есть. вернее говоря, брак убегом — «самокрутка», как такой брак называется у русских крестьян.

Самый брак по Ваху не сопровождается какими-либо сложными обрядами и более интересно в этом отношении «просватанье». Самая процедура сватовства заключается в следующем.

Главную роль при сватовстве играет особое, специальное лицо — «у р - к у» — «сват». Таким лицом может быть не каждый. Нужна известная опытность, знание всей процедуры и, обычно, «в сватах ходят» специальные лица.

Наметивши невесту, родители жениха отправляют его и свата в юрту невесты. По приезде в намеченные юрты, жених — «м а й - к у»

---

[1]) Н. Харузин—Этнография В. 2. Семья и род

и сват — «у р - к у», останавливаются у кого-либо из посторонних невесте. — «м а й - и н», а если там всего одна юрта, то просто остаются на лодке или на нартах. Жених привозит с собой вина и подарков. Сват, принарядившись, берет особый посох — «с о г - ы х» — «посох - дерево» и отправляется в юрту невесты. Посох является непременной принадлежностью сватов и представляет собой таловую или черемуховую палку — трость не очищенную от корья с поперечной перекладиной вверху.

Придя в юрту невесты сват кланяется ее родителям и говорит: — «Пришел спросить человека — («к а с ы»), есть ли у вас человек?»[1])

На этот вопрос отец невесты, зная смысл этого вопроса, по принятому у остяков обычаю, отвечает полным молчанием. Сват возвращается к жениху и передает ему о случившемся — жених немедленно посылает его вторично. Сват опять с низкими поклонами пытается вызвать отца невесты на разговор, задавая ему тот же вопрос. И на этот раз отец молчит. Сват возвращается, передает все жениху. Тот его вновь посылает, но уже с бутылкой вина. Сват является и задает все тот же вопрос, но с еще большими поклонами и предлагает угощение.

Этот третий визит свата является критическим моментом сватовства. Если отец невесты отказывает, то он не принимает угощения, если же он согласен, то выпивает со сватом несколько рюмок вина. Вопрос таким образом принципиально разрешен. Если же получен отказ, то дальнейшие настояния недопустимы. При согласии на брак, сват сообщает об этом жениху и предлагает ему послать с ним родителям невесты первые подарки, что жених и исполняет. Захвативши подарки, сват отправляется в юрту невесты в четвертый раз и подносит отцу невесты в подарок какой-либо материи на халат, а матери платок или шаль и угощает уже обоих вином из той же бутылки. С этого визита уже начинаются переговоры о предстоящей свадьбе, причем родители невесты, по обычаю, стараются приписать различные мнимые недостатки невесте, по которым будто бы ее не следует выдавать замуж, а сват старается их в этом разубедить.

Так, например, в этом первом случае родители говорят о своей бедности: — «Рукавиц, наговиц — дать нечего у нас, как при этом отдавать замуж, побьют, посмеются и прогонят домой». Сват старается уверить в противном, причем каждый раз возвращается к жениху и сообщает о происшедшем.

В таком порядке идет целый ряд визитов свата, когда он на свои вопросы, примерно, получает такие ответы: — «Такая она у нас неряха, одна наговица в юрте, другая за юртой, как они вместе поживут, поругаются, драться будут, убьет он ее». Сват возражает, жених соглашается с этим мнимым недостатком невесты. Свату опять говорят: — «На время выйдет собак покормить (невеста) всю посуду собачью поломает. Чего они наживут вместе?! Подерутся, друг друга убьют». Опять разуверения свата и согласие жениха. Такие разговоры ведутся на протяжении нескольких визитов и в конце концов наступает момент торга, когда родители невесты говорят свату: — «Брюхо погреть, пусть котел поставит и четыре оленя, триста белок, пять платков и пять платьев». Этим определяется угощение («брюхо погреть, пусть котел поставит») и выкуп. С этого начинается торг, — родители невесты начинают

---

[1]) Как этот, так дальнейшие „приговоры" сватовства, разумеется могут значительно варьировать и являются лишь примерными.

сбавлять, а жених через свата понемногу прибавлять, хотя ему каждый раз и говорят: — «Хоть из земли выкопают, да отдадут, так пускай не ходят». Окончательная сделка совершается на шестнадцатом визите свата, когда ему, примерно, говорят. — «Мы так слыхали, на большой земле триста белок, на малой земле 200 белок, если так не хочет, пусть больше не ходит». Ставка «большой земли» это первоначальный выкуп, а ставка «малой земли» — окончательный выкуп, на что если жених соглашается, то сейчас же является и приносит часть выкупа.

Жених в сопровождении свата идет в юрту невесты. К этому времени в юрте невесты у противоположной от входа стены юрты или в углу справа устраивается полог, в котором невеста ожидает жениха. Жених при входе в юрту, желая увидеть невесту, дарит ее матери платок, после чего она приподнимает полог и пропускает туда жениха.

Жених и невеста при этом некоторое время сидят под пологом спиной друг к другу.

В это время для них кипятят особый чайник, постилают оленину — постель, ставят маленький столик — «писан» и они садятся пить чай.

Оленья шкура пред чайным столиком, на которой рядом садятся жених и невеста, можно полагать, символизирует будущую близость, единение супругов, как это мы имеем в некоторых брачных церемониях других народов. Это символическое единение брачущихся выражается в различных формах, в сидении на одной шкуре, на одном стуле, в соединении рук, в обмене колец и пр. У древних римлян жених с невестой садились на одну шкуру. У тевтонцев Цейтона новобрачная опоясывала мужа нитью, которую она сама сучила. Эта же мысль выражается посредством питья или принятия пищи из одного сосуда[1]). У православных христиан это единение символизируется питьем вина женихом и невестой из одной чаши во время венчания, а также обменом колец. Подобно этому и отмеченный обычай ваховцев можно рассматривать как символ такого тесного единения супругов и этот момент по своему значению можно сравнить с моментом «обручения», когда брак еще не заключен, но предрешен.

Отмеченным выше моментом и начинается свадебный пир. В это время угощение идет со стороны жениха — водкой. Так пируют до трех дней, после чего гости расходятся, жених остается в юрте невесты еще некоторое время, живя таким образом у невесты всего семь дней. За это время жених исполняет все работы как бы член семьи. По заверениям остяков, за это время будущие супруги остаются еще в положении жениха и невесты, хотя и пользуются для покоя одним пологом невесты.

Эта неделя, по словам остяков, предназначается для взаимного ознакомления жениха и невесты, так как до сего времени жених и невеста в большинстве случаев не имеют и понятия друг о друге. С этой точки зрения и при таких условиях обычай этот приходится признать вполне целесообразным.

Невеста со времени свадебного пира, если на нем присутствуют отец жениха или кто-либо из его старших родственников мужчин, впервые закрывает лицо платком в их присутствии, так как обычай требует, чтобы женщина закрывала свое лицо в присутствии мужчин — родни мужа (старших его по возрасту).

---

[1]) Н. Харузин—Этнограф. Вып. II.

Этот обычай является довольно распространенным у сибирских туземцев, как и у других народов и является отголоском глубочайшей старины, так называемого, «снохачества», под которым разумеется дозволенное обычаем сожительство отца с женой сына или старшего брата с женой младшего брата. Подобное явление было возможно при наличии браков малолетних, т. е., когда за мальчика брали в дом в качестве его жены вполне взрослую женщину.

Обычай снохачества, как известно, имел до последнего времени широкое распространение, он встречался, между прочим и среди русского населения. Когда «снохачество» было уже изжито, остались некоторые его пережитки, к числу которых относится обычай закрывать лицо женщины в присутствии свекра или вообще старшего родственника мужа.

Так по словам Патканова[1]) у иртышских и обских остяков, молодые женщины обязаны покрывать себе лицо в присутствии свекра. У якутов невестки избегают показывать свекру нагое тело, особенно ноги и непокрытые волосы. У ольхонских бурят невестка не должна показывать свекру голые ноги или открытую голову, она не должна называть его или старших братьев мужа по имени.

Что обычаи эти не являются результатом скромности, доказывается тем, что обычно женщины у этих народов сучат нитки на голых коленях, кормят детей грудью совершенно открыто при посторонних мужчинах, ничуть не стесняясь. Здесь очевидно, проявляется, так называемая, половая предосторожность в отношении к свекру, которая и является отголоском упомянутого явления — снохачества.

По истечении недели происходит от'езд невесты в юрту жениха. Родители невесты направляют облас (зимой нарты), нагружают приданое невесты, затем берут невесту за руки и уводят ее из юрты, причем при выходе из юрты невеста кланяется ей, а затем в ноги своим родителям, прощается с ними и получает от них соответствующие наставления о будущей жизни, о супружеских обязанностях и проч. Жених в это время остается еще в юрте невесты. Усадивши невесту в облас или нарты, родители ее возвращаются в юрту и приглашают жениха отправляться в путь: «пора тебе ехать, отец, мать ждут, солнышко уже высоко, дорога дальняя».

Этот свадебный «приговор» сохранившийся со старины, правда, быть может, не в полном об'еме, все же говорит об обычае брать невесту из далеких мест, из чужого рода, в нем говорится: «дорога дальняя».

Жених в сопровождении родителей невесты идет, прощается с ними, уговаривается о времени уплаты, иногда остающейся не уплаченной части выкупа и уезжает с молодой к себе домой.

Приезд их в юрту жениха, обычно, сопровождается некоторыми церемониями. Жених является сначала к себе в юрту один, а невесту оставляет на лодке или в нарте. Жена свата берет невесту за руки и ведет ее к юрте, а родственники жениха берут приданое и несут в юрту, где тотчас же натягивают полог невесты.

Невесту жена свата в присутствии родственников жениха обводит за руки три раза вокруг юрты по солнцу, при чем невеста слегка кланяется в сторону юрты, затем ее заводят в юрту и она садится с женихом на приготовленную для них посреди юрты против домашнего очага постель — оленью шкуру. Этим актом -хождением невесты во-

[1]) С. Патканов—„Тип ост. Богатыря".

круг юрты жениха совершается посвящение невесты, ее приобщение к домашнему очагу жениха, ее вхождение в состав новой семьи, нового рода.

С этого момента брак считается уже заключенным и молодые именуются уже мужем и женой.

Церемонию приезда невесты в юрту жениха нам удалось наблюдать в юртах Колик-Еган, церемониал же сватовства и от'езда невесты из дома родителей нами описан со слов опытного свата в юртах Огортюх-пугол — Егора Степановича Прасина. Для молодых сейчас же кипятится отдельный чайник, ставится перед ними столик и они пьют чай. Этим начинается свадебный пир в доме жениха.

Приобщение новобрачной к новой семье, новому роду пред семейным очагом сохранилось у многих народов в виде различных свадебных обрядов.

Когда вотяк женит сына, он приносит жертву духу покровителю семьи и молится за сноху: «Ворпуд, принимай ее к себе, дай ей счастье, жизнь во всем довольстве, с детьми и скотиной прими ее, нововведенную... Пусть согласно живет со всей семьей, чтобы гостеприимна, добра была, чтобы один кусок ела вдвоем». Молодая же обязана после свадьбы ехать к своим родителям. Здесь она приносит глухаря в жертву духу-покровителю своей бывшей семьи: этим она благодарит его и прощается с ним. При оставлении родительского жилища невеста-остячка три раза обходит вокруг домашнего очага, слегка отталкивает рукой цепь над очагом, символизируя этим разрыв с культом бывшей своей семьи. Входя впервые в дом мужа, невеста трижды обходит вокруг очага новой семьи и прикладывает руку к цепи над очагом, как бы хватаясь за нее, приобщая себя тем самым к очагу новой для нее семьи[1]).

В нашем случае мы имеем, как прощание невесты с юртой родителей, так и трократное обхождение юрты жениха, прежде, чем войти в нее впервые.

Семейные отношения остяков носят в значительной мере патриархальный характер. Власть главы семьи «а п а» (отец) в отношении всех членов семьи «р а г а м» почти неограничена — ему беспрекословно повинуются все члены семьи. Главою семейства является или отец — «а п а» или за смертью его старший из его сыновей, который являясь старшим братом — «а т и м», об'единяет всех братьев, живущих вместе. По Ваху еще встречаются большие семьи (до 16 человек) об'единяющие несколько женатых братьев, имеющих детей. Власть в семье однакоже определяется не одними родственными отношениями, а и значением данного лица в общем семейном хозяйстве. Так дед — «и к и м», оставивший хозяйственные дела, оставивший промыслы, уже не является главой семьи, хотя он и считается старшим в семье по родственным отношениям и в наиболее важных делах семья советуется с ним.

В семье существует строгое распределение обязанностей для всех ее членов в отношении ведения общего хозяйства. Все мужчины, начиная с подростков 14 — 16 лет, заняты исключительно промыслами и тем, что тесно связано с ними. Все же домашние дела, весь семейный обиход лежит на обязанности женщин. Женщина при перекочевках устанавливает берестяную юрту, поддерживает огонь в юрте и на костри-

[1]) Н. Харузин—Этнограф. Вып. II. Семья и род.

щах, заготовляет дрова для них и на зиму для чувала, носит воду, готовит пищу, — шьет одежду, обувь, выделывает кожи и т. п.

Взаимные отношения членов семьи в том числе и главы семьи ко всем, насколько это нам удалось наблюдать при совместной жизни за три месяца, отличаются мягкостью. Нам очень редко, всего несколько раз пришлось наблюдать небольшие ссоры или, вернее, пререкания супругов между собой. Отношения детей к родителям точно также сравнительно хорошие. Отличительной же чертой ваховских остяков является особенная любовь их к детям и их матери, что обращает на себя внимание на первых же порах наблюдения их жизни. С ребенком очень часто водится, держит его на руках, качает не только мать или другая женщина, но и мужчины — члены семьи, при чем ребенок переходит из рук в руки, его качают, ласкают и бесконечно целуют. Особенным вниманием и заботой пользуются мальчики. Эта особая любовь к детям и забота о них, надо полагать, об'ясняется слабой деторождаемостью остяков и большой смертностью их детей. — «Как я буду жить, на кого буду работать, кому оставлю хозяйство, если умрут ребята», — говорит по этому поводу остяк. Этим же об'ясняется и его сравнительно любовное, заботливое отношение к своей жене, как к матери его детей.

Родственные отношения у ваховцев развиты довольно полно. Счет родства «рагам» ведется по двум линиям: отцовской — агнатическое родство и материнской — когнатическое родство. Имеется счет также по нисходящей и восходящей линии, исходя из центральных имен — отца и матери.

Родство по отцу: отец — «апа», бабушка — «имиль», дед — «ким», сын — «пох», дочь — «уги», дядя по отцу — «ики», брат старший — «атим», брат младший — «кацы», сестра старшая — «аня», сестра младшая — «текая», сродные братья «оте-саган», сродные сестры — «ани-саган», племянник — «калык», племянница — «калыки», свекор — «ике», сватовья — «рагам - ях» (родные люди), сноха — «менель».

Родство по матери: мать — «анка», бабушка — «имиль», дедушка — «ким», дядя по матери — «оли», тетка старшая — «ани», тетка младшая — «текая», свекровка — «ими», теща — «ими». Особо должно отметить — муж — «ку» и жена «име».

К большому нашему сожалению не все степени родства нам удалось выяснить, но и эти данные говорят о довольно развитой классификации родственных отношений, как по линии отцовской, так и материнской, при чем в некоторых случаях мы имеем даже особые обозначения для одной степени родства, но с подразделением на младших и старших.

М. А. СЛОБОДСКИЙ.

Итоги и задачи этнографического изучения Томского края.

Сибирская этнография естественно распадается на туземную и русскую. Первая имеет своей задачей исследование состава туземных племен, их исторического прошлого и современных бытовых условий; другая должна объяснить образование сибирского типа русского человека, указать его особенности, образовавшиеся под влиянием особенного климата, почвы, временных смешений, особых исторических и бытовых условий. В отношении изучения туземных племен Сибирь представляет чрезвычайно выгодные условия. В то время, как Западная Европа должна изучать своих туземцев, уже давно исчезнувших с лица земли, лишь по историческим документам и остаткам туземной культуры, сохранившимся в ее музеях, Сибирь представляет из себя как бы огромный музей живых экспонатов разнообразных туземных племен, от первобытного зверолова-охотника, бродящего в неизмеримых просторах Сибирской тайги, до земледельца, достигшего уровня культурного развития сибирского крестьянина и почти слившегося с последним в бытовом отношении. Сталкиваясь между собою и с русским населением, туземные племена подвергаются взаимному влиянию, постепенно изменяя свой быт, верования, мировоззрение, язык и культуру. В этой огромной лаборатории сибирских народностей совершались и совершаются интереснейшие для истории культуры и цивилизации процессы, изучение которых поможет нам раскрыть прошлую историю Сибири и объяснить ее современные социальные условия.

Работа по сибирской этнографии должна проводиться в нескольких направлениях. На ряду с изучением современного материального и духовного быта народностей, необходимо исследование их историко-бытовых условий по историческим документам и археологическим памятникам, наконец, следует тщательно собирать в наших музеях предметы материального и духовного быта быстро исчезающей старины.

Приобщение туземцев к русской культуре совершалось до сих пор хотя медленно, но неуклонно. Известный исследователь азиатских финнов Матиас — Александр Кастрен, путешествовавший по Сибири в 40-х годах XIX века, находил мелкие полудикие племена, состоявшие из нескольких десятков туземцев; иногда встречалось всего несколько человек, помнивших язык своего исчезнувшего рода: так, напр., он рассказывает о коттах, которых в его время было несколько десятков человек, из которых только четверо помнили свой родной язык, и то нетвердо. В настоящее время от коттов не осталось ни одного человека, и если бы Кастрен не исследовал эту народность и не оставил нам грамматику коттского языка, то это племя было бы совершенно утеряно для сибирской этнографии и лингвистики.

Теперь, когда туземные племена Сибири получили право культурного развития на основе своих национальных особенностей, их приобщение к общечеловеческой культуре и утрата их своеобразного бытового уклада жизни будет совершаться значительно быстрее. Отсюда

возникает необходимость спешить с этнографическим изучением туземных племен, и если в Сибири не найдется достаточного кадра авторитетных этнографов, надо их создать путем организации факультетов общественных наук с кафедрами по этнографии и языку туземных народностей.

Каждая краеведческая организация, в задачу которой входят также и этнографические исследования, должна поставить себе определенные задачи и выработать определенный план этнографических изучений применительно к обслуживаемой этой организацией территории.

Задачей этнографии Томского края является изучение быта русской и туземных народностей, живущих на территории Томского округа. Бытовой уклад современных народностей, населяющих Томский край, есть сложный продукт их внешней и внутренней истории. Чтобы понять этот уклад, недостаточно одного описания современного быта русского и туземного населения: необходимо выяснить этнологический состав каждой народности, происхождение отдельных бытовых явлений путем эволюции первоначальных элементов быта или путем внешнего влияния других народностей. Этнограф, нарисовавший картину современного быта, должен взять на себя задачу историка, объясняющего этот быт из исторически сложившихся условий. Тогда перед этнографом встанут вопросы: когда появилась изучаемая народность на данной территории, какие другие народности она здесь застала, как слагались взаимоотношения между пришлым и местным населением, какие взаимные бытовые влияния обусловливали эти взаимоотношения и т. д. Здесь этнографу придется обратиться к изучению подлинных исторических документов, к описаниям путешественников и сочинениям более ранних и позднейших этнографов и историков.

Что же сделано для этнографического и этнологического изучения Томского края? К сожалению, приходится констатировать факт, что мы не имеем ни одной монографической работы, которая давала бы нам более или менее полную картину быта хотя бы только какой-нибудь отдельной народности Томского края; в нашем распоряжении только небольшое количество описаний путешественников, журнальных и газетных статей и кратких заметок, относящихся к различным периодам жизни народностей.

Настоящая статья имеет целью дать краткий обзор материалов по этнографии Томского края в современных его границах и наметить ближайшие задачи этнографических изучений.

В настоящее время в Томском крае живут следующие народности: русские, остяки, остяко-самоеды, тюрко-татары и тунгусы. Русские появились здесь, как завоеватели, в начале XVII-го века. На месте, где стоит Томск, жило татарское племя Еушта, князь которого Тоян, понимая, что рано или поздно ему придется признать власть русских, отправился в Москву и бил челом царю Борису о том, чтобы «быть ему, Тояну, под высокой рукою царя московского» и чтобы в его вотчине, на реке Томи построен был русский город. Томск возник в 1604 году, и с этого времени русские укрепились здесь прочно и постепенно подчинили себе соседние туземные племена. Еще в начале XVIII-го века враждебные столкновения русских с туземцами не прекратились. Так в 1700 году томские служилые люди говорили в Москве, в сибирском

приказе: «К Томску прилегли немирные земли Арантана контайши люди, киргизы, телеуты, черные калмыки, и Томского уезда под слободы и деревни приходят многолюдством и воровски... и чинят разорение: деревни жгут, скот отгоняют и на пашнях людей убивают...». Но уже в половине XVIII-го века военные столкновения с туземцами почти прекращаются; к этому времени русская колонизация Томского края имела уже прочный базис. Из туземных племен: подчинившихся русской власти, на территории Томского края остались только татары и остяки. Когда появились здесь самоеды, трудно сказать. До исследований Кастрена, т. е. до средины XIX-го века, томские самоеды считались остяками. Ученый Клапрот полагал, что томские самоеды образовались из смешения остяков с самоедами, — отсюда название остяко-самоеды; но Кастрен решительно утверждает, что это настоящие самоеды, распространившиеся от Тыма до Чулыма, хотя язык их значительно уклоняется от языка северных самоедов и распадается на несколько наречий: 1) северное или нарымское, 2) среднее, или кетское и 3) южное, или чулымское. Не подлежит сомнению, что остяко-самоеды пришли в Томский край с севера: поднимаясь по Оби, они постепенно оттеснили остяков и водворились на их местах, смешавшись с русскими.

В еще более позднее время обнаружены в Томском крае тунгусы. Насколько мне известно, впервые сведения о кочевании тунгусов в Томском крае сообщил Н. П. Григоровский, который побывал в 50-х годах XIX в. в Нарымском крае, в Васьюганье, и из расспросов местных жителей узнал, что в верховьях р. Васьюгана ежегодно кочует тунгусская семья; но произвести обследование этой семьи ему не удалось. За последние годы количество кочующих в Нарымском крае тунгусов, повидимому, увеличивается. Так Е. Н. Орлова, побывавшая в Васьюганье в 1925 году, зарегистрировала здесь уже 70 тунгусов[1]). По другим сведениям тунгусы кочуют и по правому побережью Оби: район их распространения здесь простирается от р. Тыма до р. Чулыма. Определить точно количество тунгусов в Нарымском крае не представляется возможным, так как они постоянно переходят с одного места на другое, не считаясь с границами округов; к тому же они кочуют в междуречьях, малодоступных для исследования, и избегают приближаться к берегам рек, к населенным пунктам. Вероятно, этим об'ясняется тот странный факт, что перепись 1897 года не обнаружила в Томском крае ни одной тунгусской семьи.

В исторических памятниках впервые мы встречаемся с тунгусами в начале XVII в. Это было воинственное племя, делавшее постоянные набеги из-за Енисея на русских и остяков; с целью набегов они проникали на юг: так в 1608 году, под начальством своего князя Данула, они напали на Кузнецкую волость[2]). Особенно часто они нападали на остяков, живших по Кети и подчиненных Кетскому острогу. Таким образом, пути в пределы Томского края были проторены тунгусами еще в XVII веке, тем не менее границы массового расселения тунгусов на западе не доходили даже до Енисея. Правда, Миддендорф и Кастрен в 40-х годах XIX-го века отметили продвижение тунгусов на левый

---

[1]) См. жизнь Сибири 1926 г. № 4, стр. 66—81. Статья Е. Орловой „Современное Васьюганье.

[2]) Под Кузнецкою волостью здесь разумеется земля остяков, живших у реки Енисея, в тех местах, где потом был построен г. Енисейск. См. И. Е. Фишер, „Сибирская история", кн. II, отдел 3, стр. 271. СПБ. 1774 г.

берег Енисея[2]), при чем Кастрен на основании расспросных сведений делает предположение, что они здесь отчасти жили и прежде; но их сведения относятся к области, лежащей вне пределов современной территории Томского края.

Переходя теперь к обзору чисто этнографических изучений русского населения томского края, следует прежде всего констатировать чрезвычайную бедность их. Если не считать отрывочных и слишком общих сведений о быте русского населения в описаниях русских путешественников XVII-го века (Миллера, Гмелина, Палласа, Фалька), то можно сказать, что до средины XIX века мы не имеем этнографической литературы о русском населении Томского края. С половины пятидесятых годов появляются этнографические труды кн. Кострова. К 1856 году относится начало его статьи «Колдовство и порча у крестьян Томской губернии («Зап.-Сиб. Отд. Рус. Геогр. О-ва», кн. II; продолжение статьи в кн. V, 1858 г. и в «Зап. Зап.-Сиб. Отд. Рус. Геогр. О-ва», кн. I, 1879 г.) В 1876 году в Томске выходит отдельным изданием его работа «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии». Последняя работа представляет теперь библиографическую редкость.

После работ Кострова в течение полустолетия в этнографической литературе о русском населении Томского края происходит перерыв, и только в 1927 году в «Трудах Томского Краевого Музея» (т. I) появляются две статьи по этому вопросу: одна принадлежит М. Бородкиной и имеет заглавие: «Деревня Иткара, Томского края»; к статье приложены: краткий словарь местных слов и текст поговорок, примет и народных песен дер. Иткара; другая статья, под заглавием «Песни села Коларова, Томского округа», принадлежит М. Слободскому. После краткой характеристики песенного творчества коларовских крестьян автор приводит тексты 20 протяжных песен и 78 частушек, записанных в с. Коларове. Этим почти исчерпывается литература по описательной этнографии русского населения Томского края, если не считать небольших заметок, помещенных в томских газетах: «Томские Губ. Ведомости», «Сибирская Газета», «Сибирский Вестник», «Епархиальные Ведомости», «Сибирская Жизнь», «Красное Знамя» и др. Отсюда ясно, какое широкое поле для исследования открывается этнографу в деле изучения русской народности в пределах Томского края. Взоры этнографа должны быть прежде всего обращены на наиболее отсталые в культурном отношении районы, где он встретит наиболее сохранившимся старинный быт. На путь этого изучения, повидимому, твердо стал Томский Краевой Музей, положивший летом 1927 и 1928 г. начало исследованию коренного русского населения Томского края. Музеем проведены этнографические работы в районе среднего течения р. Чулыма и в районе Шегарки, где М. Шатиловым собран значительный материал по этнографии, фольклору и отчасти по крестьянскому искусству.

В этом отношении Нарымский край представляет наиболее благодарное поле для этнографических исследований. В частности изучение старообрядческого населения, сохранившего в своем быту черты древней русской жизни, представляет особенно большой интерес. Для этнографических исследований необходимо выбирать наиболее типичные местности: 1) с коренным сибирским населением, 2) смешанным с позд-

---

[2]) С. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. С.-П. 1906 г., стр. 5.

нейшими переселенцами и 3) смешанным с туземными племенами. При обработке этнографического материала наиболее целесообразной формой следует признать монографическое описание отдельных селений, так как при такой форме конкретнее и рельефнее выступают особенности быта населения и взаимодействие основных его элементов. Такие широко обобщающие темы, как: «Колдовство и порча у крестьян Томской губернии», «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии» могли бы явиться только в результате ряда монографических описаний. Образцом монографии могут служить исследования Щапова: он брал небольшую территорию, добывал в местных архивах документы о происхождении местного населения и отмечал происходившие в нем изменения, затем делал наблюдения над современными ему типами населения изучаемой территории и устанавливал связь между историческими и современными данными. Такой метод давал ему возможность делать чрезвычайно интересные и важные для этнографии выводы. Разумеется, такой метод под силу только высоко-квалифицированным этнографам, но он не исключает, а скорее подразумевает работу сотрудников разных ступеней квалификации, на долю которых остается описание современного быта населения и собирание материалов по фольклору.

При этнографических изысканиях следует обращать внимание не только на материальный, социальный и духовный быт населения, но и на его психический склад и характер. К сожалению, на последнюю сторону этнографы последних лет мало обращают внимания, а между тем в прошлом столетии вопрос о народном характере занимал центральное место при этнографических исследованиях и ставился в тесную связь с политическими и социальными вопросами. Вот что говорит по этому поводу известный ученый А. Н. Пыпин в IV томе «Истории русской этнографии» (С.-Пет. 1892 г., стр. 414—415): «Путешественники XVIII-го века, заезжая в Сибирь, обращали уже внимание на особенности сибирского быта и нравов. Можно было вперед предполагать, что далекая страна, издавна оторванная от ближайших связей с центром, окруженная чужими народами, поставленная в условия природы и быта, также чуждые этому центру, приобретет свои бытовые отличия, и путешественники-натуралисты из своей науки могли извлечь соображение о том, что важно было-бы отмечать эти местные особености страны и народа. С тех пор в литературе о Сибири мы нередко встречаемся с этими стараниями наблюдать характер «сибиряков», в отличие или даже в противоположность к русским в европейской России... Одни, и особливо сибирские патриоты, а также люди, писавшие с их слов, говорят, например, что сибиряки выгодно отличаются многими своими качествами от русских, что у них сохранилось много старины в нравах и обычаях, что они менее испорчены, более независимы, и т. п.; другие, напротив, утверждают, что сибирское население далеко отошло от настоящих русских, что старина затеряна, что смешение с инородцами испортило русский тип, что сибирские нравы грубы и т. д. Разрешить это противоречие не представляется пока возможным. Существенно, что нужно бы сделать для разъяснения вопроса, это была бы бытовая история Сибири... и затем — изображение современной общественной и народной жизни, которое позволило бы разобраться в сложной массе сибирского быта». Впрочем, Пыпин, не в пример более ревностным сторонникам идеи особой сибирской народности, как чего-то целого, делает очень существенную оговорку: «Сибир-

ский народ», — говорит он, — «есть нечто столь сложное, что говорить о нем, как однородном целом, кажется, нельзя. Русское население пересыпано инородцами и различными расовыми помесями: самый русский народ представляет ряд ступеней, от настоящих русских, сохранивших много подлинной народной жизни, до тех последних вариаций типа, где полузабывается самый язык, и до обрусевших инородцев, где русское является еще только поверхностным слоем». Там же, стр. 435).

Вопрос о туземцахСибири и, в частности, Томского края впервые был поставлен во всей широте Кастреном в 40-х годах прошлого века. Матиас-Александр Кастрен (1813 — 1852) был командирован Академией Наук в Сибирь для изучения самоедов и их распространения по Сибири. Но, обладая широким научным кругозором, он расширил рамки своей задачи и исследовал с лингвистической точки зрения все попадавшиеся ему на пути туземные племена. Попутно в своих отчетах и донесениях он дает много ценных этнографических сведений, между прочим, об остяках и самоедах Томского края. Литература об остяках и самоедах, живущих на территории Томского округа, чрезвычайно бедна. До опубликования результатов исследований Кастрена мы знаем о них только то, что сообщили в своих трудах путешественники конца XVIII века: Миллер, Гмелин, Паллас и Фальк.

Популяризации работ Кастрена среди сибирских читателей много содействовал кн. Костров, поместивший в 60-70-х годах в «Томских Губ. Ведомостях» ряд статей о туземцах Томского края, представляющих извлечение из трудов Кастрена. Сюда относятся след. статьи: 1) «Томские самоеды (по Кастрену)». «Том. Губ. Вед.». 1867 г., №№ 23, 24, 25; 2) «Заметки Кастрена о Нарымском крае», «Том. Губ. Вед.». 1867 г., №№ 37 и 38; 3) «Нарымские остяки (по Кастрену)». «Том. Губ. Вед.». 1867 г., №№ 39, 40; 4) «О состоянии женщин между инородцами Томской губернии». «Том. Губ. Вед.». 1873 г., №№ 24, 26, 27, 29, 30, 31, 33, 34. (У остяков Васьюгана, самоедов, чулымских татар, томских татар и др); 5) «Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири» Спб. 1879 г.

После выхода в свет «Nordische Reisen u. Forschungen» Кастрена (Petersburg, 1853 — 1858, 12 томов) до 80-х годов прошлого века в литературе об остяках и самоедах Томского края не появилось ничего существенного, и только в 1884 году в «Зап. Зап.-Сиб. Отд. Рус. Геогр. Об-ва» (т. VI) вышла обстоятельная статья Н. П. Григоровского, под заглавием «Описание Васьюганской тундры». Автор на основании личных наблюдений довольно подробно описывает материальный и духовный быт васьюганских остяков, рисует их экономическое состояние и приводит статистические данные демографического характера.

К 1900 году относится статья А. Г. Воронова «Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии». (Записки по отд. этнографии Рус. Геогр. Об-ва», т. XVIII). Автор довольно обстоятельно описывает жизнь рода и семьи у остяков и самоедов, говорит о формах землевладения, о договорных обязательствах, о преступлениях и судопроизводстве у этих туземцев. Об остяках р. Ваха впервые мы узнаем из статьи А. А. Дунина-Горкавич «Очерк народностей Тобольского Севера», напечатанной в «Изв. Рус. Геогр. Об-ва», 1904 г., т. XII, вып. I — II; затем в 1916 г. в «Живой Старине» (кн. I) появляется статья покойного Гр. Дмитриева-Садовникова «Береста и изделия из нее у остяков р. Ваха». Другая работа этого автора — грамматика

наречия ваховских остяков, с приложением их сказок, загадок и песен, к сожалению, до сих пор не напечатана и хранится в рукописи в Тобольском Гос. Музее. Самое последнее исследование быта ваховских остяков относится к 1926 году. В этом году М. Б. Шатилов совершил поездку на р. Вах для экономического обследования ваховских остяков и попутно собрал этнографические данные и фольклористические материалы, которые обработаны и приготовлены к печати. Часть из них печатается в настоящем сборнике.

В литературе об остяко-самоедах Томского края после указанной выше статьи А. Г. Воронова наступает перерыв до 1915 года. В этом году В. М. Крутовский поместил в «Трудах Томского Общества изучения Сибири» (т. III, вып. I) статью, под заглавием «Самоедский эпос», представляющую перевод из статьи Кая Доннер'а, помещенной в «Journal de la Société Finno-Ougrienne». Эта статья представляет для этнографов исключительный интерес. В опровержение предположения Кастрена, что эпос томских самоедов не является оригинальным, Кай Доннер, на основании личных исследований эпоса самоедов р. Кети осенью 1912 года, пришел к заключению, что записанные им легенды о герое Итъте представляют продукт оригинального творчества самоедов. Вот как Кай Доннер определяет свое впечатление от самоедского эпоса: «В самоедском поселке Меташкина я в первый раз услышал от сына прославленного шамана в полном виде эту великую эпическую самоедскую поэму. Однако, он не мог сообщить ее дословно, так как, хотя известное число эпизодов он мог воспроизвести слово в слово, другие части поэмы он рассказывал лишь по памяти. Во всяком случае у меня получилась схема поэмы, и впоследствии оказалось значительно более легким включить в нее как отдельные эпизоды, с которыми я познакомился ранее, так и те, которые мне привелось слышать позднее... Впоследствии, когда я перешел границу этой области и путешествовал по Енисейской губернии среди так называемых Natsco-Pumpokol самоедов, я сделал еще более ценную находку: ибо здесь, в обетованной стране шаманизма, эпические песни и саги все еще существуют в изобилии. Можно было бы область верхней Кети назвать Карелией самоедов (ведь известно, что в Карелии был найден самый богатый материал для Калевалы, нашей национальной финской поэмы)». Необходимо здесь упомянуть, что один из эпизодов этого замечательного эпоса был записан и опубликован Н. П. Григоровским в его книге «Азбука сиссегой гуляни» (Казань, 1879 г., стр. 30—33), под заглавием «Итя», по-самоедски и по-русски, в том виде, в каком он его слушал на Чае[1]). Находки Кая Доннера показывают, какие духовные богатства таятся в недрах туземных племен: надо только их выявить, и сделать это, не откладывая в долгий ящик, пока культура их не смыла.

В 1927 г. в «Трудах Томского Краевого Музея» появилась статья М. Б. Шатилова «Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района», представляющая результаты его наблюдений во время поездки летом 1924 г. Автор побывал в трех остяко-самоедских селениях, близ Нарыма: Юрты Тюхтеревы и Юрты Пыжины и др. и дал краткое описание промыслов, жилища, одежды, пищи и домашней утвари остяко-самоедов. В этой же статье автор описывает одно тунгусское стойбище близ Нарыма, где он в течение суток наблюдал жизнь семьи тунгусского ша-

---

[1]) Кай Доннер. Самоедский эпос. Перевод с английского В. М. Крутовского. Тр. Том. об-ва Изуч. Сибири. Томск, 1915 г. стр. 42.

мана Шолеула. Это, насколько мне известно, единственное этнографическое описание тунгусов Томского края.

Литература по этнографии населяющих Томский край тюркских племен еще более бедна, чем литература об остяках и самоедах. Начало изучению тюркских племен Сибири было положено академиком В. В. Радловым. В 1866—1886 г.г. вышло шесть частей его капитального труда по фольклору, под заглавием «Образцы народной литературы северных тюркских племен». Тексты, собранные Радловым, дали русскому ученому Стасову материал для его теории о восточном происхождении древне-русского эпоса. В 1867 г. кн. Костров поместил в «Томских Губ. Ведомостях» (№ 7) статью «Чулымские инородцы», в которой описан быт чулымских татар. Татарам Томского округа посвящена одна глава книги Н. М. Ядринцева «Сибирские инородцы, их быт и современное положение». (Спб. 1891 г.). В этом труде Ядринцев сделал первую, очень интересную попытку составить сводку этнографических и статистико-экономических изучений туземцев Сибири под определенным углом зрения. Его целью было выяснить положительный и отрицательный прирост туземных племен Сибири, отметить факты их вымирания и об'яснить его причины, охарактеризовать взаимодействие русского и туземного населения, а также влияние на туземцев русской культуры и просвещения. Мысли, высказанные Ядринцевым, не только не устарели, но при свете современной советской политики самоопределения народностей получили большую выпуклость и яркость.

В 1904 году в Уфе выходит на татарском языке книга, под заглавием «Тарих Калмы Туркэ», автором которой является Хасан-Гата Бенс, мулла Мухамиада-ль Габшин. Здесь мы находим сведения, между прочим и о татарах Томского края.

В самое последнее время в «Трудах Об-ва Изучения Томского края» (т. I, 1927 г.) появилась работа П. Г. Иванова, под заглавием «Томские татары». Она имеет целью выяснить происхождение одного тюркского племени, зарегистрированного в Томском округе по переписям 1920 года и 1926 г. под названием «карагасы»; но попутно автор дает краткие сведения о быте и других татарских племен Томского округа.

Подводя итоги нашему обзору этнографических изучений русского и туземного населения Томского края, мы еще раз должны констатировать, что в этом отношении пока сделано очень мало и особенно это замечание следует отнести к этнографической литературе русского населения. Мы все еще, повидимому, недостаточно изжили кунсткамерный взгляд на этнографию, как ее понимали наши путешественники конца XVIII в., отмечавшие в своих трудах только особенно резко бросающиеся в глаза формы быта. Для такой этнографии наблюдения над бытом русского населения не дают достаточного материала: этот быт для нас слишком близок, чтобы возбудить стремление его описывать, и только сибирские писатели, в сознании которых этот быт отразился в типических образах, отчасти восполняют эти пробелы сибирской этнографии.

Задачи, предстоящие этнографическому изучению Томского края, огромны. Мы переживаем интереснейший исторический момент, когда старые формы быта начинают изменяться под влиянием Октябрьской революции. Зафиксировать этот момент, уловить борьбу старого с новым, определить главную движущую силу в этих изменениях и взаимодействие действующих в них элементов, отметить положительные и от-

рицательные стороны совершающихся бытовых процессов — все это задачи интересные и важные не только в чисто научном, но и практическом отношении. Но они не могут получить правильного разрешения, если сибирская этнология не будет поставлена в благоприятные условия. У нас нет достаточного кадра квалифицированных этнологов. Необходимо его создать; а это возможно только в том случае, если при Томском Государственном Университете будет открыт гуманитарно-педагогический факультет, в котором преподавание этнологии Сибири нашло бы достаточное выражение.

А. М. ПРИБЫТКОВА-ФРОЛОВА.

Памятники архитектуры XVIII и XIX века в Томске.

Материалом для настоящей статьи послужили данные обследования архитектурной старины Томска, организованного Томским Краевым Музеем, летом 1927 года.

Это обследование показало, что в Томске имеется большой художественный материал по архитектуре. Вероятно, дальность расстояния от культурных центров причина того, что Томск до сих пор не видел в своих пределах тех любителей и исследователей архитектурной старины, которые посетили старые уголки Европейской России и отразили их в своих заметках, статьях, фотографиях.

Правда, быть может, в Томске не так часты здания, удовлетворяющие строгим стилистическим требованиям, но сколько в иных случаях неканонизированной прелести, живописности, своеобразной, но интересной трактовки какого-либо архитектурного мотива.

То обстоятельство, что это не только не дворцы, но в большинстве случаев даже не общественные здания, а только частные дома, особенно интересно, так как такой материал показывает не оффициальную, парадную жизнь, а действительные жизненные условия.

Весь этот материал заслуживает быть выявленным, зафиксированным и не только с художественной стороны: он даст многое и для истории города, покажет периоды его развития, роста, культурную связь с центром.

Основанный в начале XVII-го столетия (1604 г.), город первую сотню лет своего существования являлся оборонительным пунктом и, теряя по мере покорения туземного населения и расширения границ свое военное значение, приобретал новое.

Фальк говорит об этом периоде жизни Томска[1]): «Томск по своему положению при большой дороге и по причине отдаленных городов, делающих здесь закупки, производит значительный торг иностранными, европейскими, китайскими и бухарскими товарами. Последние привозятся, но не всякий год, бухарскими караванами, а первые из Макарьева, Ирбита и Кяхты. Иногородние российские купцы покупают в Томске сибирские продукты». Таким образом город развивается.

Заселение его стало происходить и вне деревянных стен крепости, заселялась Воскресенская гора, вообще правый берег Ушайки, а потом и левый.

Во второй половине XVIII-го века в растущем городе появляются каменные здания: церкви, затем и гражданские постройки.

В начале XIX-го века Томск делается губернским городом, при Николае I план его «высочайше» утверждается. Губернскому городу нужно здание присутственных мест — оно появляется, нужен кафедральный собор — появляется и он, такой типичный для церковных сооружений, претерпевших на себе влияние Тона.

К тому времени уже существуют каменные торговые ряды, типичные особняки, Мещанская Управа. Выработались типы обывательских

---

[1]) Записки путешествия академика Фалька, издания 1824 г.

домов, служб, ворот и всех декоративных деталей — город получил определенную физиономию, отражающую общие течения века.

Вторую четверть прошлого столетия жизнь в Томске носила название «золотой горячки». Открылись золотые россыпи вблизи Томска. Оживилась промышленность, торговля. Ряд лиц составил себе в это время благосостояние. Разбогатевшие люди строят дома — Горохов (дом не существует), Попов, Филимонов, Асташев и др. Живут и теперь воспоминания о саде Горохова.

Я лишь бегло останавливаюсь на этих факторах государственного и местного значения в деле застройки города, желая наметить те вехи, по которым пройдет настоящий обзор. Томичам это известно по живущим еще воспоминаниям. Я же не предполагаю в настоящей заметке детально рассказать историю города или постройки отдельных зданий, преследуя цель продемонстрировать материал обследования и поделиться некоторыми мыслями.

Собранный при обследовании материал относится ко 2-ой половине XVIII и первой XIX века.

В Европейской части нашей страны из памятников гражданского строительства наиболее древние относятся к XVI-му веку, но таких единицы — в Пскове, Угличе. Относящегося к XVII-му веку больше, но все же немного. Памятники первой половины XVIII-го века имеются тоже в небольшом количестве. Гражданское строительство в форме особняков, усадеб, начало развиваться при Екатерине II, т. е. во второй половине XVIII-го века.

Свидетелями этого периода в Томске является небольшое количество деревянных жилых домов, большая часть которых уже не годны для жилья.

Все эти дома не велики, низки; крыши деревянные, на четыре ската; бревна крупные, никаких украшений, кроме мелькающих сухариков в карнизах — под крышей, на наличниках, на воротах и калитках. Последние во всех случаях одинаковы и состоят из обтесанных столбов, ничем не декорированных и забранных вверху одной — двумя досками. Полотнища калиток и ворот состоят из вертикальных досок Обработка самая простая. На калитках старинные скобы (фот. 1).

В XVIII-ом веке каменные дома если и строились в Томске, то не раньше двух последних десятилетий, что следует из свидетельств современников, посетивших Томск[1]).

Таким образом, большая часть материала относится к первой половине XIX-го века.

В то время, как деревянные «амирные домики» из столиц были вытеснены новыми каменными домами; в то время, как в провинции Европейской России они тоже делаются редким явлением, Томск еще богат ими, но и здесь они исчезают. За период летнего обследования 1927 года было два таких случая.

Такое богатство Томска ампиром линий раз подтверждает взгляд на русский ампир, как на стиль русский, настолько он привился в России, приняв формы несколько отличные от западно-европейского, и полюбился нам.

Он так внедрился в жизнь, что мы видим его формы не только в жилых домах, но и во входной двери какого-нибудь осевшего погреба, сарая, конюшни.

---

[1]) Там же.

Конечно, творцами архитектурных форм таких служб или маленьких жилых домов были не художники-архитектора, а, вероятно, творили сам хозяин и выполнитель работ. Это было творчество населения города. Такое внедрение ампирных форм во вкусы обывателя даже далекой провинции говорит о жизненности стиля, о его созвучии с эпохой.

Тем больше оснований интересоваться этим стилем и выявить его типичные черты, как «ампира» в обычном понимании этого слова, так и в его томском значении.

Хочется итти в рассмотрении путем, параллельным времени, но это трудно сделать, так как документальных данных очень мало.

Большая часть применяющихся форм является отзвуком течений, которые были в культурных центрах того времени, но с хронологическим запаздыванием.

Так как эпохи никогда не разграничиваются резко во времени, а всегда налегают одна на другую — при расцвете одной уже зарождается другая — то и невозможно по одним формальным особенностям уверенно относить старинные здания к тому или иному периоду времени, а для далекой провинции, всегда идущей позади столиц, тем более.

Поэтому при рассмотрении материал расположен в последовательности не столько временной, фактической, — для этого, как сказано выше, мало достоверных сведений, — сколько в последовательности идейной, но с с большим вниманием ко всему, что может датировать.

Несомненно, архив бывшей Городской Управы позволил бы многое установить точно. Настоящая заметка и не преследует цели дать исчерпывающие сведения, сказать последнее слово. Наоборот, мое слово является первым общим обзором томской архитектурной старины, и поэтому я чувствую себя особенно обязанной быть сдержанее в своих заключениях и не давать ложных направлений этому вопросу.

И сейчас, когда остатки старины исчезают, то по естественному возрасту своему, то потому, что их неузнаваемо меняют — не в том дело, чтобы сейчас же приклеить к ним ярлык «такой-то» стиль, а в том, чтобы вообще их, уходящих из жизни, зафиксировать, описать, сказать то, что может очевидец, сохранить в том или ином виде, как материал для последующего изучения.

На Никольском пер. № 8 есть дом, относительно которого по документам о наследственном владении, показанным хозяином, известно, что в 1819 году он уже существовал. Его деревянная крыша, крупные бревна говорят о давности постройки, характерно даже окно на чердаке.

Тот же внешний характер имеет дом на углу Монастырской и Никитинской. Здесь уже видим и непременный в последующем фронтон и нередко встречающиеся модульоны в карнизе. Первый этаж от времени осел, что так характерно для томской почвы. Неоднократно можно встретить такой, наиболее ранний, ампирный дом.

К сожалению, нет возможности привести достаточное количество фотографий, чтобы дать полное впечатление о томском ампирном доме. Подобранные определенным образом, они очень хорошо выявляют типичное. Дом на Б.-Подгорной, 12, очень близок к предыдущим. Соляной переулок, 13 — общий характер, ампирные детали окон, наличники, ставни, входная часть с фронтоном, крыльцом и прелестной решеткой из тоненьких брусков: Соляная площадь, 1, — весь ансамбль дома, ворот и калиток характерен: Магистратская, 23, — с исчезнувшим балконом и колонками его и, как будто висящим в воздухе, покрытием над ним; Ленинский, 21. — двухэтажный дом с мезонином, значи-

тельно ушедший в землю, фасад которого обработан с полным пониманием; Акимовская, 32, — лишенный в своем внешнем выражении обычного уюта, но с типичными деталями; Магистратская, 10 — с улицы широкий и приземистый, со двора неожиданно оказывающийся довольно большим, с мезонином, у которого следы исчезнувшего балкона — их так много.

Эти небольшие домики как-то скромны со стороны улицы, только во дворе обнаруживается мезонин с балкончиком, в большинстве случаев уже отсутствующим, в выступающей части фронтона входная дверь, защищенная типичным крыльцом с колоннами.

Один из ампирных домиков на главной улице, в месте наибольшего движения, отягощен и обезображен вывесками настолько, что за ними исчезает его характер. Зато его дворовый фасад (фот. 2) в полной мере еще сохраняет свои особенности: крыльцо на колонках, фронтон с окошечком, карниз с модульонами, балкон с решеткой того же простого, изящного рисунка, который уже упоминался (Соляной пер., 13), — все те же ампирные мотивы. Вообще в обработке видно влияние каменных форм.

В иных случаях полная имитация их, например, дом на Ленинском, 21 или особняк на Никольском переулке, 7.

Повторяю, нет возможности привести все фотографии и тем самым дать полный образ ампирного дома — всегда стареющего, часто разрушающегося, покосившегося, с какой-нибудь прелестной деталью, то безотрадно запущенного, то полного элегичности в своем умирании. Сколько мотивов могут дать художнику эти покосившиеся крыльца, эти балкончики, эти осевшие от старости домики в целом, с высокими деревьями над ними, цветущие всеми цветами старого дерева.

Раскраска деталей часто так интересна, и, повидимому, считалась значительным фактором в украшении зданий.

Многие здания выкрашены в серый, ультрамариновый цвета с выделенными белыми деталями, другие — в красный с белыми же деталями и линиями рустов. Резко выделенные в последнем случае, детали придают большую выразительность фасаду (фот. 3). Дворовый фасад этого же дома (Акимовская, 15) с балконом на консолях с четырьмя колоннами на балконе, поставленными попарно и поддерживающими с вырезанным тимпаном растянутый фронтон, интересен и в достаточной мере типичен.

Характерно и интересно в красочном отношении крыльцо дома на Белозерской улице, 15.

Очаровательной гаммой блеклых красок, первоначально, вероятно, ярких — зеленой, желтой, красной — обращает на себя внимание крыльцо дома на Белой улице, 5 (фот. 4). Покрашены капители колонн, резные украшения на архитраве, зубчики карниза. Вообще, этот дом очень интересен: двухэтажный, с осевшим нижним этажем, как большинство старинных домов в Томске, с маленькими квадратными окнами, с типичной обшивкой, фронтонами, тремя крыльцами, с модульонами в карнизах, с нарядными наличниками, украшенными стилизованными листьями, гроздьями и розетками (эти украшения резные, не выпиленные), при чем с каждой стороны дома эти украшения имеют разный рисунок; с резным междуэтажным пояском по фасадной стене, с применением полихромии — он производит впечатление такого любовного созидания, желания высказать запас идей, избыток которых одолевает. А нужно сказать, что потемневший, особенно с улицы, за де-

реньями, этот дом как-то не сразу видно.

Иногда при выискивании «старого Томска» попадаются дома, службы, в целом или своими деталями поражающие: хочется знать кто же был творцом этого? Кто, если и отошел от строгих канонизированных форм, если и не знает совершенно архитектурных принципов, то все же так изумительно интересно разрешает декоративную сторону своей задачи.

На Водяной улице, № 27, простенький маленький домик (фот. 5). Вся его особенность в прекрасно разрешенном декоративно фронтоне с живописно углубленной нишей, на фоне которой хорошо выделяется рисунок решетки, а за ней, в глубине, дверь с полуциркульной фрамугой. И лучистая обшивка тимпана словно направляет внимание к этому центру фасада.

Один из самых прелестных ампирных домов теперь уже снесен (фот. 6). Даже в последние свои дни, в состоянии еще худшем, чем на фотографии, он был полон мягкой прелести. Его средняя часть решена так прекрасно, что несомненно тот, кто ее сделал, был художником: не случайность эти удачные пропорции, эта живописность. Вероятно, вместо досок, ограживающих балкон, была когда-то хорошая решетка. Он напоминает своей средней частью казаковские приемы.

Хорошие детали на доме по Знаменской ул., 24, особенно капители угловых пилястр с ионическими валютами.

Есть здания и более позднего времени, но еще в тех же почти формах, напр. дом на Ярлыковской улице, № 27. Интереснее он с дворовой стороны, где видны опять изящные решетки балконов, сохранившийся в одном окне узорный переплет с цветными стеклами (нижние чудного рубинового тона) и перекрытие входной части, характерное для Томска, вероятно, около половины прошлого столетия.

Ни один из этих домов не имеет входа со стороны улицы, как правило, — ход со двора. На приведенных выше фотографиях можно было видеть не раз эти входы с крыльцами, всегда одинаковые. Две колонны, более или менее обработанные, поддерживают перекрытие крыльца. Совершенно как и у балконных перекрытий, фронтоны или треугольные или лучковые. В первом случае тимпан в большинстве примеров вырезан, а во втором — украшен накладной резьбой. Что самое удивительное в этих крыльцах — это колонны. В крыльцах только в редких случаях дорические колонны, а самое обычное — тонкие колонки суживаются к верху, иногда ущипляются посередине (Духовская, 19) и заканчиваются неожиданно капителью прямо египетского характера, пальмового вида. (Очень хороший пример Белая, 5).

Иногда над входной частью застекленная галлерея, поддерживаемая колоннами, например, Черепичная, 13, или уже упомянутый дом на Соляной площади, 1.

Реже попадаются крытые переходы между домами. Из таких особенно интересен на Хомяковском, 13, затем есть на Кривой улице, на Набережной Ушайки.

Кое где старинные усадьбы загорожены прелестными заборами, которые вообще сохранились в меньшей степени, чем дома. Один из таких заборов на улице Равенства. Тянущийся на большое расстояние звено за звеном, он дает впечатление ритма. Еще пример — Ярлыковская, 3, где сохранились лишь два звена с простой изящной решеткой (фот. 7).

В большем количестве сохранились ворота. Один из прекрасных образцов — ворота на Миллионной, 26, очень пострадавшие от времени, одна калитка забита, что портит впечатление, но с хорошими ампирными накладными деталями (фот. 8). Того же характера, но лучше сохранились, ворота на Хомяковском пер. В них очень хорошо сочетание только горизонтальных и вертикальных линий. Общий, тянущийся над воротами и калитками архитрав, не перебиваемый столбами, производит впечатление единства и спокойствия во всей входной части, единства, как в смысле композиции, так и в смысле обработки. Ворота, уже описанного дома, на Белой улице, с приземистыми, широкими калитками, с приплюснутым покрытием их, нельзя обойти молчанием.

По-видимому, особенно распространены были ворота совершенно повторяющие каменные формы: рустованные столбы; арочная кладка над проемами калиток (Никольский пер.).

Ворот такого вида сохранилось еще много. На более поздних образцах появляется ажурный фриз, столбы украшены накладными колоннами, того же характера, что колонны крылец.

За старыми заборами и воротами, позади дома с мезонином, почти всегда можно найти старый амбар, всегда длинный, то приземистый, всем своим видом говорящий о служебном назначении, то двухъярусный с галлереей вдоль верхнего яруса, поддерживаемой рядом колонн.

С какой выразительной простотой разрешена иной раз декоративная задача с одной стороны, как хорошо передано формой назначение здания с другой — иллюстрирует старый дом, вероятно, служивший конюшней, по Гоголевской ул., 14. Вскоре после фотографирования это здание было снесено. Просуществовало оно, надо думать, не меньше сотни лет. Это было большое здание, имеющее со всех 4-х сторон входы, обработанные слегка выступающими пилястрами с фронтоном над ними. Оно производило общее впечатление простоты, строгости, силы и сдержанности.

Амбар во дворе усадьбы на Магистратской, 23, тоже любопытный пример: небольшой низенький амбар, от самой земли смело очерчена арка и в ней дверь. Ничего декоративного, кроме трех «камней» над аркой, но нельзя пройти мимо этого скромного амбара.

Иногда встречаются амбары крестьянского типа, высокие, с высокой же крышей. Часто интересны усадьбы в целом, или, как упомянутая уже на Соляной площади и другие, своим общим типичным для томского ампира видом или общим выражением своим, как усадьба на Кривой, 7, где старинный дом соединен крытым переходом со службами, когда-то обслуживающими большое хозяйство. Группы служб интересны характером деловитости и солидной хозяйственности.

Как уже сказано выше, каменные дома начали строить в Томске в конце XVIII столетия. По свидетельству Фалька в 1772 г. в Томске не было ни одного каменного дома.

Как на первый каменный дом в Томске указывают на дом по Магистратской (ул. Р. Люксембург), 21. В нем нет как будто ничего, о чем бы можно было говорить и что бы указывало на принадлежность к той или иной эпохе, и все же весь он, уже разрушающийся, и своими пропорциями, размерами окон, их наличниками, своим разрушением, и чем то неуловимым говорит о старине.

Не приходится останавливаться на отдельных ранних каменных зданиях. Их было мало и поэтому трудно сделать обобщающее заключение. При более развившемся строительстве появилось и единство.

Обычно нижний этаж рустован, окна маленькие, верхний гладкий, окна выше, чем в нижнем, с сандриками. Дома небольшие, пропорции приятные. Дают впечатление уюта и спокойствия, например — дом на Нечаевской, 6. Такое же впечатление производят особняки на Духовской, 14 и 16 (фот. 9). Средняя часть выделена пилястрами и фронтонами. Оба дома построены не ранее 30-х годов. Дворовые фасады с мезонинами и балконами естественны в своем выражении и совершенно не парадны.

Сквозь позднюю серую окраску местами проглядывает желтая в доме № 14. Карнизы деревянные, штукатуренные, также тимпаны фронтонов.

Дома на Воскресенской, 2 и на Благовещенской площади против старого собора, имеют много общего между собой в обработке стен, в сочности деталей. Дом на Благовещенской площади имеет пристройку более позднюю, с той племообразной крышей, о которой уже говорилось. Усадьба этого дома обнесена осененным деревьями забором, который тоже упоминался. Оба дома имеют мезонины с балконами.

В начале Магистратской улицы (теперь Р. Люксембург), стоит дом бывшей Мещанской Управы — «Магистрат», дом, построенный раньше предыдущих, лучше их передающий ампирные традиции и сохранивший еще прежнюю окраску — желтую. Каланча на нем тоже старинная. Безобразная, громадная вывеска портит среднюю часть (фот. 10). Он стоит в начале одной из старинных улиц, на другом углу которой единственный дом в Томске в стиле ложной готики, прежде Самохвалова, теперь принадлежит Физио-Терапевтическому Институту. Напротив, через Ушайку, теперь каменный мост, прежде — «Думский», деревянный, когда-то проектированный декабристом Г. С. Батеньковым.

При повороте за готический дом на Ефремовскую ул. перед глазами встает костел, построенный в 1833 г., со своей колокольней, проектированной по сохранившемуся устному преданию тем-же Г. С. Батеньковым. А дальше, на первом же квартале, когда то имел собственный дом сосланный в Томск, известный анархист, Бакунин. А еще прежде, в 1604 г., это место Воскресенской горы было частью «Томского острога» (крепости).

Если вернуться к зданию бывшего «Магистрата» и пойти в направлении к Томи, то здесь на пути будет самая старая из каменных церквей, Богоявленская, еще несколько дальше — вросшие в землю мясные ряды (фот. 11). И по другую сторону Ушайки, по Набережной, за каменным мостом, ряд старинных зданий, заканчивающихся у пер. Батенькова (прежде Благовещенского, переименованного в память декабриста Г. С. Батенькова, жившего там) бывшим губернаторским домом. Здание это с плоскими канелюрованными пилястрами с мелкими и плоскими лепными украшениями, очень хорошего рисунка имеет характер некоторых построек николаевских времен, быть может, Штакеншнейдера. Нельзя не отметить готического рисунка балконной решетки.

Еще более, чем бывшая мещанская управа, прекрасным образцом ампира является здание, где теперь помещается Краевой музей, бывший дом Асташева (фот. 12). Его строитель доподлинно известен — это архитектор Деев, приехавший в Томск из Петербурга[1]). Об этом здании не приходится говорить, как о милом, несколько наивном про-

[1]) Сведения о нем можно получить в книге Евтропова „История томского кафедрального собора".

виндивализме. Хороший мастер чувствуется в прекрасных пропорциях, общей стилистической выдержанности. Дом брусничного тона с белыми деталями. Дворовый фасад его, лишенный парадности уличного, хорош живописной группировкой окон. Внутри здание было хорошо отделано. Частично сохранилась мебель Асташова, тоже ампирная. Он построен в 1842 г. Там бывали Бакунин, Батеньков. Этот дом, ценный и с исторической стороны и с художественной, заслуживает лучшего вида, чем он имеет сейчас.

Это здание 40-х годов, но оно ничего еще не взяло от Николаевской эпохи. Одновременно город застраивался целым рядом домов, часто еще сохранивших в своем внешнем виде характер уюта и приветливости, свойственный ампирным домикам, но уже приобретший однообразие (Спасская, 24, Духовская, 19, угол Миссионной и Тецковского переулка) и скучную, лишенную индивидуальности, повторяемость деталей те же, но в иных пропорциях и более сухи, напр., дом на углу Почтамской и Подгорного переулка, бывш. Ремесленное училище.

Это очень заметно, если сравнить эти последние дома с особняками на Духовской, 14 и 16 (фот. 9). Город от Университетской дошел до нынешней площади Революции, которая тогда была отведена под постройку кафедрального собора, порученную тому же Деспу. Влияние Тона на церковную архитектуру всецело выражено этим собором. (Деспом построен по присланному проекту).

На этой же площади было отведено место под здание присутственных мест, которое служит прекрасным украшением площади и является типичным образцом здания такого назначения (фот. 13). В частности, оно, чрезвычайно похоже на здание присутственных мест в Симбирске, только последнее не имеет модульонов в карнизе.

Это здание, торговые ряды, бывший дом Асташева — это то типичное, то характерное для русских городов первой половины прошлого столетия — что говорит об общем ходе жизни и общих бытовых условиях.

Из церковных сооружений первой по времени является Богоявленская церковь, построенная в 1784 г. Она, как и большинство каменных церквей, построенных около того времени, существовала и ранее, но деревянной.

Несколько позже построен (освящен в 1806 г.) старый собор. Он стоит на пересечении нескольких неправильных, очевидно, в старину намеченных улиц — на Благовещенской площади. Он очень понижен относительно уровня окружающих улиц, говорят, что настолько осел. Это, если и не совсем, то в значительной мере верно. Грунт в той части города очень слабый, вместе с тем и мостовая могла быть поднята. Во всяком случае, он по-стариковски врос в землю среди жизни этой довольно шумной части города. Интересны в окружающей ограде калитки. Внутри церкви нужно отметить иконостас одного из приделов (левого), в плане представляющий ломанную линию, по характеру своему XVIII-го века, и, главное, икону «живоначальной троицы», присланную, по преданию, на основание Томска Борисом Годуновым. Икона в старинной ризе.

Церковь бывшего Алексеевского мужского монастыря освящена в 1789 г. Портик пристроен позже, быть может в том же 1832 г., когда монастырь был обнесен существующей и теперь стеной, с башнями по углам. К церкви с восточной стороны примыкает кладбище со старин-

ными памятниками 1807, 1812 г., заросшие деревьями и травой. Есть там интересная полуразвалившаяся часовня, деревянная, но оштукатуренная. Есть каменная часовня над могилой загадочного старца, известного под именем «Федора Кузьмича».

Перечисленные церкви, а также Духовская (есть позднейшая пристройка), церковь Вознесенского кладбища, Воскресенская — почти все схожи между собой: маленькие, заросшие зеленью, полутемные.

Они имеют внешние черты, типичные для XVIII века, эпохи позднего барокко, когда его типичные черты соединялись с особенностями русского стиля.

Одна только Богоявленская церковь неуютно стоит на Базарной площади и отличается от прочих окончанием стен на подобие «закомар» и своей высотой.

Указанные даты есть время построек существующих каменных церквей, но не время их основания, которое для всех названных церквей более раннее: первое время они существовали в деревянных зданиях. В нескольких верстах от города, на Басандайке, есть церковь, построенная на средства Попова в 30-х годах XIX в. Эта церковь, представляющая крест в плане, выполнена в ампирных формах. Поэтическое запустение, в котором она сейчас находится, придает ей еще более прелести. Неожиданно хороша вся она, выглядывающая из зелени (фот. 14). Очень хорош ампирный же иконостас сдержанный, простой и хорошо скомпанованный.

Не было пока возможности детально ознакомиться со всем имеющимся в этих церквах, но и сами по себе эти старинные здания — первые из каменных зданий в Томске, наиболее давние свидетели прошлого.

Большая часть фотографий — обывательские домики. С поразительным постоянством повторяется общая компановка здания, обработка стен, детали, мезонины с балконами, крыльца, ворота. Ампирные формы нравились. Еще и сейчас эти старинные дома производят в большинстве случаев хорошее впечатление с художественной стороны. Во всех есть нечто единое, но никакого однообразия.

Нужно отметить параллелизм в развитии архитектурных форм как здесь в Томске, так и в центральной России. Эпоха, о которой есть достаточно материала, эпоха ампира, вполне это подтверждает. Мягкость и приветливость ампира александровской эпохи, также заменяется сухостью николаевского времени. Отдельные образцы — официальные здания, как мещанская управа, здание присутственных мест, торговые ряды — совершенно типичны. Отдельные течения, вкусы, тоже имеют свое отражение в томской архитектуре. Церковная архитектура Тона представлена в Томске новым собором. Прелестный образец ампирного храма — церковь на Басандайке. Даже такое лишь настроение в архитектуре, как увлечение готикой, отразилось в Томске: дом по Магистратской ул., 1, в том стиле, который назвали ложной готикой. Время его постройки мне неизвестно, но можно сказать, что в 60-х годах прошлого столетия он уже был, так как на имеющихся в Томском Краевом музее видах Томска в 60-е годы он значится в том же виде, какой имеет и теперь.

Конечно, перечисленный здесь материал есть только часть того, что собрано музеем летом 1927 г., а собранный материал часть имеющегося в действительности. Все наиболее интересное заснято, сделано до 200 фотографий, но есть еще многое, что нужно было бы зафикси-

ровать. Здания, подобные приведенным, и целые усадьбы удивительно ясно общим своим выражением передающие дух эпохи; прекрасные отдельные детали, интересные своей идеей или выполнением, хорошим рисунком, наконец, местонахождением на каком-нибудь доминике, сарае и т. п.: не могла же здесь быть приложена рука настоящего мастера, но несомненно, что часто и не слепое копирование, потому, что так хороша прорисовка, так масштабна деталь и так удачно применена. Несомненно здесь наличие художественного творчества и внимание к нему совершенно заслуженное.

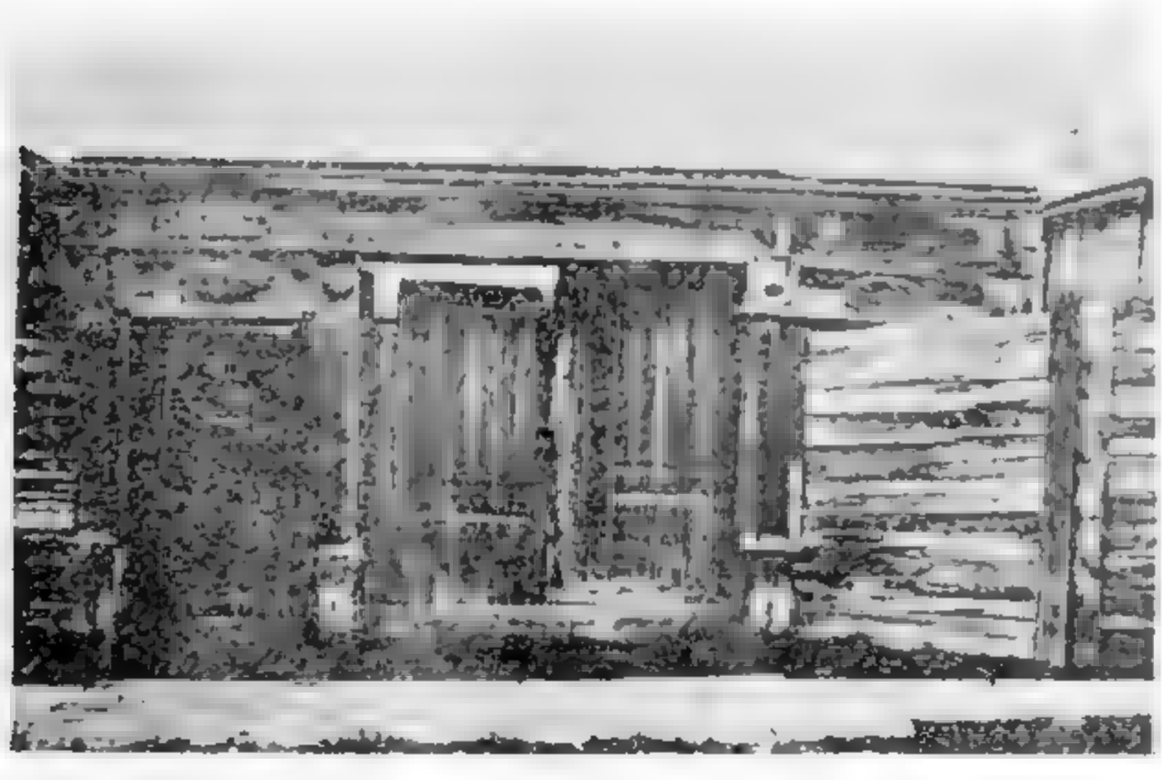
Об'екты обследования ценны, как художественное творчество и как материалы для всех последующих вопросов. Проявление эстетической потребности, осуществление ее, в частности, при постройке жилища из определенного материала и в определенных природных условиях. Отсюда связь формы с материалом и тем самым с конструкцией. Знание свойств материала и конструкции, т. е. состояние техники и дальше — культурное состояние, экономическое и политическое. Вот те вопросы, которым может служить собранный материал. Все особенности местной жизни и природы — все отражено архитектурой того времени, этим искусством более, чем какое-либо другое, связанным с повседневной жизнью.

Фот. 11. Мясные ряды.

Фот. 12.

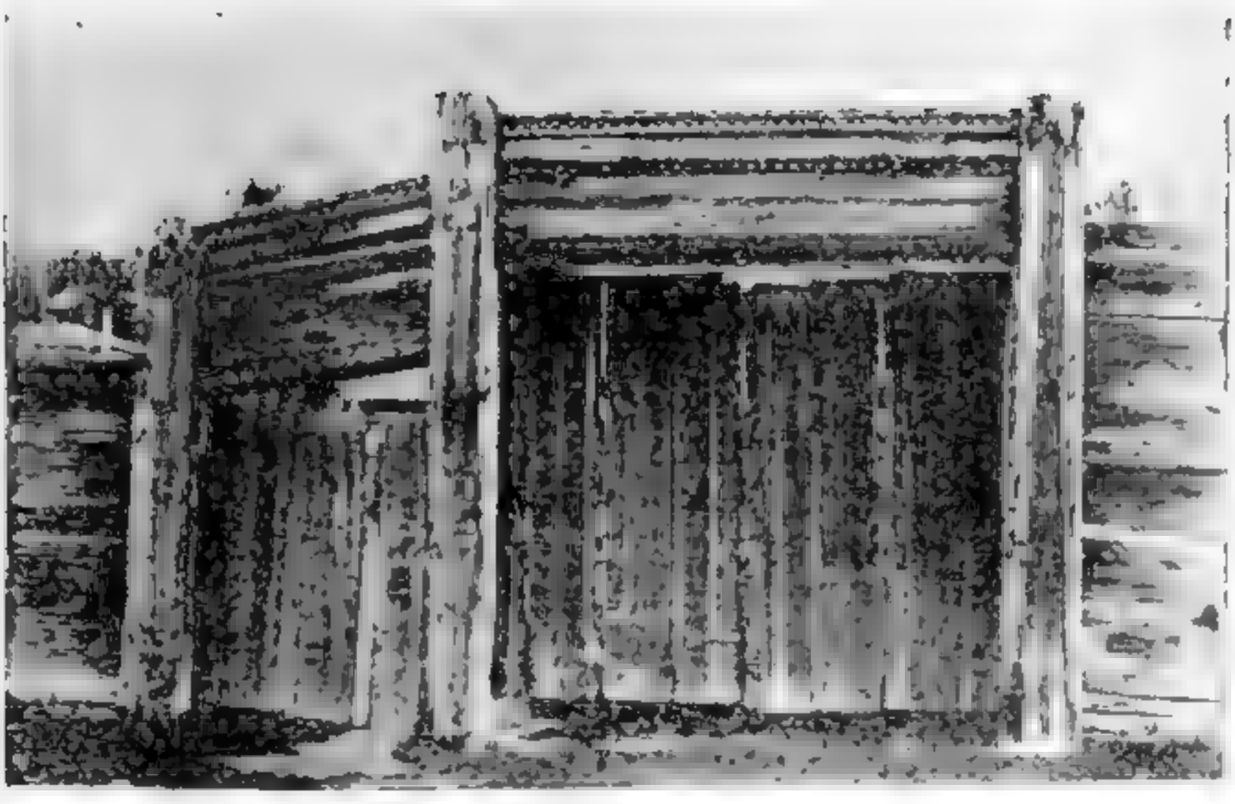
Фот. 9. Духовская ул. № 16.

Фот. 10. Магистратская ул., № 2.



Фот. 8. Миллионная № 26. (Ворота)

Фот. 4. Белая ул., № 5. (Крыльцо).



Фот. 1. [illegible]

Фот. 2. Лешинский проспект, № 1. (Дом со двора)

Фот. 13. Бывш [illegible]

Фот. 14. Деталь Басандайской церкви.

М. ШАТИЛОВ.

Пища Ваховских остяков*).

Пища ваховских остяков определяется, как и другие моменты их жизни, условиями физико-географическими и историко-культурными. Те и другие условия определяют собой как самые продукты питания, так и их обработку — изготовление пищи.

В отношении основных продуктов питания должно сказать, что в соответствии с природными условиями края главным продуктом питания является рыба, второе место занимает мясо, и третье — растительная пища — хлеб и очень редко ягоды.

Все сорта промысловой рыбы по Ваху идут и в домашнее потребление: сюда относится щука — «сарт», окунь — «сёг», язь — «аграчеге», подъязок — «кул-мог», чебак — «кильсе», налим — «сех», карась — «мукы», елец — «мюгге», ерш — «ярых», очень редко встречается нельма — «самаи-кул». Способ приготовления рыбы для пищи довольно разнообразный. Рыба употребляется вареной, вяленой, сушеной, сырой, поджаренной, мороженой и, наконец, толченой, в виде порошка. Сырая рыба — «ярек-кул» употребляется летом и зимой. Очень часто летом свежую рыбу, только что пойманную (особенно щуку), потрошат, срезают голову, затем насаживают срезанным местом на деревянный колышек, воткнутый в землю. Установленная таким образом рыба очищается: с нее целиком, распоротая лишь по брюшку, снимается кожа, после чего постепенно тонкими длинными пластами во всю длину рыбины срезается мясо. Обрабатывается рыба таким образом очень искусно, остаются от нее одни кости — скелет целиком. Срезанные одна за другою ленты рыбьего мяса без соли едят таким способом: берут конец такой ленты в рот, поддерживая левой рукой, а правой обрезают кусочек рыбы ножом снизу вверх, — затем берется в рот опять конец ленты, обрезается и т. д.; проделывается это чрезвычайно быстро.

Зимой сырую рыбу употребляют, главным образом, мороженую — «патом-кул»; едят ее, срезая мясо пластами. Употребляют остяки и строганину, т. е. замороженную рыбу, мясо которой строгается ножом вдоль тонкими пластинками, как бы стружками. Строганина употребляется, как лакомство, перед чаем. Сырой и мороженой идут в пищу, главным образом, крупные сорта рыбы — щука, налим, иногда нельма. Вареная рыба употребляется всякая — мелкая и крупная. Варят в котлах. Для варки крупная рыба очищается от кишок, а чешуя обычно не снимается; мелкая же рыба варится совсем не очищенной. Рыба варится слегка, особенно ее не проваривают. Когда рыба скипит, ее черпаками вынимают в деревянную чашку, или куженьку (берестяный сосуд) и едят; самую же уху в большинстве случаев не едят.

*) Настоящая статья является частью (V глава) большой работы автора: „Ваховские остяки, (этнологические очерки), приготовленной к изданию. Содержанием статьи послужили материалы этнологического обследования остяков реки Ваха (прав. притока р. Оби) в пределах Сургутского края Ваховской экспедицией М. Б. Шатилова в 1926 г. по поручению и на средства Главного Комитета Севера.

Более вкусной, наварной, считается уха из свежей, живой, неочищенной рыбы — «ыляв-кул-кекор-инк» (уха из свежей рыбы). Неочищенная с рыбы чешуя действительно дает особый навар.

Приготовляется уха из рыбьих головок, которые обычно запасаются впрок, при сушке рыбы. Наконец, варится уха из сушеной рыбы — «пянтем-кул-кекор-инк» и толченой рыбы — «порсы». В котел с кипящей водой кладут сушеную рыбу или порсу, без соли, и, немножко поварив, или, вернее, только размягчив таким образом сухую рыбу, едят ее.

Сушеная на солнце рыба, позема — «пянтем-кул», приготовляется так: свежая рыба потрошится, распластывается вдоль, не нарушая однакоже спинки рыбы, так что обе ее половинки потом опять соединяются. Затем рыба надрезается ножом с внутренней стороны поперек во всю ширину полосами чрез 1 см., и несколько пошире повдоль; получаются таким образом квадратные надрезы по всей распластанной рыбе, в каком виде она и сушится на солнце на особых шестах — сушилках.

Приготовленная таким же способом рыба, несколько подсушенная на солнце, затем подвяливается на особых щитах-сушилках на легком огне, на кострищах; получается вяленая рыба.

Жареная рыба — «тэр-кул» — приготовляется следующим образом: очищенная от потрохов рыба насаживается на вертело и поджаривается у костра; мелкая рыба поджаривается целиком, крупная кусками. Поджаривается рыба довольно слабо, хорошо прожаренную рыбу остяки не любят — не такая сочная. Мелкая рыба насаживается на вертело через бочек в количестве 10 — 20 рыбок. Получается то, что известно у нас в народе под именем «сорок душ на палочке». Такая рыба, слегка поджаренная, затем подвяливается на сушилках на слабом огне. Эта рыба заготовляется в прок в большом количестве. Головки от такой рыбы обычно отделяются и засушиваются особо; они, как мы видели, идут потом на варево.

Эта же поджаренная и сушеная рыба, кроме того, идет и на изготовление особого рыбного продукта — порошка, муки из рыбы — «тюнь» или, как это известно у русских в Сибири, «порсы». Приготовление порсы — «тюнь» — мелкая рыба очищается, потрошится, головки отделяются, и рыба поджаривается на вертеле; затем она разрывается на части, очищенные от крупных костей, и мелкими кусками подсушивается на особой сушилке на кострище — «кул-пянельте-леме» (рыбу сушит сушилка). Сильно подсушенная рыба затем толчется в порочок деревянным пестиком в особом корыте — «пют-семете-юг-куро» (рыбу толочь деревянное корыто).

Корыто это — «юг-куро» — выдолблено из колодины, длиной в 1 — 1½ м., шириной в 30 — 40 см. и глубиной в 20 — 30 см. Деревянный пестик — длиной до 1½ м., рукоятка длиной до 1 м. и затем самый пестик клинообразной формы, ширина клина до 20 см., конец пестика тупой. Толкут рыбу таким пестом стоя, держа его двумя руками.

Сушилка для просушки рыбы — «кул-пянельте-леме» — представляет собой на стойках настил, длиной до 8 м., шириной до 1 м. с кромками из досок высотой до 20 см. На стойках высотой до 70 см. кладется настил из жильника, т. е. переплет из тонких сосновых дранок. Рыба рассыпается на этот настил и подсушивается на легком огне. Во всю длину жильника под ним из длинных лесин раскладывается костер, на котором поддерживается легкий жар, но без огня. Су-

нится рыба таким образом день, два. Над жильником устраивается легкий навес, крытый берестой.

Истолченную порсу просушивают на том же жильнике с берестяной подстилкой, затем ее ссыпают в большие берестяные кузова, или кужеки, где она и хранится. В среднем на семью заготовляется пудов 5—10 «тюнь». Для получения пуда порсы идет 5—6 пудов сырой рыбы.

Заготовляется порса также из одних рыбьих головок, специально для замешивания на ней хлеба: рыбные головки, а значит, и порса из них содержит больше жиру.

Порса имеет большое применение у остяков: едят ее с чаем вместо хлеба, варят похлебку, едят перемешанную с сушеной ягодой, как лакомое блюдо, и, наконец, пекут на ней хлеб. Порса очень удобна как продукт питания, в смысле заготовления ее впрок, ее хранения и особенно удобна при кочевках на промыслах, где она очень легко и быстро дает горячую пищу и заменяет хлеб. Поэтому изготовление порсы занимает видное место в жизни остяка; это своего рода «страда», когда все, начиная от детей и до дряхлых стариков, принимают то или иное участие в этом деле. Заготовка «тюнь» происходит в июле месяце.

Теперь позволим себе остановиться на отдельных частях рыбы, идущей в пищу или на другие домашние потребности.

Наиболее лакомыми частями рыбы считаются брюшко и потроха, которые часто особо вырезаются и съедаются сырыми. Ими, как лакомым блюдом, нередко угощают гостя.

Икра «мярен» — занимает в питании остяка также немало важное значение. Икра обычно вываривается и сушится кусочками. Связанная нитками в пучки, она в таком виде подвешивается где-нибудь под крышей юрты, где и хранится. Сушеную икру «пянтем-мярен» — толкут, размачивают водой и на получившей из нее жиже заводят хлеб — «пянте мярен-пянь» (сушеной икры хлеб). Заводят хлеб и на сырой икре. Кости рыбы, головки и кишки не всегда бросаются. Головки, как мы уже видели, идут на порсу специально для изготовления на ней хлеба. Кроме этого головки, кости и кишки идут на выварку рыбьего жира.

Для приготовления жира — «вой» в большой котел кладется масса из рыбьих кишек, головок и костей; масса эта предварительно немного заквашивается, и в таком виде кипятится на большом огне в продолжении нескольких часов. Вытапливающийся из этих отбросов рыбий жир постепенно снимается большими деревянными черпаками — «люй». Рыбий жир хранится в кужеках и имеет большое значение в питании васюганских остяков. Вываривается жиру до 2 пудов на семью. Жир этот едят с чаем ложками, помакивают в него кусочки хлеба, поливают жиром вареную рыбу, подливают в порсу, в тесто и, наконец, поджаривают на нем лепешки или варят в нем хлебные колобки и кусочки. Этот продукт является в питании остяка единственным жировым продуктом, так как покупное масло употребляется очень немногими и в ограниченном количестве, и то непосредственно после ярмарки. Лакомым блюдом также считаются пучки и жирные кишки. Кишки варятся, вынимаются из котла и затем облизываются рыбьим жиром и в таком виде потребляются.

Заготавливают рыбу остяки лишь для сбыта на ярмарке, сами же соленую рыбу почти не употребляют.

Приведенные примеры приготовления рыбы, несомненно, не исчерпывают всех возможных способов заготовки и потребления рыбы, но они в достаточной мере характерны, своеобразны и отличаются практической целесообразностью в довольно примитивных бытовых условиях остяка.

Одна из характерных особенностей приготовления рыбы — это полное отсутствие каких-либо приправ и очень редкое употребление соли.

Мясная пища в питании ваховских остяков не играет большой роли, — имеет место лишь изредка, в случае удачной охоты и особенно во время пушных промыслов.

Мясная пища — «нюго» (мясо) — состоит почти исключительно из дичины; домашних животных, кроме оленей, ваховцы не имеют, а так как оленей мало, то их колют для пищи в исключительных случаях.

Из дичины употребляют оленя, сохатого, медведя, белку, зайца; из птиц — всю водяную птицу, за исключением гагар, чаек — «мартышек», и, наконец, всю, так называемую, красную урманную птицу — глухаря, тетеревей, рябчиков и т. д.

Способ приготовления мяса менее разнообразен по сравнению с приготовлением рыбных блюд.

Мясо употребляется в различных видах: сырое вареное, поджаренное и сушеное. Готовятся из мяса и похлебки. Если все описанные способы приготовления рыбы нам приходилось наблюдать по Ваху непосредственно, то с приготовлением мясных кушаний мы встречались на нашем пути всего лишь несколько раз, почему позволим себе остановиться на этом кратко и притом пользуясь, главным образом, расспросными сведениями.

Любимым сортом мяса у остяков считается мясо дикого оленя. Домашний олень ими расценивается в этом отношении уже ниже, так как дикий олень прежде всего имеет специфический вкус — «дичины», а затем он считается чище домашнего оленя, который подбирает, ест отбросы и нечистоты около юрты.

Сырое мясо оленя — «нюго-вели» (мясо оленя) — употребляется, как лакомство тотчас после убоя: мясо вырезается пластами из ляшек, разрезается на кусочки и без всяких приправ потребляется.

Также во время убоя и непосредственно за ним употребляют кровь, которая собирается в сосуды: остяки пьют ее в сыром виде, частью же приготовляют ее различными способами. Так из крови изготовляется колбаса — «вер-сол» (кровь-кишка) — для чего, кровь наливается в кишку, окончность которой завязывается ниткой, и в таком виде варится в котле до спустка крови. Затем свежую кровь варят в котле с мукой — «вер-чокна» (кровь-каша); кровь проваривается до спустка, и получается таким образом кашеобразная масса. На свежей крови заводится также хлеб.

Особо лакомым блюдом считаются некоторые отдельные части из оленины, — как например: мозги, язык, носовая часть — ноздри и мясо повдоль хребта над сухожильем. Первые три части обычно употребляют в вареном виде, а последнюю, т. е. хребтовое мясо, — или сырым или жареным на вертеле.

Кишки распариваются, подвяливаются на солнце, а затем, начиненные салом, варятся — «когортем-польты» (вареное сало в кишках). Костные мозги иногда едят сырыми, разбивая кости обухом

топора или камнем; это приближает ваховского остяка к первобытным временам: способ употребления костного мозга и его добыча однородны.

Вареное мясо занимает уже второе место после указанных кушаний. Мясо варится в воде обычно без всяких приправ, не доваривается несколько, так, что из него сочится кровь. Самый бульон употребляется редко, и его в таком случае пьют чашками, запивая съедаемые при этом кусочки мяса. Приготовляется оленье мясо и вяленым — «с у н г а н я п е л ь т е - н о г о» (на солнце вялое мясо): мясо вырезывается из оленины продолговатыми тонкими пластами и развешивается на особых жердочках на шестах.

Подвяленое мясо нередко затем поступает на особые сушилки над костром, где из него получается уже сушеное мясо — «н я н е л ь т е - н о г о».

Приготовляется остяками также и мясо копченое — «н я н е л ь т е г у г у н а - н о г о» (копченое на огне мясо), для чего мясо, нарезанное продолговатыми ломтями, подвешивается над легким костриком, дающим дым.

Жарят оленье мясо на кострах, на вертеле.

Тоже в общих чертах можно сказать и относительно употребления мяса сохатого — «н о г о - к ю х» (мясо лося). Здесь необходимо заметить, что глаза и сердце этих животных в пищу не употребляются, а сжигаются по мотивам религиозным: в том и другом органе, по верованиям остяков, живет дух животного.

Водяная и урманная птица — «т о г л а н - в а я х» (крылатый зверь) — идет почти исключительно на варево. Очищенную от пера птицу потрошат особым способом через надрез около горла, вытягивая таким образом с горлом внутренности. Затем делаются надрезы по бокам. Водяная птица идет в засолку.

Совершенно особо стоит в смысле потребления у ваховских остяков мясо медведя — «н о г о - и х».

Прежде всего мясо медведя поступает в пищу лишь после целого ряда ритуальных актов, после сложного религиозно-общественного акта, так называемого «медвежьего праздника».

О способах приготовления медвежатины можно сказать следующее:

Прежде всего остяки никогда не едят сырое медвежье мясо и не употребляют ни в каком виде медвежьей крови. Не едят также сердце медведя и глаза: в них и в крови дух медведя, а медведь, как известно, у остяков обоготворяется[1]).

Медвежье мясо приготовляют почти исключительно вареным, причем, если оленину остяки не доваривают, то медвежатину варят настолько, чтобы она отнюдь не отзывала сыростью, кровью.

Помимо этого медвежатина употребляется сильно вяленой и сушеной, тем же способом, как и оленина.

О способах употребления медвежьего мяса остяки вообще говорят чрезвычайно неохотно, избегая называть медведя его именем — «н х», упоминая о нем лишь в третьем лице — «он», «у него» и т. д. Все это

---

[1]) Н. Л. Гондатти — „Культ медведя у Зап.-Сиб. инор." Тр. этн. отд. О. Л. Е. А. Э. т. VIII—1887 г.
Михайловский — „Шаманство".
Дунин-Горкавич — „Тоб. Север".
Н. Ядринцев. „О культе медведя у северных инор." Этн. об. IV 1890 г.
Шульце — „Салымские остяки" Записки Тюм. Общ. изуч. края в. I—1924 г.
Харузин — „Этнография" т. IV — Верования.

об'ясняется особым представлением остяков о медведе, его исключительным положением в их общем мировоззрении.

Мясная пища ваховских остяков, как занимающая незначительное место в общем их питании, отличается меньшим разнообразием по способам приготовления и не запасается в большом количестве «впрок».

Из растительной пищи главное место в питании остяка занимает мука, изредка крупы и, как редкое лакомство, сырые или сушеные ягоды.

Никаких огородных овощей ваховский остяк еще не знает.

Муку остяки получают в обмен на пушнину в факториях. Употребление хлеба — «н я н ь», как полагает С. Патканов[1]), позаимствовано остяками вообще от зырян, у которых слово «н я н ь» произносится более твердо — «н а н». Но во всяком случае с хлебом остяки были знакомы до прихода в Сибирь русских, как это видно из былинного остяцкого эпоса[2]).

Способы приготовления хлеба — «н я н ь» — довольно разнообразны, при чем можно отметить, что господствует хлеб пресный: кислый встречается вообще изредка, более часто в нижнем течении Вахи.

Хлеб заводится различно: на воде, на рыбном бульоне (ухе), на икре и, наконец, на крови.

Затем следует различать хлеб печеный, поджареный и вареный. Хлеб приготовляет так: в плоскую деревянную, долбленую чашку — «а н т а в» — насыпается мука, которая и замешивается руками и большой ложкой, в большинстве случаев, на воде с примесью икры, для чего сушеная или свежая икра растирается на воде до жидкого состояния. Когда тесто таким образом готово, оно частями выкладывается на чайный столик — «п и с а н» — и здесь раскатывается руками в круглую лепешку толщиной пальца в два — три; затем лепешки эти посыпаются мукой и протыкаются во многих местах заостренной палочкой.

Мука иногда просеивается сквозь грубое берестяное сито.

Хлеб таким образом готов и его начинают печь: для этого разгребается кострище, и хлебы кладутся в раскаленную золу, засыпаются сверху золой и закладываются кострищем. Через некоторое время, достаточное для легкой выпечки хлеба, кострище вновь разгребается, и хлебы вынимаются, очищаются от золы и углей, затем на некоторое время ставятся ребром около костра, где они окончательно пропекаются. После этого хлебы вновь очищаются от золы; если есть загоревшие части, они очищаются ножом; наконец, хлебы, омываются водой, после чего несколько подсушиваются на руках у костра. Хлеб получается не всегда достаточно пропеченый. Таким образом готовится печеный хлеб — «п о р у й - н я н ь» (в золе печеный хлеб).

Подобным же образом заводится и печется хлеб на рыбном бульоне — «к у л - н и к - п о р у й - н я н ь», на икре — «м я р е н - п о р у й - н я н ь» (на икре печеный хлеб), на свежей крови оленя — «в е р - п о р у й - н я н ь» (на крови печеный хлеб) и на порсе — «т ю н ь - п о р у й - н я н ь» (на порсе печеный хлеб).

Из заведенного подобным же способом теста иногда поджаривают или варят лепешки. Тесто раскатывается на столике в лепешку толщиной в палец и режется квадратиками до 10 см., которые затем или кипятят в воде, при чем получается, так называемый, вареный хлеб —

---

[1]) С. Патканов — „Тип остятского богатыря стр. 38, по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПБ. 1897

[2]) S. Patkanou — „Die irtysch—ostijaken„ — т. II СПБ. 1900 г.

«когорта нянь», или лепешки эти поджаривают на сковороде, которая посыпается мукой или поливается рыбьим жиром. Получают поджаренный хлеб. Подобным же образом заведенный хлеб раскатывается продолговатыми лепешками длиной до 15—20 см., шириной до 10 см. и толщиной до 2 см. Лепешки эти протираются со всех сторон мукой, во многих местах прокалываются заостренной палочкой и несколько надрезываются продольными и поперечными линиями с двух боков или косыми «крест-на-крест». Приготовленная таким образом лепешка насаживается во всю длину на деревянный заостренный стержень, на котором и печется у костра. Когда лепешки несколько пропекутся — для чего их часто поворачивают той или иной стороной к огню — они снимаются с вертела и распластываются на две половины, которые уже окончательно пропекаются на костре тем же способом. Это наиболее употребляемый и скорый способ приготовления хлеба; получается, так называемый, «паруй-ивисьнянь» печеный на палочке хлеб). Насаживать на вертело такую лепешку умеет не каждая остячка; у некоторых это не удается; тесто, насаженное на вертело, обвисает, сваливается. Так, нам в одном месте приходилось наблюдать, как молодая женщина, недавно вышедшая замуж, несколько раз перекатывала и насаживала тесто на вертело, при чем старшая в семье женщина над ней очень смеялась, с сознанием собственного превосходства. Затруднения «молодухи» служили поводом для острот и насмешек всей юрты. Мне об'яснили, что ей не приходилось раньше так готовить, так как она взята с Оби, где, очевидно, такой способ приготовления хлеба неизвестен.

Все описанные способы приготовления черного хлеба относятся к хлебу пресному, который заводится, готовится и печется на ваших глазах в течение получаса.

Что касается кислого, черного хлеба, то его умеют готовить лишь некоторые остячки верхнего Ваха и большинство остячек нижнего течения. Такой хлеб печется или в особых глиняных печах на открытом воздухе или в глинобитной русской печке, там, где имеется уже русская изба. Хлеб заводится общеупотребительным способом и печется обычным порядком, при чем этот хлеб обычно солят, пресный же хлеб лишь в исключительных случаях готовят соленым. Хлеб печется небольшими круглыми хлебами или продолговатыми булками. Печеный таким способом хлеб называется «руть-нянь» (русский хлеб).

Белый и пшеничный хлеб готовится исключительно пресным. Пшеничная мука остяками употребляется весьма редко — идет она на булки и лепешки.

В большом употреблении у ваховских остяков белая мука, включительно до первого сорта; ее они предпочитают, и когда есть возможность, всегда готовят белый хлеб, прибегая к черному лишь в случае нужды.

Белый крупичатый — «наги-нянь» — заводится, как и черный, различно, т. е. на воде, икре, рыбном бульоне, на порсе — «тюнь» — и на крови.

Приготовляются из белой муки почти исключительно различного рода лепешки: булки и калачи остякам не знакомы.

Тем же способом и такого же рода готовятся лепешки на вертеле.

Поджаривают лепешки на сковороде на рыбьем жиру или даже на масле (покупном), при чем лепешки в таких случаях буквально пла-

[illegible] жаренные в котле в рыбьем жире или масле.

[illegible] хлеб [illegible] рыбой [illegible]

Говорят [illegible] пироги [illegible] рыбой [illegible] брусники, черемухи [illegible] время не приходилось ни разу наблюдать этого.

[illegible] описание приготовления [illegible] хлеба [illegible] исключением, быть может, некоторых [illegible] индивидуальным [illegible] остяки [illegible]

[illegible] хлеба, изобретательность [illegible]

[illegible] хлеб [illegible] С рыбой, ухой или похлебкой хлеб употребляется очень редко.

С чаем едят обычно не один хлеб, а с сушеной рыбой, порсой или рыбьим жиром, так что хлеб при этом является лишь некоторым при[illegible]

Крупа употребляется остяками в исключительных случаях, хотя они чрезвычайно любят кашу, в чем мы имели возможность убедиться [illegible] кашу с большим у[illegible] кашу, и очень [illegible] Очевидно, этот продукт мог бы [illegible] значение [illegible]

[illegible] овощей, как уже отмечалось, остяки не имеют [illegible] бывает [illegible] любовью остяков [illegible]

Местные ягоды — «у л»; брусника — «у л»[1]), клюква — «я н ь», м[illegible]рошка — «м о р о х», черемуха — «ё м» и смородина — «т о в к о к» упо[illegible] ягоды употребляются [illegible] рыбу [illegible]

Грибы [illegible] и многие другие [illegible] то этим вызвали у остяков не только удивление, но и явное порицание и большое смущение по этому поводу.

[illegible] хотя, возможно [illegible] этому поводу имеются известные предания.

[illegible] употребляя [illegible]

[1]) Слово „ул" имеет двоякое значение ягода и брусника.

В. И. Анучин, „Очерк шаманства у енисейских остяков". Сборн. Музея Ант. и этнограф. при Акад. Наук—Т. 2,2 1914 года

Квин-Горкавич—„Тобольский Север"

[illegible] В. Шуньков, „[illegible]"—„[illegible] Тюмен. Общ. изучен. Мест[illegible] Края".—Вып. I. 1924 года.

М. Б. Шатилов, „О [illegible] района" [illegible] Том. Кр. Муз." т. I, 1927 г.

ный чай, который заваривается в особых котлах или в больших чайниках и кипятится на огне, так что получается густой, черный отвар. За неимением чая, употребляется березовая губа — «сугмо-лувat» (березовый чай), листья брусники или черники. Чай пьют из покупных чашек, блюдцев, за низенькими чайными столиками. Каких-либо приправ не употребляют; молока остяки совершенно не знают.

Из покупных продуктов в связи с чаем необходимо упомянуть сахар, пряники и конфекты, которые являются очень редким лакомством.

Из наркотических и опьяняющих веществ, употребляемых остяками, назовем табак, самогонку и водку.

Табак — «тельта-лувat» — имеет в жизни остяка исключительное значение: его нюхает и курит старшее поколение, а курят все, начиная с детей трех — четырех лет. Однажды нам удалось сфотографировать, когда мальчик лет четырех курил по всем правилам искусства, пуская кольцами дым и сплевывая с языка, как и большие; покурив, он медленно вычистил трубку, положил ее, подошел к матери и начал сосать грудь. Остячки кормят грудью детей до 7 — 8 лет. Табак режут на особых досках и подсушивают затем несколько минут.

Нюхательный табак толкут в особых ступах — «лува-руготакёгыл» (ступка молоть табак) — большим деревянным пестом, причем в табак прибавляется нарезанная березовая губа — «сугма-сяпек». Нюхательный табак хранится в берестяных табакерках — «тельта-мынь». Трубка — «касна» — и табакерка пользуются большим вниманием остяка, нередко передаются из поколения в поколение, от отца к сыну, от матери к дочери и бережно хранятся.

Угощение трубкой или нюхательным табаком является актом особого расположения и внимания.

Из опьяняющих продуктов мы уже отмечали самогонку и водку. Водка — «кай-ник» (царское вино) чрезвычайно ценится остяками, и за нее они готовы отдать все. Водка завозится туда обычно во время ярмарки русскими, а также и богатыми остяками, которые ездят для этого даже в Томск.

Так на обратном пути нашем в одном месте мы встретили большой каюк — крытую лодку с шестью гребцами. Оказалось, это везли большой запас водки из Томска известные по Васюганскому северу богатые остяки. При этом мы потерпели некоторый крах: нанятый пред этим нами гребец — остяк, узнавши о грузе, немедленно нас покинул и перешел на каюк, отказавшись от денежного заработка.

Водка по Ваху ценится 10 — 15 рублей бутылка. Водка встречается здесь все же очень редко.

Неравненно большее значение имеет самогонка — «кото-верем-ник» (руками деланное вино), которую умеют готовить по русскому образцу решительно все остяки. На своем пути мы встречали довольно часто самогоночные аппараты на полном ходу, при чем наше появление в таких случаях не вызывало ни малейшего замешательства или испуга. Видимо, это занятие считается остяками совершенно нормальным и только в нижнем течении уже понимают, что самогоночные аппараты необходимо скрывать от русских, от «урядника», как зовут здесь милиционера.

Самогонка вырабатывается плохо, получается зеленоватая, страшно вонючая и одуряющая; она подвергается всего одной перегонке, тогда как при лучшей обработке ее подвергают двум, трем перегонкам.

Выгонка самогона в одной семье является обычно праздником для всех в данных юртах. Самогонку пьют все — мужчины, женщины девушки и подростки; пьют до тех пор, пока не выпьют все. Картина поголовно пьяных остяков в юртах не поддается описанию по своим диким, кошмарным моментам.

Заканчивая на этом ознакомление с пищей остяков, нельзя не заметить, что, не смотря на относительное разнообразие приготовления пищи, как это отмечалось выше, все же питание остяка очень однообразно по своему содержанию, а главное недостаточно по количеству жировых веществ. Питание такого рода нельзя признать удовлетворительным, особенно в северных условиях, где, как известно, наблюдается повышенная потребность в жирах.

В отношении способов приготовления пищи мы наблюдаем целый ряд моментов, чрезвычайно характерных для низкого культурного уровня остяка.

Все виды пищи и способы ее приготовления строго обусловлены физико-географическими особенностями края, целым комплексом бытовых условий остяка и требованиями его культа; они носят на себе явный отпечаток иноплеменных влияний и, наконец, являются показателем культурного уровня остяка и его медленного, постепенного культурного роста.

И. М. МЯГКОВ.

Древности Нарымского края.

(В собрании Томского Краевого Музея).

Одним из районов Северной Азии, наименее изученных в археологическом отношении, является, бесспорно, район С.-Зап. Сибири. Здесь почти совсем не производилось систематических исследований, отдельные находки древностей мало известны и частью не опубликованы, крупные собрания прежних лет в достаточной мере научно не обработаны. Поэтому мы не имеем хотя бы приблизительной картины существования и развития доисторических культур С.-Зап. Сибири и не можем произвести такой систематизации собранного материала и классификации, как это сделали проф. А. А. Спицын, проф А. М. Тальгрен и А. В. Шмидт над культурами С.-В. России; проф. В. А. Городцев над культурами Средней России; проф. А. М. Тальгрен и С. А. Теплоухов над культурами Минусинского края (Сибирь). Современные археологические исследования в интересующем нас районе должны быть направлены на систематическое исследование данной территории, изучение собранного материала, локализацию его и освещение некоторых культур, наиболее хорошо представленных в собраниях Сибирских и Центральные музеев. Я склонен думать, что эти изучения должны дать ценные указания для разрешения весьма важных археологических проблем не только доистории Сибири, но и для понимания культур С.-В. России. Среди новых материалов по доистории Северной Азии, собранных за последние годы в музеях Сибири, весьма интересным является собрание древностей из Нарымского края,—района совершенно неизвестного в археологическом отношении, хранящееся в Томском Краевом Музее. Этот материал состоит из 127 бронзовых предметов, одного железного, 20 бронзовых фрагментов и небольшого количества керамики, поступивших в Музей тремя частями. Первая группа поступила в 1922 г. в виде части древностей, найденных в 1920 г. при вспашке поля на горе Кулайке около с. Подгорного Чаинского района, она была опубликована автором в 1927 году [1]). Вторая—поступила в 1927 году, в виде собрания древностей от доктора Л. Н. Зинченко, который путем покупок в районе р.р. Чая, Парабель и Васьюган собрал интересные экземпляры древностей этих районов. И наконец, третья часть есть результат археологических исследований автора в 1928 году на на г. Кулайке и около д. Бокчар в 27 килм. от с. Подгорного.

Перейдем к описанию предметов по месту их происхождения.

I. Главная масса древностей происходит с г. Кулайки около с. Подгорного, Чаинского района, Нарымского края.

Гора Кулайка есть окончание возвышенности лёссового происхождения, подходящей узкой полосой к р. Чая, около впадения в нее р. Иксы (другое название Квега и Иега). Сама г. Кулайка возвышается примерно на 30—35 м. над уровнем реки, имеет с двух сторон крутые склоны, третий отвесно обрывается в сторону р. Чаи. Течения р.р. Иксы

---

[1]) Находка на г. Кулайке (Труды Том. Краевого Музея т. 1—1927 г. сокращенно Н. К.).

и Чаи из года в год размывают эту гору и при осыпях ее обнаруживаются некоторые древности. Кроме этого на поверхности г. Кулайки и под горой находят медные русские деньги конца XVIII и начала XIX в. Некоторые крестьяне передавали, что ранее г. Кулайка местными аборигенами почиталась священной горой и при проезде мимо нее они делали на ней жертвенные приношения в виде монет, тканей и других предметов. С горы Кулайки Музей имел три поступления. Первое из них, как я упоминал, состоит из части клада, найденного при распашке пашни, приблизительно, в 150 м. от обрыва на возвышенности, являющейся продолжением мыса, где плугом был выпахан „скифский" котел, в котором находилась часть ажурного литья в виде изображений животных. Другой „скифский" котел был найден невдалеке от первого. Все предметы лежали на небольшой глубине. На месте находки не обнаружено никаких следов жилья, кургана или городища. При посещении места находки, автором было заложено несколько траншей, но никаких следов культурного слоя не обнаружено. Это поступление состоит из следующих предметов.

1) Сломанный „скифский" бронзовый котел — поддон отломлен, но следы его сохранились. Высота 21 ст. диаметр 28 (см. фот. на стр. 65)

2) Тоже — высота без поддона 23 см. диаметр — 32 см.

3) Бронзовое изображение птицы с опущенными крыльями и головой, поднятой кверху. На груди изображение лица человека. Размер. 11 × 7 см. (см. Н. К. рис. 1).

4) Обломок выпукло-вогнутой бляхи серовато-золотистого цвета из очень ломкого металла.

5) Плоское медное изображение человека (утеряно в 1922 г.), похожее на экземпляр, найденный в Тюкалинском округе Тобольской губернии (см. „Отчет арх. комиссии за 1899 г.).

6 — 29) 24 бронзовых трехперых наконечника стрел со втулкой (см. таб. III рис. 9).

30. Медное ажурное литье, изображающее лося, задняя часть обломана, в ноздре сохранилась серебряная тонкая проволока (см. Н. К. рис. 9) Раз. 17 × 7 ст.

31. Медное ажурное изображение лося. Раз. 17 × 5 ст. (см. Н. К. рис. 6).

32. Медное ажурное изображение головы лося (туловище отломано) раз. 9,8 × 3,2 ст. (см. Н. К. рис. 10).

33. Медное ажурное изображение животного. Раз. 9 × 5 ст. (см. Н. К. рис. 11).

34. Медное ажурное литье в виде подковы, оканчивающееся с одной стороны головою лося, с другой головой птицы. Раз. 8,5 × 8,5 см. (См. Н. К. рис. 5).

35. Медное ажурное литье в виде незамыкающегося треугольника, на котором имеются 6 голов животных (см. Н. К. рис. 4). Раз. 10 × 9,8 см.

36. Медное ажурное литье в виде неправильной формы подковы, оканчивающееся головами животных (см. Н. К. рис. 3) Раз. 12 × 6 ст.

37. Медное ажурное изображение животного. Раз. 12 × 5 ст. (См. Н. К. рис. 12).

38. Медное ажурное литье в виде пластинки, увенчанной головами животных и пересеченное изображением бобра (см. Н. К. рис. 7). Раз. 12,5 × 6 ст.

39. Медная ажурная пластинка, на верхней части изображения птиц с головою в профиль. Раз. 16,5 × 5,5 ст. (Таб. II, рис. 17).

40. Медная ажурная поделка в виде ромба, вверху оканчивающаяся круглой петлей, три другие конца — круглыми утолщениями. Раз. 5 × 3,5 ст. (см. Н. К. рис. 2).

41. Медное ажурное изображение животного. Раз. 12,8 × 8,8 ст. (см. Н. К. рис 14).

42. Медное изображение птицы с головою в профиль (см. таб. II, рис. 14). Раз. 8,5 × 8,8 ст.

43. Медное ажурное литье неопределенной формы. Раз. 9,5 × 4 ст. (См. Н. К. в левом нижнем углу рисунка).

44. Медное ажурное литье, по форме приближающееся к изображению животного (см. Н. К. в левом нижнем углу второе снизу). Раз. 9,3 × 4,6 ст.

45. Медное ажурное литье, в полукруглой раме которого изображение двух птиц, в геральдической позе стоящих около дерева. Раз. 9,3 × 7,6 ст. (см. Н. К. рис. 8).

46. — 15 обломков ажурного листья.

Второе поступление древностей с г. Кулайки в Музей было в 27 г. от доктора Л. Н. Зинченко — эти древности частью были собраны им лично на г. Кулайке в осыпи, а частью куплены у крестьян, нашедших их в разных местах г. Кулайки. Более точных сведений об условиях их находки не имеется. Это собрание состоит из:

47. Медное ажурное изображение лося раз. 9 × 2,5 ст.

48. Медное ажурное литье состоящее из подковообразной пластинки, оканчивающееся головами животных, посредине которых изображение головы человека. Раз. 8 × 2,8 (см. таб. 1, рис. 3).

49. Медное ажурное литье в виде подковы, оканчивающееся головами животных, посредине изображение птицы с головою в профиль. Раз. 12,5 × 6 ст. (Таб. 1, рис. 2.)

50. Медное ажурное литье неопределенной формы. Раз. 4 × 5 ст

51. Медная неправильной овальной формы бляха, гладкая с обоих сторон. Диаметр — 7 ст.

52. Медное ажурное литье в виде подковы, один конец которой оканчивается изображением головы животного, другой — отломан. Посредине — изображение птицы. Раз. 8 × 8 ст. (Таб. 1, рис. 17).

53. Медное ажурное изображение лося. Раз. 10 × 5 (Таб. 1 рис. 5).

54. Медное ажурное литье в форме подковы, оканчивающейся головами лося. Раз. 11 × 7 см. (Таб. 1, рис. 4).

55. Медное ажурное литье изображающее лося, на груди которого изображение головы другого животного. Раз. 13,3 × 7,2. (Таб. 1 рис. 9).

56. Медное ажурное литье в виде пластинки, оканчивающееся головами животных. Раз. 10,6 × 5 ст.

57. Медное ажурное литье в виде подковы, оканчивающееся головами животных Раз: 6,5 × 5 ст.

58. Медное ажурное литье в виде пластинки, оканчивающееся головой человека с двумя отростками в виде поднятых рук, с левой стороны схематическое изображение головы животного. Раз. 9 × 4,4 ст.

59. Медное ажурное литье в виде подковы, оканчивающееся расширяющимся посредине конусом, в центре подковы — такой-же отросток, как и на концах. Раз. 7 × 8 ст.

60. Медное ажурное литье в виде сложной композиции, изображающей человека и животных. Раз. 13 × 12 ст. (Таб. III, рис. 7).

61. Медное ажурное изображение лося. Раз. 12,8 × 6 ст. (Таб. 1, рис. 6).

62. Медная тонкая пластинка с лицом человека. Раз. 6 × 3 ст. (Таб. II, рис. 18).

63. Бронзовое зеркало, с ободком по краю и черенком для рукоятки. Диаметр 11,5 ст.

64. Бронзовое зеркало (помятое) с черенком. На поверхности его имеется начерченная розетка.

65—66. Обломки ажурного литья.

67. Медный наконечник стрелы со втулкой, выступающей за жальца. Раз. 8 ст. (см. таб. III—10).

68. Тоже со втулкой, не выступающей за жальца. Раз. 7,3 ст. (см. таб. III, рис. 9).

69. Медная пластинка, изображающая лицо человека с конически оканчивающейся головой. Раз. 8 × 4,2, (см. таб. III, рис. 6).

70. Медная пластинка, изображающая лицо человека, оканчивающееся изображением птицы Раз. 8 × 5 ст. (Таб. III, рис. 5).

71 Бронзовое полое изображение кабана обвитого змеей, голова которой была отломана. Длина 11,5 высота 9 ст. ширина 4 ст., (см. таб. II, рис. 4).

Кроме этого внизу, в ложбине около г. Кулайки было найдено:

72. Бронзовое изображение стоящего на задних лапах медведя. Раз. 6 × 4 ст. (Таб. II, рис. 5).

Третье поступление с г. Кулайки есть результат раскопок автора в 1928 году. При тщательном обследовании горы древности были обнаружены лишь около самого обрыва г. Кулайки, причем место находок охватывает пространство в 6 × 8 м. Вещи залегали на глубине не свыше 50 ст. По залеганию предметов около самой осыпи можно судить, что главная часть горы, содержащая наибольшее количество древностей, осыпалась. Кроме этого были найдены фрагменты керамики и мелкие кости животных, последние хранителем Зоологического Музея Томск. Государ. Университета В. Н. Ермолаевым были определены, как кости, принадлежащие лосю и бурому медведю. Остальная часть костей не могла быть определена. На поверхности горы были подняты кости северного оленя. Из предметов найдены: [1]).

73. Круглая бляха с ушком на обратной стороне, на лицевой изображение лося. Диаметр 8,5 ст. (Таб. II, рис. 6).

74. Круглая бляха с ушком на обратной стороне. Диам. 5,5 ст.

75. Тоже. — Диам. 5,3 ст. (см. Таб. II рис. 16.)

76. Тоже. — Диам. 4 ст.

77—80. Четыре наконечника стрелы со втулками внутри жальцев. Раз. 7 × 7,8 ст. (см. таб. III—9).

81. Обломок наконечника копья или кинжала. Раз. 3 × 1,2 ст. (см. таб. III, рис. 11).

82. Верхняя часть головы птицы с клювом. Раз. 1,6 ст.

83—86 Четыре медных тонких пластинки.

87. Медная тонкая пластинка с несколько выгнутой поверхностью, по углам оканчивается выступающими полукругами. Раз. 3,5 × 4,5 ст.

88. Медная половина шара, полая внутри и имеющая 4 отверстия, расположенных симметрично. Диаметр 2,5 ст, высота 1,8 ст.

89. Обломок ажурного литья. Раз. 7 ст.

90. Медное ажурное изображение лося. Раз. 11,5 × 6,5 ст. (Таб. I, рис. 10).

91. Медное ажурное литье в виде ствола, оканчивающегося головой птицы и четырьмя головами животных по краям — раз. 9,2 × 5 ст.

---

[1]) Я лишен возможности, за недостатком места, сделать более подробное описание раскопок на г. Кулайке.

92. Медное ажурное литье оканчивающееся головами птиц. Раз. 7,5 × 5 ст.

93. Медное ажурное литье изображающее животное. Раз. 12,8 × 8 ст., (см. таб. 1, рис. 14).

94. Медное ажурное изображение лося. Раз. 10 × 5.

95. Медное ажурное изобряжение животного. Раз. 10 × 6 × 8 ст.

96. Медное ажурное изображение лося. Раз. 11 × 6,5 ст.

97. Обломок ажурного литья ввиде головы лося. Раз. 6,2 × 4 ст.

II. — Второе место, откуда имеются древности в собрании Томского Краевого Музея, есть д. Бокчар по р. Бокчар (приток р. Чаи) в 27 клм. от с. Подгорного. Здесь, при вспашке поля, на ровном месте в 1924 г. был найден клад, состоящий из медного „скифского котла", большого количества предметов ажурного литья, изображающих животных, и наконечники стрел типа г. Кулайки. Главная масса древностей разошлась по рукам крестьян, частью была перелита на металл, частью распродана. Место находки было обследовано автором в 1928 г. Никаких следов культурного слоя не обнаружено. Из предметов было найдено 8 штук ажурного литья, изображающего животных, и кроме того у крестьян д. Бокчар удалось разыскать и приобрести часть вещей из находки 1924 г. Таким образом в музей поступило:

98. Медное изображение птицы. Раз. 14,8 × 5 ст. (см. таб II, рис. 11).

99. Медное ажурное литье в виде сложной композиции, оканчивающееся головами животных. Раз. 15,1 × 5,2 ст. (см. таб. I, рис. 1).

100. Тоже, несколько видоизмененное. Раз. 13,8 × 4,2 ст. (см. таб. I, рис. 8).

101. Медное ажурное литье неопределенной формы, имеющее окончание в виде голов животных. Раз. 14,2 × 4,4 ст. (см. таб. I, рис II).

102. Медная сложная фигура, оканчивающаяся тремя головами человека. Раз. 14,9 × 6,2 ст. (см. таб. III, рис. 3).

103. Медное ажурное изображение лося. Раз. 16,7 × 4,8 ст. (см. таб. I, рис. 15).

104. Медное ажурное литье, оканчивающееся четырьмя головами животных и птиц. Раз. 4 — 6,2 ст. (см. таб. I, рис. 12).

105. Медное ажурное литье неопределенной формы, состоящее из четырехугольника (с несмыкающейся верхней частью), в средине которого отросток, в виде лица человека (?), с расходящимися лучами. Раз. 7,2 × 6,3 ст. (аналогичный ему найден на р. Чижапке — хранится в Гельсингфорском Музее (см. Finskt museum, т. XXII — 1916).

106. Медное ажурное изображение лося. Раз. 8,3 × 5,2 ст. (см. таб. I, рис. 13).

107. Медное ажурное литье, похожее на таб. I, рис. 8. Раз. 14,6, × 52 ст.

108. Медное ажурное литье в виде четырехугольника, пересеченного диагоналями. Нижний левый угол отломан. Раз. 10,4 × 8,3 ст.

109. Медное ажурное изображение лося. Раз. 8,8 × 5,1 ст. (см. таб. I, рис. 20).

110. Медное ажурное изображение животного. Раз. 10,1 × 5,5 ст. (см. таб. I, рис. 16).

111. Медное ажурное изображение лося. Раз. 13 × 6,6 ст.

112. Обломок ажурного литья. Раз. 4 ст.

113. Тоже. Раз. 2 ст.

III.-Место происхождения древностей—р. Бундюр в 30 клм. от с. Подгорного. Условия находки достаточно хорошо неизвестны. Предметы куплены Л. Н. Зинченко и переданы в Музей. Отсюда происходят следующие вещи:

114. Медное изображение лица человека, увенчанное головами лося. Раз. 18 × 4 см. (см. таб. III, рис. 2).

115. Медный полый внутри предмет неизвестного назначения шестигранной формы, с одной стороны имеет срезанный конец, с другой закрытый — с двумя четырехугольными отверстиями для ремней. Раз. 18,2 ст., ширина 3,8 ст.

116. Железный наконечник копья со втулкой. Раз. 21 ст.

117. Медное зеркало. На лицевой стороне около края имеет три начерченных круга, причем первый из них состоит из зубчиков. С обратной стороны не сомкнутая петля. Диаметр 11,5 ст.

118. Медный тигль. Раз. высота 4,5 ст. диам. 5 ст. ручки 2,5 ст. (см. фот.).

119. Миниатюрная ваза скифского типа. Раз. 3 × 2,8 ст. (см. фот.)

120. Медная пластинка, состоящая из четырехугольника, образуемого тремя человеческими лицами, вверху по краям имеются загнутые внутрь завитки. Раз. 4,3 × 3,8 ст. (см. таб. II, рис. 2).

IV. Древности с р. Нюрса (приток р. Чаи.) Условия находки неизвестны. Куплены Л. Н. Зинченко, от которого и поступили в Музей.

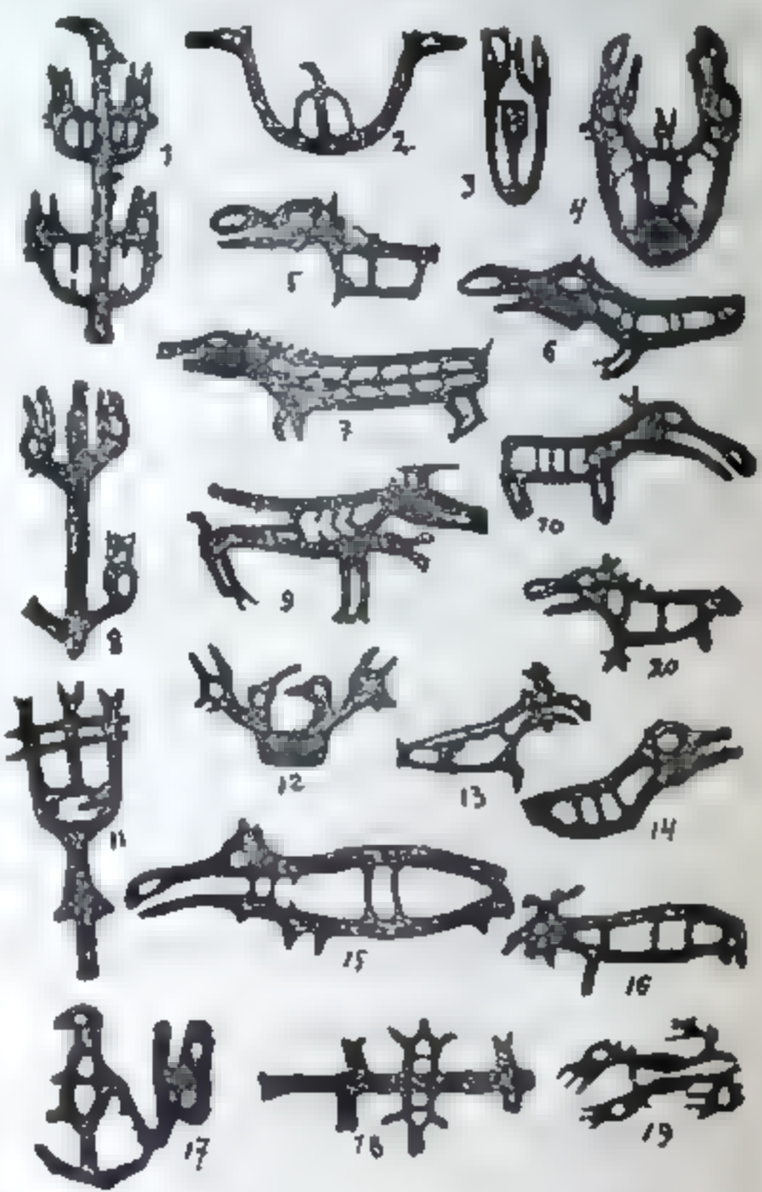
Среди них:

121. Медная ажурная согнутая пластинка, похожая на № 16 с г. Кулайки, на верху которой имеются изображения птиц с головою в профиль. Размер по выгнутой поверхности 19 ст., высота 4 ст. (см. таб. II, рис. 15).

122. Медное изображение головы кабана полое внутри. Раз. 7 × 4,8 ст. (см. таб. II, рис. 9).

123. Медное полое изображение головы хищной птицы. Раз. 7 × 3,8 ст. (см. таб. II, рис. 7)

V. — Устье р. Чижапки (приток р. Васьюган) и с р. Васьюгана. Условия находки неизвестны. Предметы куплены Л. Н. Зинченко и переданы в Музей. Среди них:



Таб 1 рис. 1, 8, 11-13, 15-16 Бокчар. рис. 19 — р. Парабель-рис 2—7, 9, 10, 14, 17, 18—г. Кулайка.

124. Половина тонкой пластинки с изображением стоящего человека из серовато цвета металла. Раз. 4,8 × 3 ст. (см. таб. II — 10).

125. Медная ажурная пластинка с изображением двух животных с головами в противоположные стороны. Раз. 8,5 × 5,5 ст. (см. рис.).

126. Медное ажурное изображение двух животных с раскрытой пастью (оленей), стоящих в геральдической позе над четырехугольным изображением лица человека. Раз. 7,5 × 2,2 ст. (см. таб. 2, рис. 1).

127. Плоский топор из серовато-золотистого металла со втулкой; на обухе изображение животного. Раз. 16 × 6,2 ст. (см. таб. III, рис. 8).

128. Медное изображение птицы с опущенными крыльями. Раз. 10,8 × 10,2), (см. таб. II, рис. 12).

129. Медное изображение птицы с опущенными крыльями. Раз. 9,2 × 8,6 ст. (Таб. II, рис. 13).

130. Медное изображение головы животного, полое внутри. Раз. 5 × 2,7 ст. (см. таб. II, рис. 8).

131. Медное ажурное литье в виде тонкой пластинки, составленное из пяти голов животных. Раз. 7,2 × 6,1 ст.

VI. — р. Парабель (левый приток р. Оби). Условия находки неизвестны. От. Л. Н. Зинченко.

132. Медное ажурное изображение свернувшегося зверя. Раз. 4,2 × × 4,3 ст. (см. таб. II, рис. 3).

133. Медное ажурное изображение двух животных. Раз. 8 × 5,2 ст. (см. таб. I, рис. 19).

Кроме того из Нарымского края мне известны следующие древности, хранящиеся в других местах:

VII. — Скифская ваза с ручками, изображающими лошадей, найденная при распашке поля около с. Колывань на р. Чае, приблизительно в 12 клм. от с. Подгорного. Была куплена д-ром Л. Н Зинченко, у которого и хранится (см. фот.)

VIII. В собрании географического кабинета Том. Гос. Университета имеются два предмета ажурного литья с р. Чаи (№ 21 — 1,2) возможно, что тоже с г. Кулайки.

а) Медное изображение, человека, увенчанное головами лося (см. таб. III, рис. 1).

в) Медное изображение животного, похожее на экземпляры с г. Кулайки.

IX. Медное изображение человека с р. Васьюган — купленное Л. Н. Зинченко, у которого и хранится (таб. III – рис. 4).

Все предметы, перечисленные мною в собрании Томского Краевого Музея, сделаны из бронзы, меди и один предмет — копье с р. Бундюр, из железа. Предметов из серебра, золота и кости не найдено совсем. Большинство из них имеет неровную, ноздреватую поверхность, покрытую серовато-зеленой патиной. У других предметов цвет этой патины темно-зеленый и даже черный. Ажурное литье имеет следы недостаточно совершенной плавки в виде металлических утолщений, отростков и проч. По цвету и составу металл значительно варьирует, часть предметов, главным образом ажурное литье, имеет в разломе красноватый цвет, другая — цвета светлой бронзы (напр. стрелы) и наконец — серовато оттенок и мелкозернистый очень ломкий состав металла (фрагмент выпукло выгнутой бляхи с г. Кулайки, топор с р. Васьюгана и др.) что говорит, как указывает ряд исследователей, о эпохе, знакомой с железом.

По моей просьбе, профессор Сибирского Технологического Института А. П. Калишев в лаборатории аналитической химии произвел 4 анализа бронз с г. Кулайки, в том числе химическому анализу были подвергнуты: I) скифская ваза, в которой в 1920 году было найдено ажурное литье, II) ажурное литье, изображающее лося, найденное в скифской вазе, III) наконечник стрелы со втулкой не выступающей за жальца и IV) обломок ажурного литья — оттуда же.

Все предметы имели сильно окисленную поверхность, так что получить неповрежденный металл было совершенно невозможно.

Результаты произведенного анализа были таковы:

	Ваза	Изображение лося.	Стрела.	Обломок.
Медь . .	88,78%	88,98%	81,19%	93,80%
Олово . .	2,28%	2,45%	10,75%	нет
Цинк . . .	0,33%	0,34%	0,36%	0,36%
Свинец . .	0,20%	есть	есть	следы
Железо . .	следы	следы	следы	следы
Мышьяк .	1,80	есть	есть	следы

Недостаток до 100% падает на углекислые соли меди, окись олова и кислорода, так как предметы при небольшой толщине — от 5 мм. до 8 мм. весьма сильно окислены и изменены.

Таким образом три первые предмета бронзовые и последний — чисто медный. Кроме этого, бронза наконечника стрелы приближается по своему сплаву к бронзовым предметам, отличающимся наибольшей твердостью, которые, как указывает проф. Струве, содержат в себе около 10% олова [1]).

Данные анализа бронз с г. Кулайки весьма интересны и с другой стороны. Оказывается, что сплав скифской вазы и ажурного изображения лося в главной своей массе однороден, именно: те же самые составные части и примеси. Небольшое различие между ними заключается в количестве второстепенных примесей (мышьяка и свинца), что могло быть обусловлено составом полученного металла или руды, а не прибавлением их.

Все вместе взятое дает основание предположить, как на это указывает проф. А. П. Калишев, производивший анализ бронз, что настоящая ваза была сделана одновременно с изображением лося. Если это действительно так, то на основании того, что изображение лося есть чисто местное изделие, мы должны сделать и следующий вывод — отнести изготовление данной вазы к району бытования подобных ажурных изделий, а таким районом, как я покажу ниже, является район таежной части С. З. Сибири.

Приведем для сравнения с нашим анализом известные анализы других бронз [2]).

I. Анализ четырех бронзовых ножей долины р. Абакана, который был произведен проф. Струве [3]).

	1.	2.	3.	4.
Медь . . .	90,20	88,67	93,00	99,00
Олово . .	9,64	10,10	6,35	0,32
Железо . .	0,05	0,28	0,18	0,34

II. Анализ Алтайских бронзовых сосудов и фигур произведенный Гебелем [4]).

Медь . . .	80,27	73,00	87,97	91,50
Олово . .	19,66	26,74	9,38	6,75
Свинец . .	—	—	2,5	1,75

[1]) W. Radloff-Aus Sibirien. Leipzig 1884.

[2]) Анализы сибирских бронз имеются. H Struwe-Analyse verschiedene antiker Bronzen und Eisen aus der Abakan und Jenissej (Bull. de l'Acad. des Scences de SPB IX. 1866, E. von Bibra—Die Bronzen und Kupferlegirungen der alten und ältesten Völker. 1869, Radloff—yk. cor.; Труды комиссии по производству химико-технических анализов древних бронз. 1882 г. и др.

[3]) Radloff—yk. cor.

[4]) Там-же.

III. Анализ изображений животных Пермского края, произведенный проф. Д. В. Алексеевым [1]).

	Медн.	Олова.	Цинка.
1) Фигура из д. Пешковой . .	88,14%	8,73%	—
2) Изображение птицы	70,80%	11,70%	17.53%
3) Голова на звере	61,1%	19,35%	16,2%
4) Птица из д. Михалевой [2]) .	79,94	25,92	—

К сожалению, количество произведенных анализов датированных бронз настолько не велико, что делать какие либо характеристики их составов еще преждевременно.

Нахождение литейного тигля на р. Бундюр, а также предметов ажурного литья чисто местной формы в Нарымском крае, как и нахождение литейной формы на Томском могильнике при раскопках А. Адрианова, литейной формы с тиглем на палеометаллической стоянке около с. Иштана Томского округа при исследованиях автора в 1928 г., а также находки и в других местах С.-З. Сибири со всей определенностью доказывают изготовление металлических предметов на месте, и выдвигает вопрос об источниках, где добывался требуемый металл.

Ближайшие из известных месторождений удалены далеко от указанных районов, а именно: медь имеется в Минусинском крае, на Алтае, быв. Семипалатинской губернии, на Урале и в Кузнецком Алатау.

На всех этих местах имелись древние чудские разработки. Кроме этого в литературе имеется указание на медно-рудное месторождение в бассейне р. Северной Сосвы [3]). Какие месторождения снабжали металлом эти районы — нам неизвестно. Академик В. В. Радлов предполагал, что медь добывалась в богатых месторождениях, а затем в полуобработанном виде разносилась в различных направлениях по Сибири. Возможно, что часть некоторых племен бронзовых и железных культур, действительно, занималась преимущественно металлургической деятельностью, примеры чего нам известны в литературе.

Весьма важным моментом для древней металлургии являются и источники олова — чему совершенно справедливо проф А. М. Тальгрен придает особое значение [4]). Д. Н. Клеменц указывает на р. Онон, откуда по его мнению поступало олово для бронзовой культуры Минусинского края [5]).

В Сибирском отделении геологического комитета мне указали и другое месторождение олова, более близкое к интересующему нас району, именно р. М. Пезас — Кузнецкого округа. Все эти вопросы ждут специальных и значительных исследований, необходимость появления которых весьма ощущается в археологической литературе. После этих кратких рассуждений следует перейти к рассмотрению древностей нашего собрания.

В целях выяснения времени публикуемых здесь древностей, их назначения, и места распространения, а также и места культуры древностей этого типа среди других культур Сибири, удобнее перейти к рассмотрению настоящих предметов по группам и в отдельности с тем, чтобы, впоследствии, суммируя все наблюдения, можно было сделать из них определенные выводы и заключения.

---

[1]) А. В. Шмидт.—К вопросу о происхождении Пермского звериного стиля ст. 130.
[2]) Там-же стр. 143
[3]) Ежегодник Тобольского Музея в. VIII стр. 32.
[4]) A. M. Tallgren-Collection Tovostine Helsingfors 1917, ст 27.
[5]) Д. Клеменц—Древности Минусинского музея. Томск. 1886 г. ст. 69.

Установив такой порядок изложения, прежде всего, следует остановиться на „скифских вазах", имеющихся в наших древностях из Нарымского края.

Из находок последних лет, сделанных в данном районе, мне известны 4 „скифские вазы". А именно: – 2 с гор Кулайки, одна из с. Колывань на р. Чае и одна с р. Бокчар. „Скифские вазы" с г. Кулайки, хранятся в Томском Краевом Музее и имеют характерные признаки для подобных изделий—яйцевидную чашу, высокие ручки и поддон в виде усеченного конуса. В одной из этих ваз было найдено, как я указывал выше, часть ажурного литья, изображающего животных. Третья по счету „скифская ваза", найденная около с. Колывань на р. Чае, приблизительно в 12 килом. от горы Кулайки. Она была куплена на месте у лица, нашедшего ее, л-ром Л. Н. Зинченко, чьей собственностью она является и до настоящего времени. В отличие от первых двух, эта ваза имеет ручки, трактованные в форме изображений лошади.

1.—г. Кулайка, 2—д. Колывань на р. Чая 3—4—р. Бухдюр.

И наконец четвертая, найдена на р. Бокчар вместе с предметами ажурного литья, часть которого собрана автором (см. выше). Но эта ваза не попала в Музей, так как была расплавлена крестьянами на металл.

Все вазы подобного типа считаются предметами степных культур и употреблялись, по мнению большинства исследователей, для культовых целей. Но, повидимому, часть их служила и для обычных бытовых целей. Высокая подставка в таком случае служила для постановки их в пламя костра. Эти котлы имели весьма широкое распространение. Они имеются в древностях Китая, в Центральной Азии, в Скифии — на юге России и в Сибири, их находят даже в Персии и Венгрии [1]).

[1]) A. M. Tallgren—Collection Tovostine. Helsingfors 1917 г. стр 59—06.

У Геродота (IV, 61) имеется сообщение о способе употребления подобных ваз скифами: „Так как скифская земля совсем безлесна, то скифами придуман следующий способ варения мяса: жертвенное животное обдирается, очищают мясо от костей и бросают его в котлы туземного производства. Наибольше всего эти котлы походат на лесбийские чаши, только немного больше их; затем зажигают кости животных и на них варят мясо".

Известен также рисунок на реке Уйбат [1]) в Минусинском крае где на скале изображены туземцы со „скифскими" вазами. Термин „скифские вазы" не является показателем принадлежности их только скифским племенам юга России, а лишь указывает на форму настоящих котлов. До настоящего времени вопрос об их происхождении не выяснен окончательно.

Нет достаточно веских оснований считать их прародиной Скифию или Китай. В гораздо большом количестве они найдены в Сибири — так в Минусинском Музее в 1913 году их значилось 165 экземпляров [2]), — в десятках экземпляров они имеются в Красноярском и Университетском музее гор. Томска. Общее количество их в Сибирских музеях в настоящее время (не считая сибирских ваз, хранящихся в Центральных музеях) по грубому подсчету приближается к цифре 300 экземпляров, в то время, как число подобных ваз из района древней Скифии едва достигает нескольких десятков [3]). Так как, в Сибири, территорией, на которой была найдена главная масса „скифских ваз", является Минусинский край, то его и следует считать центральным местом изготовления подобных котлов для Северной Азии. Не исключена возможность, что этот район является также прародиной „скифских" ваз и для Скифии. Кроме перечисленных, нам известно несколько находок подобных ваз и из района современоой лесной полосы С.-З. Сибири. Из них мне известны следующие:

I. Ваза, найденная в Нарымском крае у устья р. Чижапки (приток р. Васьюгая) вместе с бронзовым кинжалом и медным наконечником в виде долота [4]).

II. Скифская ваза найденная при рытье канавы в г. Тобольске [5]).

III. Ваза из Сургутского округа [6]).

IV. Три „скифских котла" найденные около с. Ключевского, Курганского округа быв. Тобольской губернии вместе со стрелами типа Кулайки [7]).

V. Ваза из Истяцких юрт в 170 клм. к югу от Тобольска, найденная вместе с древностями близкими к г. Кулайке [8]). И наконец еще несколько скифских котлов, найденных в различных местах быв. Тобольской губернии, которые хранятся в местном Музее. Таким образом, мы наблюдаем довольно таки систематическое нахождение „скифских ваз", предметов степных культур, в районе современной таежной части С.-З Сибири и этот факт требует особого к себе внимания, так как не может быть об'яснен только случайным попадением их туда. Если к этому прибавить данные химического анализа металла скифской вазы и ажур-

---

[1]) A. M. Tallgren-Coll. Tov. стр. 19.
[2]) A. M. Tallgren—ук. соч. стр. 60.
[3]) Там же стр. 60.
[4]) А. Плотников—Нарымский край—СПБ. 1901 г., стр. 192, из устья р. Чижапки, в нашем собрании имеется несколько предметов.
[5]) Ежегодник Тобольск. Музея в. V, ст. 27.
[6]) A. Heikel—Antiqutés de la Sibérie occidentale. Helsingfors 1894 г. ст. 70 и Лыткин-Археологический Отдел Тобольского Губернского Музея 1890 г., ст. 13.
[7]) Heikel—указ. соч. и Лыткин ук. соч
[8]) Heikel—там-же.

ного изображения лося (предмета чисто местной культуры), найденных вместе на г. Кулайке в 1920 г., указывающие на то, что металл этих двух предметов в главной массе однороден, — а следовательно эти предметы и одновременны, — то мы вправе сделать вывод о бытовании скифских котлов в эту эпоху в культурах С. Зап. Сибири и даже приготовлении их на месте. Кроме этого ваза и изображение лося дают взаимную датировку друг другу.

„Скифские вазы" датированы сравнительно хорошо. Древнейшие из скифских ваз найдены в кургане Куль-Обы и Чертомлыке (IV в. — — III в. н. э.), и на Кавказе (VI в. до н. э), в то время, как самые поздние находки этих ваз, указанные А. М. Тальгреном относятся ко времени II в. н. э. Таким образом время бытования „скифских ваз", по мнению проф. А. М. Тальгрена, охватывается периодом от 500 г. до н. э. по 200 г. н. э. [1]). Что и совпадает, как я изложу далее, с датировкой изделий культуры г. Кулайки. Среди „скифских" ваз в нашей коллекции из Нарымского края имеется еще одна миниатюрная ваза этого же типа, найденная на р. Бундюр (см. фот.) откуда кроме нее доставлены еще: зеркало в виде диска с ушком на обратной стороне, предмет неизвестного назначения, изображение человека с головами лося (см. таб. III, рис. 2), пряжка (табл. II, рис. 2). а также железный наконечник копья со втулкой. Подобные миниатюрные вазы находят вместе с миниатюрными же кинжалами, ножами, топорами, зеркалами и проч в курганах так называемых „коллективных погребений" по р.р. Чулыму и Енисею, содержащих иногда до 100 костяков и относимых ко времени около начала н. э. [2]) Автором на г. Кулайке при раскопках 1928 г. были найдены три миниатюрные зеркала в виде диска без орнамента, с ушком на обратной стороне.

Помимо „коллективных погребений" миниатюрные изделия нам известны среди древностей городища и курганов на Чувашском мысу около г. Тобольска и в Европейской России — на Гляденовском кострище (в 20 клм. к юго-западу от г. Перми). Оба эти памятника относятся ко времени I — III в. н. э. [3]). Причем, датировка Гляденовского кострища, основанная на культурном ансамбле предметов, подтверждаемая также находками индийских монет царей Кадзифа I и Сасана — I, в. н. э., является довольно таки точной. В одном из курганов „коллективного погребения" на р. Чулыме около дер. Назаровой Д. Н. Клеменцом среди миниатюрных предметов был найден и тигль [4]) подобный тиглю нашей коллекции с р. Бундюр (см. фот.). Благодаря этому для нас становится понятным время бытования этого тигля, а также и его размеры, которые говорят о том, что он или мог служить для отливки миниатюрных изделий „коллективных погребений", или для ажурного литья типа г. Кулайки. Нахождение же его на р. Бундюр вместе с миниатюрной „скифской" вазой, таким образом, не является случайным, они оба относятся к группе древностей „коллективных погребений",

---

[1]) Tallgren — указ соч. — 60 стр.

[2]) А. А. Спицын — Коллективные погребения в верховьях р.р. Чулыма и Енисея. (Зап. Рус. Арх. О-ва, т. XI — 1899 г.); А. М. Tallgren — ук. соч.

[3]) А. А. Спицын — Гляденовское кострище (Зап. Рус. Арх. О-ва. т. XII — 1901 г.). А. В. Шмидт. — Туйский всадник (Зап. коллегии Востоковедов, т. I 1926 г.). А. В. Шмидт — О происхожд. перм. звер. стиля. (Сборн. Музея антропологии и этнографии, т. VI — 1927 г.

[4]) Martin — L'âge du bronze au musée de Minoussinsk. Stockholm 1893 г., табл. 33, рис. 2.

Кроме того подобный тигль изображен среди древностей добытых в Сибири при исследованиях Г. Миллера и Гмелина в „Histoire générale des voyages, т. XXIV — 1779. Amsterdam. у Aspelin — Antiquites Nord Finno-Ougrien". Helsingfors 1877 - 84 указан подобный тигль, но больших размеров, найденный около г. Перми, — рис. 317.

миниатюрные изделия которых имеют аналогии в древностях культуры Чувашского мыса около г. Тобольска и Гляденовского кострища около г. Перми, а последние памятники в свою очередь тесно связаны путем многочисленных аналогий и временем бытования с культурой г. Кулайки, которая также, как я указал, имеет несколько миниатюрных предметов.

Предметов вооружения и охоты по всему району найдено немного. Из них в нашей коллекции имеется 29 бронзовых наконечников стрел с г. Кулайки (анализ их смотри выше) оттуда-же фрагмент бронзового копья или кинжала из раскопок автора (см. табл. III, рис. II), один плоский бронзовый топор с. р. Васьюган, купленный Л. Н. Зинченко (см. табл. III, рис. 8) и железный наконечник копья со втулкой с р. Бундюр. Наконечники стрел, подобные наконечникам с г. Кулайки, были найдены также вместе с ажурным литьем около дер. Бокчар, но они разошлись по рукам крестьян и в музей не поступили. Все бронзовые наконечники стрел с горы Кулайки можно разделить на 2 группы. I. — Бронзовые трехперые наконечники со втулкой, расположенной внутри лопастей и с жальцами, выступающими за втулку (см. таб. III, рис 9). — Этот тип среди наконечников горы Кулайки является преобладающим (27 экземпляров), он также преобладал и среди наконечников найденных на р. Бокчар. II-ю группу составляют трехперые наконечники, близкие по форме и размерам к наконечникам первой группы, но у них втулка выступает за окончание жальцев (см. фот. таб. 2, рис. 10). В собрании Томского Краевого Музея с горы Кулайки их имеется 2 экземпляра. Как наконечники первого, так и второго типа литые, без следов вторичной обработки и имеют размеры от 7 до 10 м. Они не имеют себе аналогий в памятниках древней Скифии и бронзовой культуры Минусинского края, где имеются небольшие, хорошо отделанные наконечники, по форме совершенно отличные от публикуемых нами [1]). Но нам известны наконечники подобного типа из древностей лесной полосы С.-Зап. Сибири и С.-В. России. Укажу известные мне аналогии: I) наконечник I-го типа Кулайки, найденный около д. Ишимки в 50 вер. к северу от г. Ачинска на р. Чулыме с древностями, среди которых есть совершенно тождественные ажурному литью с р. Кулайки [2]), а также китайские зеркала эпохи династии Хань (206 г. до н. э. по 221 г после начала н. э. [3]). Ишимская коллекция датируется временем первыми веками н. э., II) один наконечник I-го типа, найденный вместе с кремневыми стрелками на р. Ангаре около с. Чадобец — хранится в Археологич. Музее Томского Университета (№ 1533) [4]) III) — тринадцать наконечников I го типа, найденные на р. Оби около г. Новосибирска при постройке железнодорожного моста [5]). IV) — тридцать экз. наконечников стрел I-го типа найдено около с. Ключевского, Курганского округа быв. Тобольской губ. [6]) здесь вместе со стрелами найдены три медных „скифских" котла, т. е. точно также как и в находке 1920 г. на горе Кулайке — что служит взаимным подтверждением одновременности существования в данной культуре подобного типа стрел

---

[1]) Из Минусинского края мне известен один наконечник из меди, несколько приближающийся ко II-му типу наконечников горы Кулайки и воспроизведенный Martin — ук. соч., таб. 26, рис. 28. Радлов — Сиб. древности, таб. 21, рис. 29 и у Клеменца таб. VII, рис. 17.

[2]) А. Ермолаев. — Ишимская коллекция 1914 г.

[3]) М. Лаврова — Китайские зеркала Ханьского времени („Материалы по этнографии", т. IV. в. I — 1927 г., рис. №№ 1, 4, 5, 9—10.

[4]) В Флоринский — „Археологический Музей Томского Университета. 1888 г

[5]) Отчет Археол. Комиссии за 1896 г.

[6]) Heikel — Antiquités de la Sibérie occidentale. — 1894 г табл. XIV рис. 6 и Лыткин — Арх отдел Тобольского Музея 1890 г., № 230—260.

и скифских котлов. V) — один наконечник I-го типа найден среди главной массы костяных наконечников стрел на Чувашском мысу[1]) около г. Тобольска, древности которого имеют много аналогий среди предметов горы Кулайки, на чем я и останавлюсь в дальнейшем изложении. VI) — наконечники II типа с выступающей втулкой имеются на Гляденовском кострище[2]) в 20 кил. от г. Перми, на котором они были найдены среди преобладающего количества железных наконечников (3569 из железа и II из меди). Таким образом они существовали здесь уже в качестве пережитка другой более древней эпохи, как и некоторые другие предметы этого памятника, относимые к культуре Ананьинского могильника (VII в — II до н. э.). А. В. Шмидт, отмечая это, еще прибавляет сюда 8 наконечников из железа со втулками. Итак из общего количества 5680 наконечников стрел, 19 являются пережитком и относятся к более древней эпохе — ананьинской культуре где, действительно, и имеются аналогии с наконечниками стрел г. Кулайки, ввиде наконечников II-го типа. Следовательно район распространения наконечников стрел типа Кулайки имеет определенную локализацию в пределах лесной части С.-Зап. Сибири и С.-Вост. России и, вероятно, является типом характерным для наконечников данной культуры. Что касается датировки их, то на основании изложенного, а также на основании того, что медные и бронзовые наконечники со втулками считают наконечниками, относящимися ко времени Ананьинской культуры (VII — II в. до н. э.) и ввиду того, что на Чувашском мысу и Гляденовском кострище, относимых ко времени около начала н. э. (по А. В. Шмидту I — III в. н. э.) они являются уже пережитком, и попадаются в единичных экземплярах, мы вправе отнести их ко времени конца Ананьинской культуры или к началу пьяноборской эпохи (II до н. э. по IV в. н. э. по А. В. Шмидту).

К этому же времени следует отнести и фрагмент копья или кинжала из раскопок автора (табл. III, рис. II), на горе Кулайке, но ни в коем случае не позднее. Что касается топора с р. Васьюган, то он по форме аналогичен подобным топорам конца бронзовой культуры Минусинского края после 500 г. до н. э. (по Тальгрену), [3]) но, в отличие от топоров подобного типа Минусинского края, он сделан не из бронзы, а из серовато-золотистого очень ломкого металла, мелко-зернистого строения, который, как указывает ряд исследователей (Шмидт, Тальгрен, Ростовцев и др.) характеризует эпоху знакомую с железом [4]). Этот сплав по внешнему виду похож на сплав выпукловогнутой бляхи с г. Кулайки (№ 4). Это интересное обстоятельство нельзя не отметить, отнеся топор с р. Васьюган к предметам культуры данного района, датируя его примерно временем около начала пьяноборского периода. Железный наконечник копья со втулкой с р. Бундюр имеет многочисленные аналогии в древностях С.-В. России, относящихся к концу ананьинской и началу пьяноборсной культуры, ему имеется аналогия и среди древностей найденных около д. Ишимки на р. Чулыма (см. Ермолаев — ук. соч. таб. I, рис. 5 и 10). Я не стану устанавливать датировку настоящему предмету, поскольку мне не известны точно условия его находки, но отмечу, что во всяком случае его датировка не противоречит всему комплексу вещей с р. Бундюр и г. Кулайки.

---

[1]) Heikel — указ. соч., таб. IV, рис. 12.
[2]) См. „Отчет Арх. Комиссии" за 1896 г.
[3]) Tallgren — указ. соч
[4]) Проф Струве для В. В. Радлова произвел анализ подобного сплава предмета с р. Абакан, который показал следующие составные части 89,70% меди, 0,63 — олова и 9,10% железа.

Следующую группу из древностей горы Кулайки, а также смежных районов, составляют зеркала и круглые бляхи. Из них с горы Кулайки мы имеем следующие: I — фрагмент круглой выпукло-вогнутой бляхи из ломкого серовато-золотистого металла, найденный при распашке в 1920 г. со всеми другими вещами этой находки. II — два круглых диска с черенком, один из них аналогичен изображенному у Ермолаева (— Ишим. коллекция таб. III, рис. 12) и имеет по краям выпуклый бордюр, а другой плоский с розеткой на одной из сторон являясь совершенно тождественным другому Ишимскому экземпляру (см. Ермолаев таб. III, рис. 10) — оба эти диски найдены на горе Кулайке и приобретены Л. Н. Зинченко. III) — дискообразная бляха неправильно-овальной формы с обоих сторон гладкая — в Музей поступила от Л. Н. Зинченко. IV — три небольшпе круглые бляхи диам. от 5,5 до 4 см. Лицевая сторона их гладкая, оборотная имеет ушко раскопки автора 1928 г. и V — круглая бляха, на лицевой стороне изображение лося, на оборотной — ушко (см. таб. II, рис. 6) — раскопки автора 1928 г. и VI — одно зеркало гладкое с лицевой стороны и с ушком на оборотной с р. Бундюр, на этом зеркале имеются следы графического рисунка по краям лицевой стороны ввиде зубчатого обрамления. Зеркала или бляхи ввиде диска без орнамента и с ушком найдены в значительном количестве и в других местах. Они известны в древностях Скифии, на р. Каме, в Минусинском крае и в Центральной Азии — варьируя в форме и назначении. А. М. Тальгрен [1]) считает наиболее древней формой — зеркала в виде диска без орнамента с ушком на обратной стороне, относя их к концу бронзового века Минусинского края с бытованием их в начале железного и датирует их временем от 500 г. до н. э. по II в н. э. С. А. Теплоухов [2]) указывает на медное зеркало из раскопок Кузнецова — Красноярского в Минусинском крае, относимое С. А. к карасукской культуре, т. е. более древнему периоду, чем дата А. М. Тальгрена. Подобные зеркала в количестве 27 экземпляров были найдены также в Томском могильнике при раскопках Адрианова и С. К. Кузнецова — в погребениях, частично относимых также к более ранней эпохе.

Несмотря на такое широкое распространение зеркал, мы все же при проведении соответствующих аналогий должны будем с'узить район распространения зеркал и блях типа Кулайки.

Прежде всего следует начать с фрагмента выпукло вогнутой бляхи, найденной в 1920 г. Подобная бляха уже не имеет аналогий в культурах Минусинского края или Южной России, во всяком случае мне не известны, а если найдутся, то они не явятся характерными для культуры данных районов. Аналогичные бляхи известны нам по находке около Истяцких юрт в 170 вер. к югу от г. Тобольска, где было найдено 72 подобных бляхи, сделанных из материала близкого к бляхе Кулайки, на части блях имеются нацарапанные рисунки. Вместе с бляхами было найдено рельефное изображение Дианы из серебра — относящееся к поздне-эллинистическому времени и 2 железных шлема со следами золочения [3]). На основанри этих шлемов, относимых Бела Поста [4]) к нормандским, он всю ишимскую находку древностей датирует весьма поздним временем IX – XI в. н. э., причем изображение Дианы, по его мнению, позднейшего попадания в этот комплекс вещей. Оставляя от-

---

[1]) A. M. Tallgren — ук. соч — стр. 56.

[2]) С. А. Теплоухов — Древния погребения в Минусинском округе. (Мат. по этнографии, т. III. в. 2 1927 г.).

[3]) Heikel — ук. соч. таб. XVII и XVIII

[4]) Bela Posta — Archaeolohische Studien... Budapest 1905.

крытым вопрос о принадлежности шлемов той или иной народности, я все же могу говорить с полным правом, что весь комплекс вещей, ни в коей мере, нельзя отнести позднее времени начала ломоватсвской эпохи, т. е. IV в. н. э. и я склонен считать их относящимися ко времени близкому Гляденовскому кострищу, в котором имеются подобные изображения животных, бляхи, аналогичные бляхам Истяцких юрт. Зеркала с черенками и с начерченными кругами и розетками известны по находкам в следующих местах: I — около д. Ишимки на р. Чулыме, где найдены были подобные зеркала [1]); II — зеркала с черенками имеются и среди блях, найденных около Истяцких юрт (Heikel — ук. соч. — табл. XVIII); III — среди древностей Гляденовского кострища около Перми (I — III в. н. э по А. В. Шмидту), где имеются зеркала с черенками и бляхи с розетками и концентрическими кругами [2]). IV — одно зеркало с концентрическими кругами найдено в кургане № 15 на Чувашском мысу [3]), древности которого относятся ко времени начала н. э. (по А. В. Шмидту — I — III в. н. э.). Наконец, V — подобное зеркало с розетками имеется в Пьяноборском могильнике [4]) (II в. до н. э. по IV в. н. э., по А. М. Тальгрену и А. В. Шмидт), причем вообще можно считать, что подобные зеркала являются характерными для эпохи пьяноборского могильника, как на это и указывает А. А. Спицын. А. Ермолаев отмечает еще одно зеркало с черенком, хранящееся в Красноярском музее, найденное около д. Каменки б. Енисейской губ. на р. Ангаре [5]). Итак, по рассмотрении всех известных нам находок подобного типа зеркал мы вправе сделать вывод, что они локализируются в районе современной лесной полосы Сев.-Зап. Сибири, а также Сев.-В. России и датируются временем Пьяноборского могильника (II в. до н. э. по IV в. н. э). Небольшие диски с ушком на обратной стороне имеют аналогии, как я указал выше, среди древностей „коллективных погребений" р.р. Чулыма и Енисея, среди предметов „Томского могильника" [6]) а затем и из Гляденовском кострище, на этом основании я вправе датировать их временем около начала н. э. Особое положение среди рассматриваемых мною блях с Кулайки занимает „бляха с ушком на оборотной стороне и изображением лося на лицевой" (см. таб. II, рис. 6). По форме настоящая бляха принадлежит к дискам с ушком, датировку которых я приводил выше. Изображение же животного на лицевой стороне сближает ее с бляхами Гляденовского кострища, в частности с серебряной бляхой с изображением животного со стоящим на нем человеком (см. Спицын — Гляден. кострище таб. I, рис. 21, а также таб. II, рис. 27, таб. IV, рис. 6, 18, таб. V, рис. 18 и др.). Изображение же лося с деталировкой внутренностей — приближают настоящую бляху к изображению лося на бляхе Истяцких юрт (см. Heikel — таб. XVIII, рис. 3). Эти данные достаточно убедительны и дают возможность также датировать диск с изображением лося временем Пьяноборского могильника. Зеркало с р. Бундюр тождественно с зеркалами конца бронзовой культуры Минусинского края, следовательно время его бытования будет не позднее начала н. э., но нацарапанные круги на нем, причем один из них составлен из зубчиков, как на зеркале из Ишимского клада (см. Ермо-

---

[1]) Ермолаев — Ишимская коллекция, таб. III, рис. 3, 10, 12 и таб. IV — 8

[2]) См. Спицын — Гляденовское кострище (таб. V, рис. 28, таб. VIII. рис 1 и 3.

[3]) См. Heikel — ук. соч. — таб. II, рис. 9.

[4]) Спицын. — Древности бассейнов р.р. Оки и Камы Таб. III, рис 14. (Матер. по арх. России № 25).

[5]) Ермолаев. — Указ. сочин.

[6]) Диски с ушком происходящие из раскопок Адрианова на Томском могильнике имеют также небольшие размеры — не более 6,5 ст.

лаев таб. III, рис. 2), приближают настоящее зеркало к группе зеркал, рассмотренных нами выше и датируют его тем же временем. Ермолаев указывает еще на два бронзовых диска, аналогичных Ишимским, со следами начерченных рисунков, найденных на севере Красноярского округа и хранящихся в Красноярском музее. Таким образом район зеркал подобного типа несколько расширяется и на восток, а именно до р. Ангары, где кроме зеркала, как мы видели, у с. Чадобец была найдена стрелка типа Кулайки, и где, как я укажу далее, имеются и другие данные о распространении рассматриваемой нами культуры. На основании заполнения лицевой стороны этих блях изображениями животных, розетками и т. п., можно сделать заключение, что часть этих дисков не является зеркалами, а служили для религиозных целей, на что указывает и А. А. Спицын при описании Глиденовского кострища. Нет также основания искать прототипы этих зеркал и блях в древностях южных культур Минусинского края т. к. мы находим их в древнем могильнике около г. Томска, в то время как древности Пьяноборского могильника, для которых настоящие бляхи считаются типичными, имеют преемственную связь с древностями Ананьинского могильника (VIII в — II в. до н. э.) в С.-В. России.

Среди древностей Нарымского края, хранящихся в Томском Краевом Музее, есть несколько фигур изображающих человека.

Из них с горы Кулайки происходят: — одна в виде плоской пластинки с круглыми глазами и носом в виде прямой линии (см. таб. II — — 18),[1]) вторая в виде лица с конусообразной головой (таб. III — 6) и третья с птицами (табл. III — 5), кроме этого оттуда же происходит сложная композиция человека с животными (см. табл. III — 7) и одно изображение человеческой фигуры из находки 1920 г. — утерянное в настоящее время[2]). С р. Бундюр имеется одна фигура с головами лося (табл. III — рис. 2). В находке на р. Бокчар имеется сложная фигура с тремя головами (см. таб. III, рис. 3). Изображение человека найдено также и на р. Васьюган (см. таб. II — 10). Кроме того изображение человека с головами лося имеется в собрании Географ. Кабинета Томского Университета (№ 21 — I) см. табл. III, рис. I. Местом находки этой фигуры обозначена р. Чая — она найдена вместе с ажурными изображением животного, аналогичного Кулайским экземплярам. Возможно, что они найдены непосредственно на самой Кулайке. Таким образом мы имеем несколько изображений человека, тождественных по трактовке, часть которых увенчана головами лося. Соединение с человеческими фигурами элементов животного мира, и особенно сложные композиции вроде изображения с г. Кулайки (табл. III — 7) и с р. Бокчар (таб. III — 3) — указывает на культовое назначение этих фигур. Эта прекрасная серия имеет аналогии исключительно в древностях района, очерченного мною выше. Прежде всего следует указать на фигуру, найденную около озера Саима и Ика, Тюкалинского округа быв. Тобольской губернии — фигуру близкую утерянному экземпляру с горы Кулайки[3]), II — на изображение человека из кургана № 15 с Чувашского мыса,[4]) датировку которого я уже установил. В Тобольском музее имеется третий из известных мне аналогичных экземпляров, по форме

---

[1]) Настоящее лицо может быть частью туловища птицы, как например туловище совершенно тождественное настоящей пластинке имеется у птиц найденных около села Огневского Екатеринбург. округа), см. Толмачев — Древности Вост. Урала (Зап. Ур. О-ва люб. естеств., т. 32, 1913 г. т. III, рис. II и 13).

[2]) И. Мягков. — Находка на горе Кулайке (Труды Томск. Краев. Муз., т. I, 1927).

[3]) Отчет Арх. Комиссии 1899 г.

[4]) См. Heikel — ук. соч., — табл. II — 6.

близкий к Тюкалинскому, но неизвестно где найденный [1]). Совершенно тождественными по форме, технике выполнения, сохранности, вероятно, близкие и по металлу, являются фигуры, найденные близ д. Сапогова б. Шадринского уезда на Вост. Урале, [2]) найденные в тех же условиях, что и предметы с р. Бокчар, ишимская коллекция, истяцкие древности и др. аналогичные находки. Фигуры эти имеют весьма много общего со сложной фигурой с горы Кулайки (таб. III — 7) и тройной фигурой с р. Бокчар (таб. III — 3), достаточно сравнить трактовку головы фигуры Бокчар и Кулайки с фигурой хота бы изображенной у Толмачева на таб. II — 3 и др. Там так же, как и на наших экземплярах, имеется деталировка ребер, внутренних органов и пр. Устанавливая дату для фигур из дер. Сапоговой—время около начала н. э., мы получаем датировку и для наших фигур — датировку, совпадающую со всем комплексом предметов, найденных вместе с ними и рассмотренных нами выше. Изображение лица с конической головой с. г. Кулайки (таб. III — рис. 6) также как и плоское лицо с птицами (таб. III — 5) оттуда же имеют аналогии — первая на Чувашском мысу [3]) и в Ишимской коллекции (см. Ермолаев таб. V — 2), а вторая, как я указал, в кургане № 15 Чувашского мыса и опять таки в Ишимской коллекции (таб. VI — 7). Кроме этого на бляхе из Истяцких юрт (Heikel — таб. XVIII — 12) мы находим нацарапанные изображения птицы с тремя человеческими головами, трактованными как на экземпляре с р. Бокчар. К нашей серии изображений человека несколько приближаются человеческие фигуры с Гляденовского кострища, но трактовка их более сухая — я бы сказал, менее художественная, чем на экземплярах из Нарымского края, в них нет того, что мы здесь могли бы назвать своеобразным стилем, они более схематичны и менее интересны с точки зрения формального подхода. На этом основании можно судить о некотором стилистическом упадке в трактовке Гляденовских фигур по сравнению с фигурами, публикуемыми нами, быть может это является показателем и более поздней культурной стадией в развитии Гляденовской культуры, на что мы уже имели указание при рассмотрении предметов вооружения и охоты, конечно, если рассматривать их в генетическом развитии, а не видеть в них два совершенно различных культурных течения. Чтобы закончить проведение наших аналогий, нам следует отметить еще два изображения лица человека — одно из них найдено около с. Чадобец на р. Ангаре (хранится в Археол. Музее Томского Университета № 1077), а другое при рытье Обь-Енисейского канала (хранится там-же № 1078 [4]). Они имеют более массивную форму и лучшую сохранность, их трактовка несколько отлична от экземпляров из Нарымского края. С гляденовским же кострищем имеет весьма много общего фигура с длинными волосами с р. Васьюган (таб. II — 10), часть которой отломлена — очевидно она была парная. Такие парные фигуры нам известны в древностях Гляденовского кострища (см. Спицын — таб. II — 16, 20, 24, 25, 29, таб. I — 24, 25 и др.), а также в древностях с Чувашского мыса (Heikel — табл. IV — 9) и из Ишимской коллекции (Ермолаев—таб. V — 7). Кроме этого характерный головной убор данной фигуры имеет совершенно тождественные аналогии с фигурами на Чувашском мысу (Heikel — таб. III — 2) и Гляденовском кострище (Спи-

---

[1]) См. Heikel — ук. соч., — табл. XIV — 2.

[2]) А. Толмачев. — Древности Вост. Урала (Зап. Урал. О-ва любит. естеств. т. 32 — 1913 г.).

[3]) Хранится в Тобольском музее неопубликованный экземпляр.

[4]) См. Спицын. — Шиманские изображения.

цын — таб. II — 22). Таким образом, эти памятники дают дату фигуре с р. Васьюган — приблизительно I — III в. н. э

А. А. Спицын в своей работе о „Гляденовском кострище" указывает на поясные пряжки, найденные Талько-Гринцевичем в погребениях близь г. Кяхты, где имеются фигуры с подобными головными уборами. Быть может между ними и есть некоторое сходство, но провести аналогии в данный момент я не решаюсь.

Оканчивая рассмотрение фигур человека коллекции Томского Краевого Музея из Нарымского края, следует еще остановиться на пряжке найденной на р. Бундюр, поступившей от Л. Н. Зинченко (таб. II — 2). На ней имеется также три четырехугольных человеческих лица, увенчанных вверху двумя завитками. Эти лица нам уже известны по бляхе из Истяцких юрт; по сложной фигуре с р. Бакчар, наконец, такое же лицо имеется между двумя стоящими животными с р. Васьюган (табл. II, рис. I) Уже эти указания дают некоторую ориентацию во времени бытования этого предмета и о круге древностей, к которым он принадлежит. Но у нас имеются и полнейшие аналогии — это предмет из Гляденовского кострища (см. Спицын — таб. VI — 22), а также пряжка в собрании Товостина, найденная около д. Чикачевой в Минусинском крае [1]), которые подтверждают нашу датировку.

После рассмотрения изображений человеческих фигур, перейдем к следующей группе древностей нашей коллекции, хорошо представленной в нашем собрании — это группа, составляющая изображения птиц. По местам находки они распределяются следующим образом. С горы Кулайки из находки 1920 г. имеются: I изображение птицы с опущенными вниз крыльями и с лицом человека на груди (см. Мятков - Находка на горе Кулайке, рис. № I). II — бляха с изображением двух птиц, стоящих около дерева в геральдической позе с головами в профиль (Н. К. рис. 8), III — профильное изображение птицы (таб. II — 14). IV — пластинка с изображением профильных птиц (как предыдущая) (см. табл. II — 17). Из материалов Л. Н. Зинченко оттуда же имеются. V) - две птицы в сложной композиции с лицом человека (см. таб. III — 7) VI) — профильное изображение птицы с опущенными крыльями на ажурном литье (таб. I — 2). Кроме того автором в 1923 г. там же была найдена — VII) верхняя часть головы птицы с клювом. С р. Нюрса имеется VIII) — полая голова хищной птицы (см. таб. II — 7), и IX) — ажурная пластинка похожая на пластинку с г. Кулайки (таб. II — 17) — с профильно трактованными птицами (см. таб. II — 15). С устья р. Чижапки при впадении ее в р. Васьюган происходят две птицы с опущенными вниз крыльями и головой en face (см. таб. — II 12 — 13). Наконец, XI) последняя птица, имеющаяся в нашем собрании происходит с р. Бокчар (см. таб. II, рис. II) Изображениями головы птицы оканчиваются также некоторые предметы ажурного литья с г. Кулайки и р. Бокчар. Для рассмотрения мы можем разделить все изображения птиц на следующие группы: 1) птицы с лицом человека на груди, 2) изображение птицы с головой в профиль и профильная трактовка птиц на сложных композициях, 3) птицы с р. Чижапки трактованные en face 4) головы птиц с р. Нюрса и г. Кулайки, 5) изображение птицы с р. Бокчар.

Изображения птицы в большом количестве экземпляров имеются в древностях С.-В. России и Зап. Сибири, но я не буду перечислять все эти находки, остановлюсь на главнейших аналогиях, а также отмечу, что изображение птицы в таких трактовках, как наши, ограничивается исключительно районом С.-Вост. России и Зап. Сибири.

[1]) Tallgren — ук. соч., таб. X, рис. 22.

Уже поверхностное ознакомление с нашими экземплярами изображений птиц дает право сделать вывод, что ни одна из них не может быть отнесена ко времени позже ломоватовского периода [1] — общая трактовка, опущенные крылья, крупный точечный орнамент, на некоторых из них, профильная постановка головы — все говорит за это. Кроме этого часть птиц с горы Кулайки выполнена в форме общего стиля древностей этого памятника, совершенно отличной от птиц из древностей Вост. России, напр., таб. II — 14, а также птицы на ажурном литье см. таб. II — 15,17. Совершенно новым экземпляром является также и и птица с р. Бокчар (т. II — II). Вопрос о композиции птиц с лицом человека на груди подробно изучен А. В. Шмидтом в его работе „К вопросу о происхождении пермского звериного стиля" — где А. В. попутно рассматривает сюжет птицы камских древностей в генетическом его развитии. Существовало несколько попыток об'яснить происхождение мотива „птицы с лицом человека на груди". Так проф. Д. Н. Анучин [2] об'яснял данный сюжет, как схематизацию индийской мифической птицы — Гаруды, сжимающей в своих когтях злого духа Нага, а следовательно и происхождение самого мотива выводил из Индии. Аппельгрен-Кивало, [3] наоборот, видит в ней повторение греческого мотива орла, уносящего юношу Ганнимеда. Совершенно на иную точку зрения встал А. А. Спицын, рассматривающий настоящее изображение, как сюжет, созданный местной шаманской религией [4]. Самым последним исследователем этого вопроса является А. В. Шмидт, который считает, что настоящий сюжет заимствован из Скифии, где он сложился под влиянием Греции, затем попав в район С.-Вост. России он акклиматизировался и сделался совершенно местным сюжетом. При этом А. В. устанавливает следующие этапы генетического развития этого мотива. Сначала было создано изображение птицы с головой человека, затем птицы с головой филина, наконец, птица с лицом человека на груди и последний этап - стоящая фигура на туловище птицы. Если генетическая последовательность развития этого сюжета А. В. Шмидт указана правильно, в таком случае естественно отпадает, как об'яснение Д. Н. Анучина, так и об'яснение Аппельгрен-Кивало.

Но соглашаясь с хронологической классификацией птиц Пермского края А. В., я все же полагаю, что в данном случае мнение А. А. Спицына о причине создания мотива птицы с лицом человека имеет весьма серьезные данные для того, чтобы присоединиться к нему. Тем более, что метод сравнительного изучения происхождения какого либо сюжета, основанный только на сходстве сюжетов мало убедителен. Более убедительны данные формального исследования развития художественного стиля. Только оно, по моему мнению, может правильно разрешить этот вопрос.

Из всех аналогий, имеющихся в древностях С. В. России и Сибири к птицам с лицом человека на груди, аналогией к экземпляру с г. Кулайки (см. рис. № I, в моей статье „Находка на горе Кулайке") являются не птицы ломоватовской эпохи из Пермского края и даже не птицы Гляденовского кострища, но птица из д. Екатериновки быв. Пермской губернии, которая имеет ту же трактовку крыльев, хвоста

---

[1] Ломоватовский период культуры, развившийся на основе Гляденовского кострища, относится А. В. Шмидтом ко времени IV — VIII в. н. э. (см Шмидт-Тулский всадник).

[2] Анучин — К истории искусства и верований у Пермяцкой чуди.

[3] Основные черты скифо-пермского орнаментального искусства (Труды XV археол. С'езда ч I).

[4] Спицын — „Шаманские изображения" и „Шаманизм в отношении к русской археологии".

и пр., на ней кроме того отсутствует точечный орнамент Гляденовского кострища, (сравни с изображением у А. В. Шмидт.—К вопросу о происхождении пермского звериного стиля, таб. I, рис. 3).

Разница между этими птицами заключается лишь в том, что птица из д. Екатериновки имеет профильно-поставленную голову, а птица с г. Кулайки имеет голову en face, но при одинаковых стилистических особенностях это не имеет большого значения, тем более, что другие изображения птицы с горы Кулайки, найденные вместе с первым экземпляром, трактованы в профиль.

На основании этой аналогии мы должны будем датировать птицу с лицом человека на груди с г. Кулайки временем птицы из д. Екатериновки, т. е. временем до-Гляденовского кострища и отнести ее к первым векам до н. э.

Птицы с лицом человека на груди имеются и в древностях Ишимского клада, и Истяцких юрт,—предметах наиболее близких к древностям г. Кулайки, в которых мы не раз находили соответствующие аналогии. Причем на бляхах Истяцких юрт мы имеем изображения птицы с лицом человека на груди, трактованные в профиль, а в Ишимском кладе птицы с головой филина, что является древними звеньями генетического развития этой трактовки, по указанию А. В. Шмидт, и должно совпадать с нашей датировкой.

Ко времени, указанному мною, следует относить и изображение птиц второй нашей группы, а именно птиц с головою в профиль и деталировкой внутреннего строения как у птицы, изображенной на таб. II—14 с горы Кулайки. Профильная постановка головы у птиц этой группы, найденной вместе с первой, является непосредственным доказательством нашего сближения. Стиль этой птицы тот же, что и стиль всех предметов ажурного литья с г. Кулайки, она даже венчает часть их, как напр на пластинке с г. Кулайки (таб. II—17) и пластинке с р. Нюрса (таб. II—15), поэтому существование ее с изображениями человека, рассмотренными мною выше, в частности с изображениями сложной композиции с г. Кулайки (таб. III—7), на которой имеются профильные птицы, совершенно бесспорно. Это дает также датировку и птицам на ажурной бляхе, стоящим в геральдической позе около дерева (см. мою работу „Находки на г. Кулайке", рис. № 8), выполненным в том же стиле. Мотив профильной птицы, по указанию А. В. Шмидт, является одним из древнейших мотивов генетического развития изображения птиц среди древностей С.-В. России. Опущенные крылья, деталировка и пр. на экземплярах г. Кулайки и р. Нюрсы говорят несомненно за это же. Причем, своей деталировкой птица с головой в профиль, помимо стилистического тождества со всеми ажурными изображениями животных г. Кулайки, может быть самостоятельно сопоставлена с изображениями человека д. Сапоговой, где имеется таже разделка деталей в виде ребер и внутренностей, что и на экземпляре нашей птицы. Совершенно аналогичный экземпляр птицы с головою в профиль известен с Чувашского мыса (см. Heikel таб. IV—8), датировку древностей которой я указывал не раз.

Мотив профильной птицы, по мнению А. В. Шмидт, проник в Прикамье из степей Скифии, где имеется ряд подобных, более древних, изображений, но трактованных в совершенно отличных формах искусства Юга России. У меня нет данных, на основании которых я бы мог сделать подробный вывод применительно к изображениям профильных птиц г. Кулайки.

Д. Н. Анучин указывает на изображение орла из „Золотой коллекции Сибирских древностей Эрмитажа (см. Д. Н. Анучин—„К исто-

рии верований и искусств", рис. № 1), происходящее откуда то из Зап. Сибири, но это еще не решает вопроса, хотя древности типа Кулайки имеют несомненную связь с культурой „Золотой коллекции Эрмитажа", как это мы увидим из дальнейшего изложения, но в чем она выражалась—сказать на основании нашего материала весьма затруднительно.

Совершенно новым среди изображений птиц древности Сибири и Вост. России является экземпляр с р. Бакчар (таб. II, рис. II). Форма выполнения ее головы та же, что и птицы с г. Кулайки, с лицом человека на груди, но туловище их выполнено совершенно различно. Она найдена вместе со всеми предметами ажурного литья с р. Бакчар, выполнена в том же стиле, из того же металла, в частности с изображением тройной фигуры человека (таб. III — 3), рассмотренной мною выше — следовательно датируется временем этой фигуры и временем птиц с г. Кулайки — т. е. началом Пьяноборского могильника и не позднее времени Гляденовского кострища (I — III в. н. э.). Я не знаю аналогии полому изображению головы хищной птицы с р. Нюрса, (таб. II — 7), выполненной весьма реалистично. Эта голова в своем выполнении аналогична голове птицы с р. Бакчар и птицы с лицом человека с г. Кулайки, кроме этого на г. Кулайке автор в 1928 г при раскопке нашел верхнюю полую часть головы птицы, что и замыкает круг настоящих аналогий и устанавливает одновременность существования ее с изделиями ажурного литья, в частности, с ажурной пластинкой, увенчанной птицами с головой в профиль, найденной на р. Нюрсе, (кажется, что они даже найдены вместе с ней). Наконец, последние изображения птиц нашего собрания происходят с р. Чижапки при впадении ее в р. Васьюган (см. таб. II, — рис. 12 — 13). На основании ряда признаков — как то крупный точечный орнамент на одной из них, опущенные крылья, выполнение головы и одновременность нахождения вместе с ними изображения человека, (таб. II, рис. 10) — дают нам право эти изображения отнести ко времени не позднее Гляденовского кострища, но я не имею данных отнести их ко времени птиц с горы Кулайки и установить одновременность их с ажурным литьем оттуда же, хотя это и не является невозможным.

Таким образом мы устанавливаем одновременность существования изображений птиц с г. Кулайки, птицы с р. Бокчар, полой головы птицы с р. Нюрса, относя их ко времени Пьяноборского могильника (II в. до н. э. по IV в. н. э.). Что касается изображений птицы с р. Чижапки, то относя их ко времени Гляденовского кострища, я не имею данных считать их одновременными птицам типа Кулайки и ажурному литью оттуда же. Кроме того полагаю, что нет покамест данных решать вопрос о происхождении мотивов птицы с лицом человека на груди и птицы с головою в профиль с г. Кулайки — из других мест, а не созданием его местными религиозными и художественными факторами.

После рассмотрения древностей г. Кулайки и других мест по группам и установления им аналогии, указания приблизительного района их распространения и времени их бытования нам значительно легче ориентироваться теперь в главной массе древностей ажурного литья с г. Кулайки, р. Бакчар и др. аналогичных мест. Настоящее литье, выполненное в своеобразном стиле, совершенно отличном от известных нам древностей других районов с данными несомненного свободного творчества, — представляет из себя преимущественно изображение лося (судя по горбине на морде), голов других животных и птиц, во всевозможных сочетаниях. Эти фантастические сочетания животных и птиц в изделиях г. Кулайки, невольно наводят на мысль сопоставить их

с фантастическими изображениями блях пермского „классического стиля" ломоватовской эпохи (IV — VIII в. н. э.) и предполагать, не являются-ли последние дальнейшим развитием настоящих композиций и стиля. Подобные ажурные изделия мне неизвестны в древностях В. России и только в Сибири имеются аналогии в прежних находках. Одна из них происходит с р. Чижапки и состоит из нескольких предметов. Эти древности, опубликованные в журн. „Finskt-Museum" XXII — 1916 г. переданы В. Я. Натн беда финскому исследователю К. Доннеру и хранятся в Гельсингфорском Музее. Другая аналогия имеется в древностях из д. Ишимки с р. Чулыма, где даже имеются совершенно аналогичные предметы, напр. см. Ермолаев таб. VII — 7 и 8. Третьей из известных мне аналогий является фрагмент ажурного литья (очевидно задней части животного), происходящего с Чувашского мыса курган № 9, (предмет № 725 по каталогу Флоринского). Кроме этого близкими по сюжету, по несколько отличными по выполнению, являются изображения животных из Истяцких юрт (см. Heikel, таб. XIX) и изображения животных Гляденовского кострища. Преимущественным сюжетом ажурного литья г. Кулайки и друих мест является изображение лося и его головы, что представляет весьма характерный факт — тем более, если принять во внимание, что на Чувашском мысу около г. Тобольска главная масса всех изделий сделана из костей лося, а также указание исследователя Гляденовского кострища А. А. Спицына на обилие костей лося и там. Очевидно, это животное водилось в значительном количестве в эту эпоху в данных районах, играло какую то особую роль в религиозном культе и являлось темой для вотивных приношений. В ломоватовскую эпоху (IV — VIII в. н. э. по А. В. Шмидт) голова лося украшает части изображений других животных Прикамских древностей, исчезая, по указанию А. В. Шмидт, совершенно после этой эпохи. Таким образом в период Пьяноборского могильника наблюдается большое количество лося судя по обильным находкам его костей на Гляденовском кострище и на Чувашском мысу, где кости его служат материалом для изделий. В эту же эпоху изображение лося является преимущественным вотивным приношением (о чем говорит г. Кулайка и р. Бокчар) причем он изображается, как самостоятельная фигура, а также является главным составным элементом других сложных фигур. В ломоватовскую эпоху изображение лося не является самостоятельным сюжетом, но используется по традиции, как декаративная часть других изображений, исчезая совершенно после Ломоватовской эпохи. Среди ажурного литья г. Кулайки многочисленны также изображения бобра и голов неизвестных животных и птиц. Что касается датировки ажурного литья, то она устанавливается мною на основании приведенных выше аналогий — временем около начало Пьяноборского периода (II в. до н. э по IV в. в. э.). [1]).

Весьма интересным предметом, выполненным в стиле Кулайки, является ажурное изображение свернувшегося звери с р. Парабель. Этот мотив хорошо известен в литературе и имеет широкое распространение. По мнению А. М. Тальгрена [2]) расцвет этого мотива был около 500 г. до н. э. в культурах степей южной России и отсюда он распространился к северу. Помимо юга России бляхи в виде свернувшегося зверя мы имеем в Ананьинском могильнике (VII — II в. до н. э.) [3])

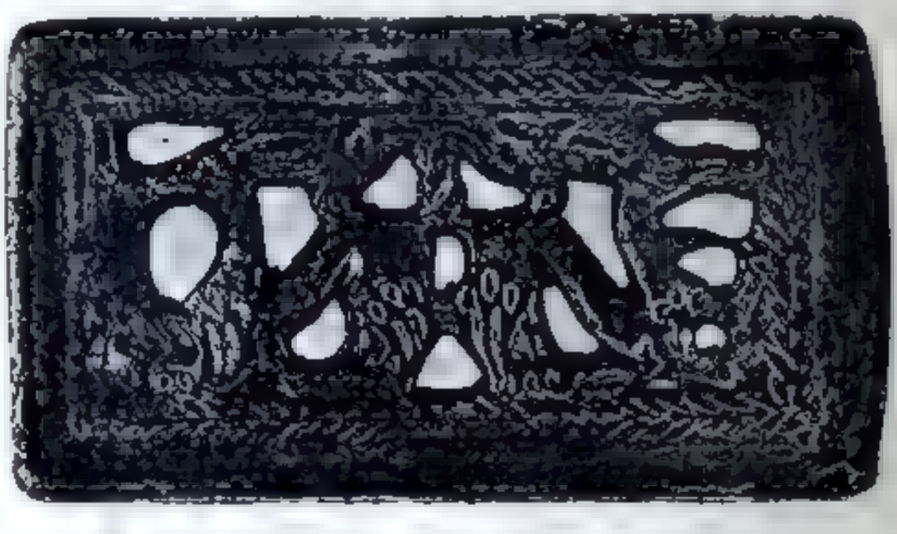
---

[1]) Вероятно, к этому же времени следует отнести изображение животных и лосей на складах д. Писанной Томского округа.

[2]) Tallgren — ук. соч — а также Отчет Арх. ком за 1895 и 1903 г.

[3]) См. Aspelin — ук соч — рис. 471, Толстой и Кондаков в III, рис. 101.

близ г. Вятки, в Уфимском могильнике [1]), который на основании этого изображения и преимущественного употребления бронзовых стрел со втулками, датируется А. В. Шмидт III—I в. до н. э. Известен еще один экземпляр с Гляденовского кострища (см. Спицын т. XII — 6), причем А. А. Спицын относит его ко времени ананьинского могильника, что делает и А. М. Тальгрен. В Сибири найдено также несколько пластинок в виде свернувшегося зверя. По указанию А. М. Тальгрена в Минусинском музее их имеется 6 экземпляров, происходящих из местного края [2]). Изображение этого сюжета имеется на пуговице из Томского могильника [3]) и наконец, имеется золотая пластинка с данным мотивом среди коллекции Сибирских золотых вещей в Эрмитаже [4]). Экземпляр с р. Парабель, бесспорно принадлежащий к кругу древностей типа Кулайки, устанавливает связь их с концом бронзового века — поскольку изображения свернувшегося зверя Минусинского края, Ананьинского, Уфимского и Томского могильников относятся к концу бронзового века. С другой стороны мы устанавливаем связь древностей типа г. Кулайки с культурой. „Золотой коллекции Эрмитажа", древности которой происходят откуда то из Зап. Сибири. На эту же связь указывают и другие предметы нашей коллекции, среди них изображение кабана с г. Кулайки. (См. таб. II, рис. 4), полая фигура которого, выполненная довольно реалистично, обвита змеей, причем, голова ее была сделана из серебра и отломана владельцем, у которого приобрел эту фигуру доктор Л. Н. Зинченко. Сюжет, „Кабан обвиваемый змеей", хорошо известен в литературе и аналогиями к нашему экземпляру будут являться бляхи из „Сибирской золотой коллекции Эрмитажа", где имеются подобные изображения (см. Толстой и Кондаков — вып. III, рис. 54, 55 и 68), а также бляха изображенная у Витзена („Сиб. древности" в. III). Различие между ними заключается в форме выполнения: здесь округлая пластинка, там полурельеф, но связь между этими сюжетами несомненна. Другой экземпляр нашего собрания имеющий аналогии среди предметов „Сибирской золотой коллекции Эрмитажа", есть пластинка с р. Васьюган (см. фот.): она имеет аналогии в золотых пластинках изображающих драконов (?) (см. Толстой и Кондаков — ук. соч. в III рис. 57 — 58), но в отличие от них она выполнена в стиле древностей г. Кулайки, причем на самой пластинке изображены с одной стороны лось, а с другой олень в той же геральдической позе, что и стоящие перед деревом птицы с г. Кулайка (см. Н. К рис. 8), или животные с р. Васьюган (таб. II, рис. I).



Пластинка с р. Васьюган. Натуральной величины.

---

[1]) См. Анучин — ук. соч — рис. № 74.
[2]) См. изображение их у А. М. Тальгрен — указ. сочин.; Клеменца — указ. сочин., а также „Отчет арх. ком. 1894 г.
[3]) Отчет арх. ком. 1889 г.
[4]) См. Толстой и Кондаков в. III, рис 37.

Нахождение этих предметов и установление через них связи с культурой „Сибирской Золотой коллекции Эрмитажа" является весьма интересным моментом. Тем более, что до настоящего времени точно не установлено место происхождения предметов сибирской золотой коллекции Эрмитажа. Эта коллекция, как известно, собрана где то в Зап. Сибири в XVIII в. и была передана в Эрмитаж из Кунст камеры. Через экземпляры нашего собрания и реплики, мы получаем более определенные указания на район их бытования. Имеются указания на связь рассматриваемой нами культуры типа Кулайки с предметеми золотой коллекции Эрмитажа и в другом памятнике этой культуры—именно в Чувашском мысу около г. Тобольска, где найдены пластинки с изображением быков (см. Heikel—таб. IX, рис. 1 и X, рис. 2), выполненные в стиле блях „Золотой коллекции". В чем выражалась эта связь—установить на имеющемся материале не предоставляется возможным. Можно надеяться, что исследования древностей Зап. Сибири, в частности Нарымского края, дадут новые материалы, позволяющие высказаться более определенно на данную тему. Что касается датировки этих предметов, то она определяется временем древностей г. Кулайки и временем блях „Золотой коллекции", которые на основании стилистических данных, а также нахождения вместе с аналогичными бляхами при исследовании Талько-Гринцевича около Кяхты китайских монет династии Хань (206 г. до н. э. по 221 после начала н. э.) и римских монет Гальбы и Нерона с бляхой, указанной Витзеном, датируются временем около начала н. э.,[1]) хотя часть блях Сибирской „Золотой коллекции" некоторые исследователи, как напр. Кизеритский и Эберт, склонны относить ко времени более древнему[2]). Ко времени предмета, изображающего кабана с г. Кулайки и полой головы хищной птицы с р. Нюрса, нужно отнести полое изображение головы кабана с р. Нюрса (см. таб. II—9) и полое изображение головы какого то животного с устья р. Чижапки (табл. II, рис. 8). Эти полые изображения голов животных дают нам еще лишнее доказательство одновременности бытования их, также как и полого изображения кабана с г. Кулайки, со всеми древностями ажурного литья типа Кулайки и даже изготовления их в одно время и в одной и той же культуре.

Нам остается еще указать на изображение стоящего медведя (см. таб. II, рис. 5), найденное в ложбине близь г. Кулайки, непосредственно не связанное с древностями г. Кулайки, которое имеет аналогии среди изображений медведя в древностях Гляденовского кострища, на основании которых и следует датировать изображение этого медведя временем Гляденовского кострища. Кроме этого Л. Н. Зинченко любезно передал мне рисунок пряжки с головой барана, найденной крестьянами на г. Кулайке—и купленной у находчика лицами проезжавшими через с. Подгорное. Где она хранится и у кого, Л. Н. не мог указать. Эта пряжка является, судя по рисунку, точной копией пряжки имеющейся в Минусинском музее и изображенной у Martin—L'âge du bronze, (таб. 29, рис. 13), на основании этого можно условно отнести ее к концу бронзового века.

Из всех указанных мест обнаружения древностей из Нарымского края, откуда происходят предметы собрания Томского Краевого Му-

---

[1]) Спицын.—„К вопросу о хронологии сибирских золотых блях с изображением животных (Зап. Р.А.О. т. XII—1901 г.); Захаров.—Материалы по археологии Сибири (Труды Гос. Истор. Музея в I—1926 г.); Толстой и Кондаков—указ соч. в. III; Tallgren—Col. Tovost. и др.

[2]) Tallgren—Coll. Tovost. ст. 66.

зея,[1]) только одно дало керамику и то в весьма незначительном количестве—это г. Кулайка, керамика с которой была собрана во время раскопок автором. Она состоит из нескольких небольших фрагментов посуды и половинки небольшого сосуда (6,5 ст. высоты) с круглым дном плохого обжига, желтоватого цвета, с орнаментом по краю в виде вдавленных насечек. Что касается орнамента фрагментов (см. таб. III,—рис. 12—16), то они также не дают ясного представления о керамике г. Кулайки. Можно на основании их указать, что это были небольшие сосуды, покрытые орнаментом только в верхней части. Орнамент этот был или в виде насечек по краю сосудов, или в виде редкого гребенчатого нанесенного чеканом, либо в виде выпуклых в небольшом рельефе горошин, расположенных рядами. Аналогии этой керамики я находил в керамике Чувашского мыса, хранящейся в Археологическом музее Томского Университета, а также в керамике, опубликованной Ф. А. Теплоуховым[2]). Я лишен возможности точно отнести ее к определенному периоду, но среди имеющихся фрагментов нет таких, которые бы противоречили датировке г. Кулайки, указанной мною.

После рассмотрения древностей собрания Томского Краевого Музея из Нарымского края, выяснения аналогий и установления времени их бытования—остается еще один вопрос, не рассмотренный мною, а именно о назначении этих предметов. Прежде всего, если исключить несколько предметов охоты и вооружения, как то наконечники стрел, топор и копье, причем условия находки последних двух предметов точно неизвестны, то бросается в глаза отсутствие предметов быта, а также отсутствие каких либо следов жилья, погребений и даже культурного слоя. Действительно, именно в такой обстановке были найдены древности на г. Кулайке около д. Бокчар, скифская ваза около с. Колывань и древности на р. Бундюр. Во всех этих местах предметы были найдены при поднятии целины на весьма незначительной глубине. Очевидно, такие условия нахождения предметов не являются случайными, а связаны с определенными намерениями. Тоже следует отметить и о находках, мною много раз упоминаемых, древностей около Истяцких Юрт и д. Ишимки. О первой из них Н. А. Лыткин сообщает,[3]) что древности были обнаружены случайно при рытье канавы около почтовой дороги. „Грунт земли чисто песчанный. Никаких курганов и городков нет". Ишимская коллекция была выпахана и лежала на глубине 3—5 вершков, кучей в одном месте ограниченным пространством в 8 кв. арш. А. В. Шмидт указывает на аналогичные условия находок некоторых древностей, относящихся к ломоватовской эпохе, в то время как предметы Гляденовской эпохи обнаружены почти исключительно в жертвенных местах—„кострищах"[4]). В виде клада были найдены и изображения людей около д. Сапоговой, на древности которой я ссылался выше[5]). Отмеченное типичное для весьма широкого района „захоронение" подобных древностей дает право предполагать религиозный смысл этого „захоронения". На возможность вотивного характера кладов указывает и А. В. Шмидт[6]). Об этом же говорит и назначение некоторых предметов, что было отмечено мною при их рассмот-

[1]) В данном случае речь идет только о местах, где известны условия обнаружения древностей.

[2]) Ф. А. Теплоухов.—О доистории жертвенных местах на Уральск. горах (Зап. Урал. О. Люб. Естеств., т. VI, в. 1, 188[illegible]).

[3]) Лыткин.—указ. соч., ст. 13.

[4]) А. В. Шмидт.—К вопросу о происхожд. пермского звериного стиля ст. 157.

[5]) Толмачев.—Древности Вост. Урала.

[6]) А. В. Шмидт.—В вопросу о происх. перм. звер. стиля.

рении например: круглые бляхи, изображения человека с головами лося, сложные композиции, изображающие человека и животных, наконец ажурное литье.

Таким образом, определяя подобные древности, как предметы связанные с культом, мы должны будем определить г. Кулайку, где найдена главная масса подобных предметов нашей коллекции, как священную гору. Это вполне согласуется с позднейшим почитанием г. Кулайки местными аборигенами, и с находками на поверхности ее многочисленных медных монет начала и середины 19 в. На это же указывает и название „Кулайка" [1]). Подобное же назначение имел и другой памятник с древностями близкими г. Кулайки—именно Гляденовское кострище—что и отметил А. А. Спицын. Я надеюсь, что дальнейшие исследования дадут нам новые материалы, освещающие культуру типа Кулайки, ее быт, а также и погребения, но при исследовании 1928 г. подобных памятников мною обнаружено не было.

В целях наибольшего освещения вопросов, связанных с интересующей нас культурой, следует указать на ряд фактов, говорящих о сношении народов данной культуры с цивилизованными странами этой эпохи. Конечно, эти сношения начались значительно раньше культуры г. Кулайки, о чем имеются соответствующие указания, как напр. нахождение голубых египетских бус в памятниках ананьинской эпохи в С. В. России, нахождение изображений Аммона в Пермском крае [2]), статуетки Озириса VI в. до н. э. около г. Томска [3]) и другой статуэтки около с. Абаканского [4]). Некоторые исследователи в одной из круглых блях, найденных около г. Тары, датируемой временем начала н. э., склонны видеть коленопреклоненную фигуру Вавилонского злого духа Лабарту. Но в эпоху культуры Кулайки сношения были более оживленными—об этом свидетельствует огромное количество золоченых бус египетского происхождения, найденных в памятниках Пьяноборской эпохи в С.-В. России. В одном Гляденовском кострище их было найдено до 10000 шт. Связка таких бус имеется и в кургане № 15 Чувашского мыса, давшего ряд аналогий древностям г. Кулайки. Эти бусы, приготовлявшиеся особым, довольно сложным способом, изготовлялись в мастерских г. Александрии в эллинистическую и римскую эпохи. Об этом же говорят и римские монеты, найденные около г. Омска и монеты императоров Гальбы и Нерона, указанные Витзеном из района С.-З. Сибири; изображение Дианы позднеэллинистического времени в кладе Истяцких юрт, находка китайских зеркал эпохи династии Хань в Ишимском кладе и находки на Гляденовском кострище монет Сасана и Кадзифа I—царей Северной Индии. Любопытно, что все перечисленные предметы импортного происхождения, датируются приблизительно одним и тем же временем и кроме того соответствуют датировке древностей культуры Кулайки. Позднее этой эпохи сношения продолжались с Сассанидами Северной Индии и частично с Китаем, о чем свидетельствует значительное количество серебряных блюд, предметов и монет, найденных в Пермском и Тобольском крае и составивших изумительное собрание этих предметов в Эрмитаже.

Суммируя все сказанное относительно древностей типа Кулайки, я должен отнести их к времени Пьяноборского могильника (II в. до

---

[1]) Моя работа „Находка на г. Кулайке".

[2]) А. В. Шмидт. Древний Восток и русский Север („Новый Восток". 1926 года № 13—14).

[3]) Проф. В. А. Городцев.—Скальные рисунки Тургайской области (Труды Гос. Ист. Музея в I—1926 г.

[4]) А. В. Шмидт. Уч. соч.

н. э. по VI в. н. э.), но не позднее времени Гляденовского кострища при чем если я из осторожности на незначительном материале с г. Кулайки 1920 г. датировал в работе 1927 г. ее древности временем с II—V в. н. э. [1]), то теперь я могу с большим правом на основании исключительного употребления бронзовых стрел с втулками, относимых ко времени конца Ананьинского могильника, одновременности существования ажурного литья и скифских ваз, на основании рассмотрения изображений птиц и изображений человека, наличия зеркал Пьянобор ского типа и проч., наконец, путем косвенно подтверждающих датировок, имеющихся в Ишимском кладе китайских зеркал династии Хан бляхи в виде Дианы позднеэллинистического времени из древносте Истяцких юрт, золоченых бус в кургане № 15, Чувашского мыса, дат ровать древности Кулайки временем около начала н. э., но, вероятно они бытовали и позднее. Древности типа Кулайки имеют определенны границы распространения, установить которые точно в настоящее врем затруднительно. Все же мы вправе утверждать, что район их распространения С.-Зап. Сибирь—быть может С.-Вост. Россия, где имеются не одна аналогия древностям г. Кулайки, хотя культуры С.-Зап. Сибири и Пермского края являются совершенно самостоятельными культурами и смешивать их не приходится, что отмечал и А. В. Шмидт в своем исследовании пермского „звериного стиля" [2]). На востоке границей распространение древностей этого типа мы имеем с. Чадобец на р. Ангаре быв. Енисейской губ., откуда происходит, как я указал, несколько предметов типичных для данной культуры. Таким образом древности собрания Томского Краевого Музея из Нарымского края дают материалы для изучения одной эпохи доисторической Сибири, но у нас весьма немногочисленные материалы, относящиеся к другим эпохам в частности нам неизвестна культура, на основе которой развилась культура Кулайки. Но думаю, что скорее ее корни следует искать в культуре Томского могильника [3]), имеющего в свою очередь корни в стоянке начала металлической эпохи около с. Иштан Томского округа, исследованной автором, а не в древностях бронзовой культуры Минусинского края. Древности Томского могильника, охватывающие значительный промежуток времени, имеют ряд специфических черт, указывающих на некоторое отличие их от древностей Минусинского края, и на выработку несколько иных форм культуры.

Хотя намечается и некоторая связь или одновременность бытования культуры типа Кулайки и культуры „коллективных погребений". Эта проблема требует особого изучения.

Недостаточно ясен вопрос о взаимоотношениях культуры типа Кулайки с культурами Прикамского края. Что между ними существовали какие то взаимоотношения—это совершенно очевидно. В частности, те многочисленные аналогии, которые можно было найти в Гляденовском кострище, достаточно убедительно говорят за это. Была ли эта культура одной народности, или это есть результат влияния одной культуры на другую при очень тесных экономических взаимоотношениях, передвижение народа, создавшего настоящие культуры, из Зап. Сибири в Вост. Россию или наоборот—вопрос не может быть разрешен без дальнейших исследований доисторических памятников и особенно С.-З. Сибири. Но несомненно то, что с формальной стороны

---

[1]) См. мою работу „Находка на г. Кулайке.

[2]) А. В. Шмидт.—К вопросу о происхождении перм. звер. стиля.

[3]) См. С. Кузнецов—Отчет об археолог. изысканиях в окрестностях г. Томск

изделия, изображающие животных с г. Кулайки, д. Бокчар и р. Парабель—возможно, даже при одновременном бытовании и одинаковых религиозных основах с Гляденовским кострищем,—выполнены в совершенно отличном от его древностей стиле. Это различие можно видеть также и с изображениями из Истяцких юрт, которые в своем выполнении стоят ближе к последним, чем к древностям г. Кулайки. Нельзя не отметить формальное различие и в изображениях человека с фигурами из Обь-Енисейского канала и с. Чадобец на р. Ангаре, хотя должен признать, что датировка последних двух изображений еще не установлена достаточно точно.

Уже выше я отмечал, что в настоящее время нет определенных данных, указывающих на значительное влияние других культур на создание стиля древностей типа Кулайки, хотя некоторые исследователи, признавая чисто местные черты в искусстве доисторических культур Сибири и С.-Вост. России, все же полагают, что для целого ряда изделий и мотивов—в частности для изображений некоторых животных и композиций—образцами служили произведения иных высокоцивилизованных культур. Этот вопрос частично и рассматривался в известной проблеме „звериного стиля", т. е. стиля некоторых культур, воспроизводящих в своих изделиях изображения животных. Было высказано несколько гипотез, стремившихся об'яснить происхождение изображений животных и фигур в произведениях доисторических культур С.-В. России и Сибири. Причем некоторые из них базировались на том положении, что в районе создания того или иного изображения животного в настоящее время эти животные не водятся напр. верблюды, кабаны и т. п. Остановимся на главнейших из этих гипотез. Проф. А. М. Тальгрен полагает, что зоологические мотивы бронзовой культуры Минусинского края не являются мотивами туземного происхождения, но заимствованы извне и далее полагает, что родиной их происхождения могли быть два района: Юг России—Скифия и культуры Русского Туркестана [1]). Кроме того проф. Тальгрен усматривает влияние Скифии на Камскую культуру бронзового века (Ананьинский могильник), где впервые появляются по исследованию А. В. Шмидт некоторые мотивы Пермского „звериного стиля". Д. Н. Клеменц, на основании находок изображений верблюда и осла в древностях Минусинского края, высказал предположение, что аборигены медного века этого края жили когда то южнее и, очевидно, оттуда и происходит данные сюжеты [2]).

По мнению проф. М. И. Ростовцева, Сибирские золотые бляхи с изображением животных имеют свои корни в Иранском мире, причем быть может через посредство южной России [3]). И. И. Толстой и Н. П. Кондаков полагают, что корни Пермского звериного стиля надо искать в древностях восточного искусства и Персии [4]). Известный исследователь пермских древностей А. Ф. Теплоухов высказал мнение, что мотивы их появились либо под влиянием религиозных представлений, либо как подражение животным восточного искусства [5]). И. Н. Смирнов также склонен искать прообраз пермского искусства в Ассирии. Д. Н. Анучин выдвинул гипотезу происхождения пермского звериного стиля и религиозных представлений, лежащих в основе его, из Дальнего Востока. На детали этой гипотезы я останавливался при рас-

---

[1]) А. Тальгрен—Col. Tov.—ст. 21—22.
[2]) Д. Клеменц.—Древности Минусин. Музея. т. 1888, ст. 69.
[3]) M. Rostovtzeff-Iranians and Grecks. Oxford 1922. Цитирую по Захарову—ук. соч., стр.—97.
[4]) Толстой и Кондаков—ук. соч. 7
[5]) А. А. Теплоухов.—Древности Пермской чуди.

смотрении изображения птиц с лицом человека на груди. Там же я указал и на гипотезу Аппельгрен-Кивало, который утверждает, что мотивы искусства доистор. культур Сибири и Пермского края надо искать в античном мире или находившемся под его влиянием искусстве Юга России. К последней точке зрения примкнул и А. В. Шмидт, который полагает, что некоторые мотивы Пермского „звериного стиля" возникли из степей Скифии, но попав на Север эти мотивы сильно изменились и приняли чисто местные черты (А. В. Шмидт.—К вопросу о происхождении пермск. звериного стиля). И только один А. А. Спицын утверждает, что изображения животных Пермского и Сибирского края созданы под влиянием местной шаманской религии и являются продуктом местного искусства.

Таким образом большинство исследователей высказывались за то, что искусство доисторических культур Сибири являлось продолжением и разработкой мотивов искусства иных высокоцивилизованных стран. Я склонен думать, что в этом есть известный момент преувеличения, что является следствием недостаточного изучения доисторических культур Сибири и отсутствием материала, который бы рисовал закономерное развитие форм этих культур. Кроме того следует указать на многочисленные неясности и неточности, которые вносит понятие „звериный стиль" в вопросы изучения искусства доисторичестих культур. Действительно, это понятие охватывающее изображения животных многочисленных народов, культур и эпох без всякой связи между ними, начиная от неолита и кончая почти современными шаманскими изображениями, не может рассматриваться во всей своей совокупности.

Сам термин „звериный стиль" нуждается в уточнении и даже совершенном исключении. Прежде всего потому, что понятие „стиль" предполагает совокупность формальных признаков, определяемых соответствующими причинами, а не сюжет, возникающий совершенно конвергентно у различных народов и в различные времена. Этот термин возник в прошлом при преобладании сравнительного метода изучения искусства доисторических культур и предметом его изучения является сюжет или мотив, причем при исследовании он базировался на одном положении (не доказуемом), что данный сюжет был создан в определенной культуре и эпохе путем творческого акта (в данном случае изображение животного), а затем идет заимствование его другими народами, подражание образцу, отсюда его дальнейшее развитие по пути упрощения и схематизации. Но сюжетное содержание искусства той или иной культуры обусловливается главным образом не влиянием другой культуры, а условиями жизни и формами хозяйства -у зверолова естественно преобладают изображения зверя, у скотовода—лошади и домашних животных, в тоже время имея различие в стиле выполнения этих сюжетов, создание которого обусловливается своими закономерными причинами, влияющими и на его развитие.

Против заимствования сюжетов доисторическими культурами Сибири говорит и реалистическая трактовка изображений—что свидетельствует о непосредственном наблюдении художника. Схематизм же и геометризация изображений животных еще не говорят о том, что данный сюжет является заимствованным и как таковой трактуется в непонятно-упрощенной форме, потому что нам известно, что некоторые эпохи в искусстве того или иного народа имеют геометрическую трактовку, что обусловливается соответствующими закономерными причинами в том числе и религиозными. Нельзя, говорить также о каком-либо значительном влиянии на сюжет и стиль культур Сибири со стороны высокоцивилизованных культур, отдаленных от них таким боль-

шим расстоянием. Что касается отсутствия на данной территории в настоящее время некоторых животных, изображаемых доисторическими культурами Сибири, то это еще не решает вопрос, так как они могли существовать в те отдаленные от нас времена на данной территории или вблизи ее. Так например: кости верблюда, определенные Черским, были найдены в пещерах Минусинского края, там же на скалах имеются и его изображения; в погребениях Алтая В. В. Радловым обнаружены клыки кабана, их находят и в памятниках Иркутского края; в погребениях Минусинского края С. А. Теплоухов нашел кости крупного быка (яка или зубра), имеются данные и о существовании барса на юге Сибири в эпоху бронзового века и начала железного. Вообще этот вопрос стоит на очереди в дальнейших исследованьях Сибири.

Итак я считаю, что изображения животных г. Кулайки есть результат чисто местного творчества без всякого заимствования чужого сюжета—это подтверждается и теми указаниями, которые я приводил при рассмотрении главного сюжета вотивных приношений—лося. Если в некоторых мотивах все же возможно (до окончательного изучения этой культуры) предположить влияние иных культур, то это влияние следует видеть только в сюжете, но не во влиянии на стиль изображений этой культуры.

Я думаю, также, что разрешение вопроса о создании „стиля" пермских древностей (в искусствоведческом понимании этого термина) без выводов, которые могут быть получены лишь в результате изучения искусства доисторических культур Зап. Сибири, будет иметь некоторую односторонность, во всяком случае, значение влияния культур степной Скифии будет несколько преувеличиваться. В частности в фантастических сочетаниях изображений голов зверей в ажурных изделиях с г. Кулайки я склонен видеть некоторые корни Пермского „классического стиля"—Ломоватовской эпохи (IV—VIII век после н. э.)—что соответствует и хронологическим указаниям времени бытования предметов типа Кулайки и предметов Ломоватовской эпохи Пермского края.

Для правильного понимания рассматриваемой нами культуры следует возможно точнее представить и физико-географические условия, в которых развивалась данная культура, которые, конечно, в значительной степени определили ее, влияя на ее склад и развитие.

Вопрос этот имеет весьма большое значение для изучения не только настоящей, но и для изучения других доисторических культур Сибири.

Он обычно недооценивался при подобных исследованиях в прошлом, и было странно, когда культуры глубокой древности рассматривались в современных физико-географических условиях.

Тем не менее имеются основания предполагать несколько иные условия для жизни на территории Нарымского края в эпоху культуры Кулайки, во всяком случае отсутствие такого количества заболоченных мест.

Как известно, в Зап. Европе исследования ряда ученых достаточно ясно показали изменение климатических режимов и растительности в послеледниковый период. Многочисленные данные и наблюдения позволяют довольно ясно представить их чередование и последовательность, а также и границы распространения той или иной растительности в соответствующий период. Еще ранее в Европ. России геологические и геоботанические исследования, а в недавнее время исследования торфяников—позволили проследить эти колебания и здесь. В конце прош-

лого столетия С. Коржинский [1]) и Г. Танфильев [2]) указывали на то, что в известный период послеледниковой эпохи степи заходили далеко на Север, оттеснив леса, а в последующее время произошло обратное наступление леса на степь и отступление ее к югу.

В настоящее время накопилось достаточно много данных, показывающих бесспорность климатических изменений в Европ. России. Л .С. Берг так формулирует это: „нынешней сравнительно влажной эпохе предшествовала более сухая и теплая, когда в степях юга России господствовали условия полупустынного климата, когда дуб и Тгара имели более широкое разпространение, степи и лесостепи в Евр. России простирались на Север, по крайней мере до Вологодской губ., а в области тундр росли леса. Одним словом, тогда имело место смещение климатических поясов к северу“ [3]).

Проф. В. С. Доктуровский [4]) на основании исследования торфяников России и Зап. Европы беря за основу климатические периоды по Блитту и Сернандеру, а также некоторые хронологические данные и построения, в частности Зюнделина и Л. Ф.—Поста устанавливает смену климатических периодов в послеледниковую эпоху с установлением также хронологических дат по отношению Ев. России. Эта смена в эпохи близкие ко времени культуры Кулайки, рисуется в таком виде; после теплого влажного (атлантического) климатического периода наступает около 3000 г. до н. э.—сухой континентальный (суббореальный) период, продолжающийся до 500 г. до н. э., во время, которого степи наступают на леса, леса на тундру, причем первые заходят в этот период далеко на Север. Около 500 г. до н. э. происходит изменение климата в сторону его увлажнения и похолодания с отступлением степей и лесов к югу.

Изучение Сибири еще не установило достаточно точно время и формы колебания климатов и растительности, но имеется ряд данных о их чередовании Относительно С.-Зап. Сибири эти данные имеются в работах В. Н. Сукачева, Б. Н. Городкова, А Н. Толмачева. О Новосибирских островах—К. А. Волосовича, о Якутии А. А. Григорьева, С. С. Кузнецова и др.

Что касается Нарымского края, то Д. А. Драницын [5]), на основании изучения почв в данном районе полагал, что Нарымский край в послеледниковое время в течении известного периода являлся территорией степей, отступивших впоследствии к югу, и что обширные торфяные болота образовались здесь позднее, путем заболачивания суши. Выводы Д. А. Драницына вызвали возражения П. Н Крылова [6]).

Но ряд других исследователей напр. Рожанец, [7]), Неуструев [8]), М. Ф. Колоколов (р. Чулым) указывали на то, что современной эпохе

---

[1]) С. Коржинский —Предварительный отчет о почвенных и геоботанических исследованиях в 1886 г в губ. Каза., Самар Уфимск Пермской и Вятской (Изв Общ Естеств. при Казан. Ун-те, т. XVI в. 6—1887 г

[2]) Г Танфильев. Доисторические степи Евр. России „Землеведение“ 1896, кн 2 и его же „К вопросу о доистор степях во Владимир. губ („Почвоведение“, 1902 г).

[3]) Проф. Л С Берг —Климат и жизнь.—М. 1922 г. здесь же указана и литература вопросы до 1919 г.

[4]) В. С Доктуровский.—Болота и торфяники М. 1922 и его же. Из истории образования и развития торфяников России. „Торфяное дело“, 1924 г. № 2).

[5]) Д А Драницын.—Вторичные подзолы и перемещение подзолистой зоны на севере Обь-Иртышского водораздела (Изв Докучаевского Почвенного комитета в П 1914 г)

[6]) П. Н. Крылов.—К вопросу о колебании границ между лесной и степной областями (Тр. Бот. Музея А. Н. в. XIV—1915 г.)

[7]) Рожанец.—Почвы окрестностей Томска и их связь с геологическим прошлым. (Труды Том. Отд. Р. Бот. О-ва 1921 г.).

[8]) С. С. Неуструев.—К вопросу об изучении послетретичных отложений Сибири. (Почвоведение 1925 т. III).

предшествовала более теплая и сухая. Это соответствует и указаниям М. К. Коровина [1]) который пишет: „После холодного и влажного климата ледниковой эпохи наступает век снова сравнительно теплого, но очень сухого климата, в течении которого отлагается толща леса, вероятно, эолового происхождения, и резко сокращаются все речные системы, в долинах которых и на ближайших плоских водоразделах образуются песчанные скопления дюн, как на левом водоразделе р. Томи. Наконец, наступающая после этого современная эпоха характеризуется постепенным увлажением климата..., а в области Нарымского края— постепенным заболачиванием обширных водораздельных пространств".

Р. С. Ильин, производивший почвенные исследования в Нарымском крае в 1927—28 г. также стоит на точке зрения существования здесь ранее теплого климата и захождения степей в Нарымский край. Изучение же заболачивания приводят Р. С. Ильина к убеждению, что этот процесс в настоящее время протекает значительно интенсивнее, чем прежде. Этим об'ясняется то явление, что в Нарымском крае можно видеть курганные погребения на заболоченных местах, находки кладов на заболоченных вторых террасах, или сухие стволы кедров, торчащие из болот и т. п. Можно думать, что липы, сохранившиеся в окрестностях г. Кулайки есть реликтовые остатки арриергарда лиственного леса двигавшегося за степями к югу, теснимые хвойными лесами при смене климатического режима. Таким образом геоботанические и геологические данные об изменении климатов и растительности в послеледниковый период в Сибири дают нам право рассматривать и доисторические культуры в иных физико-географических условиях. Обильные археологические находки в Нарымском крае, даже без специальных исследований указывают на то, что, действительно, здесь, условия для жизни в доисторические времена были более благоприятные, чем в настоящее время. Они были иные и во время существования культуры г. Кулайки, т. е. около 2000 л. тому назад. Вероятно, район был значительно менее заболочен, на речных террасах, как предполагает Р. С. Ильин, были участки свободные от лесной растительности, а в некоторых случаях и на склонах, границы степи и лесостепи проходили в эту эпоху от района г. Кулайки гораздо ближе, чем в настоящее время. Хотя должен указать, что и сейчас они проходят—приблизительно 170—200 кил., не так далеко от самых вершин р.р. Чаи, Парабели и Васьюган, а особенно близко границы степи подходят к Юго-Вост. направлении [2]). Связь с культурами степей была более прочная и условия для этого были благоприятными. Не исключена возможность, что культура Кулайки развилась из степной культуры и элементы степного быта еще сохранялись в более южном районе ее распространения. В данном случае интересно нахождение костей лошади и изображений лошади с седлами из глины на Чувашском мысу, изображений человека верхом на бляхах Истяцких юрт и изображений коня в Ишимском кладе. Этим же можно об'яснить факт нахождения среди древностей культуры Кулайки предметов степных культур как то „скифских" ваз, изображений кабана, головы кабана, пряжки с головой барана и т. п. Очевидно, они или еще были в быту в эту эпоху, или уже употреблялись по традиции для особых целей. Скорее здесь следует видеть постепенный переход от степной культуры (независимо от

[1]) Проф. М. К. Коровин —Очерк геологического строения и полезных ископаемых Томского округа. (Труды О-ва Изучения Томск. края, вып. 1, 1927 г.).

[2]) См. карту растительных областей по проф. П. Н. Крылову и проф. В. В. Ревердатто.—Проф. Ревердатто.—Краткий очерк почв и раст. Томск. округа. (Труды О-ва изуч. Том. края в. I, 1927 г.).

причин) к культуре преимущественно леса. На это указывает сохранение степных форм и приспособление их к формам новой культуры-например: это можно отметить в изготовлении „скифской вазы" с г. Кулайки и „свернувшегося зверя" с р. Парабель—композиции степной культуры, но выполненной в формах местного стиля. Интересным фактом также является изготовление топора с р. Васьюган—топора характерного для бронзовой культуры Минусинского края, но сделанного из металла и в форме уже позднего времени; изготовление пряжки с р. Васьюган—близкой по трактовке сюжета к пряжкам культуры „Золотой коллекции Эрмитажа", но с заменой этих изображений с одной стороны лосем, и с другой—оленем и т. п.

К какому же народу следует отнести памятники рассматриваемой нами культуры?

Местное население приписывает настоящие древности легендарному племени „чудь", которая якобы жила здесь когда то и захоронила себя перед приходом в Сибирь русских, подрубив столбы навесов. Вопрос о происхождении этой легенды явился темой специального исследования А. В. Шмидт [1]), который весьма убедительно показал, что ни на Урале, ни в Сибири никакой народ под названием „чудь" никогда не жил и что даже самое это слово отсутствовало у финнов в момент их соприкосновения со славянами, в то время, как предание приписывает этой „чуди" памятники различных эпох, времен и культур по всей территории Сибири и С.-В. России, в среднем охватывающие время около 4.000 лет, принадлежавшие, конечно, не одной, но многочисленным народностям. У славян слово „чудь" известно давно и заимствовано ими у готов, у которых оно означало понятие „люди" и было приложимо одинаково ко всем соседним народностям; отсюда слово „чудный" и т. п. Со временем, с переселенцами из Новгородского края оно сначала было перенесено на Урал, а затем и в Зап. Сибирь, где им называли, в собирательном смысле слова, народы, прежде обитавшие на Урале и в Западной Сибири. В летописи Саввы Есипова 1636 г. говорится: „прежде бо живящие чудь по всей Сибирстей земли и како нарицашеся того в память никому не вниде. ни писания обретох". Впоследствии к этому присоединилась легенда о „самопогребении", возникшая в Зап. Сибири в XVII в. в связи с кладоискательством и базировавшаяся на особом устройстве курганов, связанном с религиозными верованиями.

Исследования современных географических названий данного района также дают весьма мало. Несомненно, главная масса их связывает нас с финскими племенами и даже точнее, с остяками, о чем говорят такие слова, как р. Иега=Квега (другое название р. Икса), Варга-тер, Васьюган, г. Кулайка и др. Но базироваться на этом для окончательных выводов о народе, которому принадлежала культура 2000 лет тому назад, конечно, нельзя, уже хотя бы потому, что во первых,—этот народ не говорил на языке современных остяков, а во вторых мог не иметь решительно никакой связи с этой народностью. Да и вообще нельзя рассматривать народы доисторических культур Сибири в пределах современных этнических группировок и этнических расселений. Все же следует высказаться за необходимость филологических изысканий, связанных с этническими проблемами территории на С. Зап. Сибири, независимо от той или иной доисторической культуры этой террито-

---

[1]) А. В. Шмидт. -О чуди и ее гибели (Зап. Ур. О-ва любит. естествознания, т. XV, в. 2—1927 г.).

рии, в частности весьма желательны изыскания представителей яфетической теории, возглавляемой акад. Н. Я. Марр.

Итак, разрешить вопрос о народности культуры Кулайки в настоящее время для меня не представляется возможным.

Оканчивая настоящую работу я надеюсь, что дальнейшие систематическое исследования дадут и новые материалы по вопросам, связанным с культурой г. Кулайки которые восполнят мои наблюдения и выводы и, быть может, даже и видоизменять некоторые из них.

В заключение с чувством глубокой признательности отмечаю ту поддержку и помощь в моей работе, которую мне оказали Томский Краевой Музей, Общество изучения Сибири и ее производительных сил, проф. А. П. Калишев, д р Л. Н. Зинченко, Р. С. Ильин и В. Н. Ермолаев, которым я приношу свою благодарность.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Д. Н. Анучин.—К истории искусства и верований у Приуральской Чуди (Матер. по археологии вост. губ. России 1899, т. III).
2. Аппельгрен-Кивало.—Основные черты скифо-пермского орнаментального стиля (Труды XV археол. С'езда в Новгороде, т. I).
3. J. R. Aspelin.—Antiquités du Nord Finno Ougrien. Helsingfors, 1877—84.
4. Béla Posta.—Archaeologische Studien auf russischem Boden I—II Budapest, 1905. Dritte asiatische Forschugsreise des grafen Eugen Zichy. Band III, IV.
5. „Восточное серебро", изд. Археол. Комиссии
6. В. А. Городцев.—Культуры бронзовой эпохи в Средней России Отчет II Рус. Музея, 1914 г.
7. В. А. Городцев.—Описание коллекции Сибирских древностей и О. Б. Эгэрского-Струмилло. (От. И. Рус. музея, 1915 г.).
8. A. O. Heikel.—Antiqutes de la Sibérie occidentale. Helsingfors, 1894
9. Ежегодник Тобольского Губернского Музея.
10. А. Ермолаев.—Ишимская коллекция—Красноярск, 1911 г.
11. А. А. Захаров.—Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г. (Труды Госуд. Ист. Музея в I 1926 г.).
12. Записки Русского Археол. Об-ва.
13. Известия Археол. Комиссии.
14. Д. А. Клеменц.—Древности Минусинского Музея Томск. 1886 г.
15. Кузнецов-Красноярский И. Р.—Древние могилы Минусинского Округа, Томск, 1889 г.
16. Кузнецов-Красноярский И. Р. Минусинские древности в I, Томск, 1908 г.
17. С. К. Кузнецов.—„Отчет об археолог. изысканиях в окрестностях г. Томска". 1890 г.
18. Н. А. Лыткин.—Археолог. отдел Тобольского Музея, Тобольск, 1890 г.
19. F. R. Martin.—L'âge du bronze au musée de Minoussinsk. Stockholm. 1893 г.
20. F. R. Martin.—Sibirische Sammlung. Stockholm. 1895 г.
21. Материалы по археологии России
22. Материалы по археологии восточных губерний России.
23. И. М. Мягков.—Находка на горе Кулайке. (Труды Томского Края Музея, т. I, 1927 г.).
24. Попов.—О чудских копях. (Известия Сибир. Отд. Рус. Географ. Об-ва. Иркутск, 1873, в. IV).
25. А. Ф. Плотников.—Нарымский край, 1901 г., СПБ.
26. Н. Новокрещенных.—Гляденовское кострище. (Труды Пермской Ученой Архивной Комиссии, 1914 г., в. XI).
27. Отчеты археол. комиссии.
28. В. В. Пигнатти.—Искер—(Еж. Тобольск. музея, в. XXV, 1916 г.).
29. Vl. Radloff.—Aus Sibirien. Leipzig, 1884 г.
30. В. В. Радлов.—Сибирские древности (Материалы по археологии России, 3, 5, 15, 27, СПБ, 1888—1902 г.).
31. И. Словцов.—Материалы по распределению курганов и городищ Тобольской губернии. Томск, 1890 г.
32. А. А. Спицын.—Древности Камской Чуди (Мат. по арх. России № 26)
33. А. А. Спицын.—Древности Оки и Камы (Мат. арх. России № 25).

31 А. А. Спицын.- Шаманизм в отношении к русской археологии. (Зап. Рус. Арх. Об-ва отдел славян. и русск. археол., т. XI, в. 1—2, СПБ, 1899 г.).
35 А. А. Спицын —Шаманские изображения (Зап. Рус. Арх. Об-ва, 1906 г., т. VIII, в. I)
36. А. А. Спицын—Зауральские городища (Зап. Отд. Рус. и Слав. арх. Рус. Арх. О-ва т. VIII, в. I)
37. А. А. Спицын.—Глядеповское кострище (Зап. отд. Рус. и Слав. арх. Рус. Арх. О-ва. т. XII, в. 5, СПБ, т. XII, в. 5, СПБ, 1901 г.).
38. А. А. Спицын.—К вопросу о хронологии золотых Сибир. блях с изображением животных (Зап. Арх. О-ва Отд. рус. и слав. археол., т. XII, в. 5, СПБ, 1901 г.)
39. А. А. Спицын—Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма (Зап. Рус. Арх. О-в, т. XI, в. VII, СПБ, 1899 г.)
40. H. Struwe.—Analyse verschieder antiker Bronzen und Eisen aus der Abakan. (Bullet. de l'Acad. des Sciences de St. Petersburg 1868. IX.
41. Suomen Museo (Finskt Museum).
42. A. M. Tallgren—Collection Zaoussailov Helsingfors, 1916.
43. A. M. Tallgren.—Collection Tovostine. Helsingfors, 1917 г.
44. A. M. Tallgren.—Civilisation dite d'Anamno, 1919 г.
45. В. Толмачев—Древности Восточного Урала (Зап. Урал. О-ва любит. естествознания) Екат., 1913 г.
46. И. П. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. 1890 г.
47. Ф. А. Теплоухов. Древности Пермской Чуди в виде баснословных людей и животных (Пермский край, 1892 г., т. II).
48. Ф. А. Теплоухов.—О доисторических жертвенных на Уральск. горах (Зап. Урал. Об-ва любит. естествозн., г. VI, в. I, 1880 г.).
49. С. А. Теплоухов.—Древние погребения в Минусинском крае (Мат. по этнографии, т. III, в. 2, 1927 г.)
50. Труды комиссии по производству химико-технич. анализов древних бронз 1882 г.
51. В. М. Флоринский.—Археолог. музей Томск. Универ-та, Томск, 1888 г.
52. В. М. Флоринский. Первобытные славяне.
53. В. М. Флоринский.—Топографические сведения о курганах Западной Сибири (Известия Томск. Унив-та 1888—9 г.г.).
54. А. В. Шмидт.—К вопросу о происхождении пермского звериного стиля (Сборник Музея антропологии и этнографии, т. VI, 1927 г.).
55. А. В. Шмидт.—Туйский всадник. (Записки коллегии востоковедов, т. I, 1926 г.)
56. А. В. Шмидт. Древний Восток и русский Север („Новый Восток", 1926 г., № 13—14.).
57. А. В. Шмидт.—О чуди и ее гибели (Зап. Уральского О-ва Любителей естествознания, т. XL, в. 2, Свердловск, 1927 г.).
58. А. В. Шмидт.—Археологическое изучение древностей Севера СССР. (Финно-Угрский сборник, Л. 1928 г.
59. Эйхенвальд.- О чудских копях (Зап. Археол. Об-ва, т. IX, 1857 г.).

[Таб. III рис. 1 – р. Чая, 2 – р. Буна, 3 – р. Бокчар приток р. Чая, 5–7, 9–16 – г. Кулайка на р. Чая; 4 и 8 р. Васюган.

Таб. II рис 1 р. Васьюган, 2–р Бундюр; 3 р. Пар.бель 4, 6, 14, 16—18—г. Кулайка, 5 ложбина около г Кулайка, 7, 9, 13 р Нерса приток р Чая, 8, 10, 12 13— р. Чижапка; 11—р. Бокчар приток р. Чая.

П. Г. ИВАНОВ.

Татары среднего течения реки Чулыма.

(Краткий предварительный отчет о поездке летом 1928 года с этнографо-лингвистическим обследованием турецко-татарского населения среднего течения реки Чулыма.

Настоящая поездка была продолжением работ 1927 года.[1]) По данным государственной переписи 1926 года в средней части Томского округа оказались «караласы» в количестве 2709 душ обоего пола. Комитет содействия туземцам севера при ВЦИК'е был заинтересован этим явлением и в 1927 году отпустил средства на этнографо-лингвистическое обследование «томских караласов» на предмет выявления принадлежности их к действительным караласам. Обследование констатировало отсутствие в Томском округе караласов. Томский Краевой Музей, имея сведения об употреблении наименования «караласы» среди населения реки Чулыма, наметил ряд этнографо-экономических и лингвистических обследований турецко-татарского населения реки Чулыма. Летом 1928 года было проведено обследование турецко-татарского населения среднего течения реки Чулыма.

Обследованию подверглось население юрт: Бихтулиных, Уйдановых (Курган), Куяновых, Колмаковских — Зырянского района; деревень Ежей, Бурбиной, Сергеевой, Балагачевой — Зачулымского района и д. Тургай — Ново-Кусковского района. Все эти селения расположены в Томском округе.

Обследованное нами население известно под названием чулымских татар, входящих в состав трех инородных управ: 1) Больше-Аргунской — юрты: Колмаковские, Уйдановы и д. Ежи; 2) Кизильдеевской (второй половины) — юрты Бихтулины и 3) Больше-Карталинской — д. Тургай.[2]).

Чулымские татары издавна жили между Чулымом и Енисеем, располагаясь преимущественно по реке Чулыму и его притокам. Чулымцы, по мнению Н. Ядринцева, происходят от саянских и енисейских турков, будучи родственны кизильцам и качинцам[3]). Академик Радлов чулымцев подразделял на три рода 1) «Кэтсик» — к югу от Мариинска, 2) «Кюэрик» — к северу от Мариинска и 3) собственно чулымские татары. Язык всех трех родов один и тот же; он носит влияние наречий телеутского и барабинского[3]) и сохранил в себе формы, не встречающиеся в других турецких наречиях. В 1909 году среди чулымцев путешествовал профессор С. Е. Малов.[4]) В дополнениях к классификации турецких языков

---

[1]) См. П. Г. Иванов. Томские татары. Труды общества Изучения Томского Края. Вып. 1. Томск 1927 г.

[2]) Сравн. Ядринцев. „Сибирские инородцы, их быт и современное положение" стр. 48.

[3]) Ядринцев. „Сибирские инородцы, их быт и современное положение" СПБ 1891. стр. 43-44.

[4]) Отчет С. Е. Малова в Известиях Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 9, 1909 г., стр. 35. Отчета у нас не имелось. Мы пользовались личным письмом проф. Малова от 4 апр 1928 г. (из Ленинграда).

профессора А. Н. Самойловича[1]) чулымское наречие, по совокупности принятых им признаков, относится к группе «й» — диалектов. Проф. Самойлович включает чулымское наречие в юго-восточную группу своей классификации, называемой им еще (по основному ее языку) «чагатайской», разбивая ее на две подгруппы: 1) собственно «чагатайская» подгруппа и 2) чулымское, абинское и черневое наречие.[2]) Дальнейшее изучение мало исследованных наречий — чулымского, абинского и черневого даст возможность уточнить юго-восточную группу классификации проф. Самойловича. Он (проф Самойлович) допускает в дальнейшем распадение юго-восточной (чагатайской) группы на две самостоятельных группы,[3]) в одной из которых основным наречием будет чулымское.[4])

В половине прошлого столетия по реке Чулыму татар (чулымских,)платящих подушный налог, насчитывалось 2549[5]) душ мужского пола Они составляли 14 волостей[6]). По типу чулымские татары подходили к монголам и калмыкам[7]). По Георги[8]) „с виду чулымцы походят и на татар, и на монголов, а особливо уподобляются бурятам". По Ядринцеву чулымцы сохранают монголообразную помесь и похожи на лесных алтайцев.

В настоящее время обследованное нами население по языку и роду занятий распадается на две категории.

К первой категории относится население юрт,—Бихтулиных, Уйдановых, Куяновых Колмаковских и деревень--Ново-Троицкой и Сергеевой. .Это население совершенно обрусело Жители забыли свой родной язык и говорят по-русски В перечисленных поселках мы нашли только пять семей, главы которых не забыли еще родного языка Две семьи живут в Колмаках и три—в Бихтулиной. В нашем присутствии они категорически отказались говорить и петь народном языке- Все же остальное население по языку и укладу жизни ни чем не отличается от русских. Основным занятием их является сельское хозяйство. Они сеют рожь, пшеницу и другие злаки В огородах садятся овощи. Охотой почти не занимаются. Население кооперировано. В некоторых деревнях имеются школы (Сергеево, Ново-Троицкое, Уйданов Курган).

---

[1]) А Самойлович Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Петроградский Институт живых Восточных языков. Петроград, 1922 г.

[2]) Ibidem.

[3]) В настоящем предварительном отчете мы не говорим о фонетических и морфологических особенностях чулымского наречия в силу недостаточности собранного нами языкового материала К тому же и технически выполнить в Томске это было бы невозможно. Фонетические и морфологические особенности чулымского наречия могут быть даны после обследования турецко татарского населения нижнего и верхнего течений реки Чулыма В низовьях Чулыма (на севере Томского округа) помимо языковых особенностей нам интересно проследить границы расселения остяков, отуреченных остяков и действительных турков. В верховьях Чулыма нас привлекают мелецкие татары.

[4]) В статье Кострова „Чулымские инородцы", помещенной в Томских Губернских Ведомостях за 1867 г., № 7 чулымцев в Томской губернии считалось 897 рабочих душ.

[5]) Ядринцев. „Сибирские инородцы, их быт и современное положение". С П Б., стр. 41.

[6]) Ibidem.

[7]) Описание народов. Стр. 143.

[8]) Цит. сочинение. Стр. 46.

Ко второй категории относится население, сохранившее свой родной язык и занимающееся охотой и рыбной ловлей. Оно живет в деревнях Ежи и Тургай. В Ежах числится 16 семейств. На родном языке говорят только отцы, иногда матери и редко сыновья. В Тургае говорящих на родном языке 25 семейств. Все члены этих семей, не исключая и двухлетних детей, говорят на родном языке.

Усадьбы чулымских татар расположены среди русского населения. Небольшие дома. Бедный двор, обнесенный изгородью. Во дворе одна—две стайки, крытые соломой, отделенные от двора жердями. Внутри стаек имеются отделения для овец, коров, коней. За стайками тянутся длинные огороды. Погребов и амбаров не имеется.

Татары живут в небольших деревянных домах с низкими окнами и плоской крышей. Внутри дома две половины, отделенные тонкой переборкой. В первой половине на деревянном фундаменте помещается глинобитная печь. Под печью устроен курятник. В противоположной от печи стороне в стены вбиты гвозди, на которых развешивается одежда. Вторая половина дома представляет небольшую комнату. В ней голые стены, низкий потолок, два—три, иногда четыре окна. В переднем углу висят закопченые, пыльные иконы. У одной из стен имеются одна—две полки для посуды. Возле печи высокая скамейка. На ней постоянно стоит самовар.

Обитатели дома (часто больные) имеют хмурый вид. Они среднего роста с узкими глазами и выдающимися скулами. Цвет лица имеют смуглый. Одежда их почти ничем не отличается от одежды русских: косоворотка—рубашка, шаровары, «пониток». Летом носят шапки.

Основным занятием татар среднего течения реки Чулыма является охота в тайге. Осенью и весной взрослое мужское население уходит в тайгу на промысел. В тайге они живут около двух месяцев. Бьют белку, крота, колонка, лисицу, зайца, россамаху, бурундука. Зимой бьют оленей, сохатых. В сезон одним человеком убивается до сотни белок, до десятка колонков, около пятидесяти бурундуков, до полсотни зайцев и кротов. Лисицу и россамаху убивают редко. В общей сложности от охоты на хозяйство в среднем в зиму падает дохода от 150 до 200 рублей. Кроме охоты занимаются рыбной ловлей.

Для ловли рыбы употребляются сети, морды, тюнек, самоловы и др. Ловятся чебаки, ельцы, караси, лини, стерлядь. Из мелкой рыбы готовится «урак». Хлебопашеством почти не занимаются. В среднем хозяйством сеется 3—5 фунтов просо, около куля картофеля, пуда два овса, четверть десятины (не более полудесятины) ржи. В огороде садится картофель, капуста, редька и другие овощи. Все это выращивается в таком малом количестве, что своих продуктов у них не хватает на первую половину зимы. Скота также разводится мало. В летнее время вместе с русскими чулымцы работают по сплаву леса. От районного села Зырянского по реке Чулыму до устья его сплавляют дрова, шпалы. Зимой ведут работы в местных лесничествах по заготовке леса к местам сплава. Заработок в месяц на одного человека от сплава леса выражается в сумме от 40 до 100 рублей. В среднем на отдельное хозяйство по всем статьям

дохода падает заработка от четырехсот до пятисот рублей в год. По отдельным промыслам эта сумма распадается следующим образом. От продажи пушнины — около двухсот рублей; от рыбы около — 60—70 рублей; от ягод — до 30 рублей; от работ по заготовкам и сплаву леса — около 100—150 рублей. Пушнина сдается в учреждения Госторга и охотсоюза. Госторг допускает кредитование: в летнее время дает под пушнину деньги и товары.

Татары среднего течения Чулыма не имеют своей письменности. Грамотных среди них незначительное количество. Школ не имеется не только для них на их родном языке но и на русском языке. Необходимо ставить вопрос о школе-интернате. Дело в том, что все они раскиданы маленькими группами по русским деревням, часто в разных районах и на большом расстоянии друг от друга. Кроме того, дети совершенно не имеют одежды и обуви для хождения в русскую школу, отстоящую от них в трех—пяти (иногда и более) километрах. И только школа-интернат может дать возможность культурного влияния на татарское население Чулыма, а преподавание на родном языке уничтожит пути к окончательному вырождению национальности.

В качестве приложения к настоящей работе мы прибавим сказку, «Два брата-богатыря», записанную нами в с. Кежах, Зачулымского района со слов С. П. Мижакова.

ДВА БРАТА-БОГАТЫРЯ.

Были два брата-богатыря. У них была одна сестра. Соседи приехали к ним с войной. Сестра напоила вином богатырей до бесчувствия. Соседи выкопали глубокую яму и пьяных богатырей спустили в яму. Туда же бросили половину лошадиной туши и обрезок дерева. Протрезвившиеся богатыри сделали из дерева балалайку и из конского волоса натянули струны. В яме богатыри стали очень хорошо играть на балалайке. В это время шла старуха. Она услыхала очень хорошую игру на балалайке и пошла яму. Богатыри увидели старуху и просили ее их вытащить. Она вытащила их из ямы, и богатыри поехали. Едут они, видят, старуха на одной гриве с козой бегает. Богатыри спросили: «чего бабушка делаешь?» — Я с козой бегаю, коза меня догнать не может». Богатыри позвали старуху ехать с собой. Она поехала с ними.

Едут и видят — стоит другая старуха и спит. Она проснулась и говорит: «Ох, дитятки, вы приехали! Три недели назад видела я во сне, что вы должны ко мне приехать». «Бабушка, поедем с нами» — говорят богатыри. «Поедемте» — отвечает она. По дороге они увидели старика, который из озера воду пьет до суха и выливает в другое озеро. Богатыри подъезжают и спрашивают: «что ты, дедушка делаешь?» — «Из одного озера воду выпиваю и в другое выливаю» — «Поедем дедушка с нами» — «Поедемте» — отвечает. Поехали.

Подъезжают они к городу. В город не въехали, а остановились пред городом и, разложившись, разожгли огонь. Царь из города заметил огонь и людей и захотел узнать, что за люди остановились

возле города. Царь посылает человека узнать, что они, за люди. На вопрос посланника «что вы за люди?», богатыри ответили: «мы приехали бегать с вами в бег». Царь ответил: «можно сбегать» и приводит старуху, умеющую быстро бегать. Она пришла и сказала: «ребята, сбегаем». Бегать решили через семь полей. Богатыри бегать послали свою старуху. Богатырская старуха через три поля пробежала и оглянулась назад. Царскую старуху было едва видно. Богатырская старуха легла отдохнуть и заснула. Подбегает царская старуха и видит богатырскую старуху спящей. Ее сонную запачкала и побежала дальше. Богатырская старуха проснулась и видит себя грязной. Она встала, отряхнулась и смотрит вперед, и вдаль едва заметна царская старуха. Богатырская старуха снова побежала, догнала царскую старуху и скрылась у нее из виду. Царю стыдно стало. Он сказал: «я думал никто не перегонит мою старуху». Царь ушел от них и подумал: «не сваты ли мои приехали?» Царь приказал выкопать возле крыльца глубокую яму и велел застлать эту яму шелковой материей. Когда яма была выкопана и застлана шелком, царь приглашает богатырей в гости. У царя была цель, чтобы богатыри пошли по шелку и провалились бы в яму.

Другая, богатырская старуха спала. Проснувшись, она говорит своим богатырям: «ребята, я видела сон. Я вам его расскажу, и вы не забудьте мой сон. Царь придет вас приглашать в гости. У крыльца его дворца выкопана яма. Эта яма приготовлена для вас. Сверху она застлана шелком. Царь будет вас приглашать пойти по этому шелку. Вы по шелку не ходите, а отвечайте ему так: — «мы — простой народ и поэтому по шелку не ходим, по шелку цари ходят. Царь вас угостит и вы, вернетесь сюда к огню».

Действительно, через некоторое время царь приходит за ними и говорит: «вы, наверное, будете мои сваты? — Пойдемте ко мне в гости!» Ботыри согласились. Они приходят в город, подходят к дому царя и видят по дороге лежит шелк. Царь приглашает их пойти по шелку. Они отвечают: «мы — простой народ, по шелку не ходим, по шелку цари ходят. Мы же шелк обойдем.»

Богатыри вернулись к огню. Старуха опять им говорит: «Сон я видела. Царь собирается огнем вас сжечь». Богатыри обратились к дедушке и говорят: «дедушка, иди набери из моря воды и залей царский огонь». Дедушка пошел к морю, набрал воды и пришел обратно к огню. Богатыри видят идет царский огонь к ним. Им стало очень жарко. Богатыри сказали: «дедушка, пусти воду из себя». Дедушка выпустил из себя воду и залил царский огонь. Город поплыл и народ поплыл. Богатыри видят, их сестра зацепилась за лесину и плывет на лесине. Богатыри поймали свою сестру. Сестра стала у братев просить прощения, обещая им до смерти не быть против них. «Нет тебе никакого прощения» — говорят братья-богатыри. Они поймали двух лошадей. Привязали сестру одной ногой к первой лошади и другой ногой ко второй лошади и пустили лошадей. Сестру богатырей разорвало.

М. Б. ШАТИЛОВ

Обзор деятельности Томского Краевого Музея.

(1927—1928 г.г.).

Настоящий обзор деятельности Томского Краевого Музея является продолжением краткого исторического очерка и обзора Музея за предшествующие годы — 1922-26 г.г.*).

Прежде всего необходимо отметить, что Томский Краевой Музей, имея сферой своего влияния и своих научных интересов «Томский край», т. е. всю систему реки Томи и район среднего течения реки Оби с ее притоками в пределах Томского округа, является на данной территории единственным научно-исследовательским учреждением музейного краеведческого типа.

К настоящему времени Музей имеет следующие отделы и под'отделы:

1) Отдел сельского хозяйства и промышленности с двумя под'отделами: а) сель.-хоз., б) промышленный; 2) естественно-исторический отдел — под'отделы: а) ботанический, б) зоологический, в) геологический, г) минералогический, д) палеонтологический; 3) культурно-исторический отдел — под'отделы: а) археологический, б) исторический, в) этнографический, г) восточный; 4) художественный отдел; 5) библиотека и историческое книгохранилище. Осенью 1928 года положено начало питомнику акклиматизации плодовых, технических, лекарственных и других полезных растений.

По указанным отделам на 1 января 1929 года всего числится: 1) по отделу сельского хозяйства и промышленности — 1362 предмета; 2) естественно-исторический отдел — 5070 предметов. 3) культурно-исторический — 5908 предметов; 4) художественный 465 предметов, а всего 16430 предметов; по библиотеке и историческому книгохранилищу 7114 книг, а всего по Музею 23544 предмета.

За истекшее время Музей работал в составе трех научных и двух технических сотрудников. Работа по отделам Музея распределялась следующим образом: зав. Музеем и культурно-историческим отделом — Шатилов Мих. Бонифат.; зав. обществ. экономическим отделом до 1 сентября 1928 г. — Дронов Петр Трофим.; зав. естеств.-историческим отделом до 30 мая 1928 года — Иогансен Ганс Христианович и с 10 октября 1928 года — Виноградова Александра Николаевна; зав. сельско-хоз. под'отделом — Иванишкий Николай Александрович. По художественному отделу с ноября 1928 года работает художник Лукин Вильгельм Иванович (внештатный сотр.).

Работа Музея ведется силами, как указанных выше сотрудников, так и силами сотрудников-любителей, из которых некоторые числятся постоянными сверхштатными научными сотрудниками Музея или сотрудниками практикантами. Так по и/о археологии необходимо отметить работу Мяцкова П. М. (внештатный сотрудник Музея) и

*) Шатилов М. „Исторический очерк и обзор Томского Краевого Музея". „Труды Томского Краевого Музея" т. I—1927 г.

сотрудницы - практиканты И. П. Мягковой. По «Старому Томску» работает А. М. Прибыткова, по этнографии — П. Г. Иванов. По организации истор.-революц. отд. — В. П. Юхневич. Работает целый ряд добровольных сотрудников по отделу естественно-историческому, среди которых необходимо отметить систематическую работу Л. П. Сергиевской, И. Г. Лаврентьева, Л. В. Чашихиной, В. П. Скалона и за последнее время по геологии - Сасим П. Н., Поляковой М. Н. и др.

Особо должно отметить систематические работы ученого почвоведа Ильина Ростислава Сергеевича по созданию п/о почвоведения и по обработке его материалов.

Совет Музея за это время работал в составе следующих лиц: председатель Совета Шатилов М. Б., члены: проф. Н. А. Александров (от общества изучения художественного творчества), Дронов (до 1 сентября 1928 г.), Иогансен Г. Хр., Виноградова А. Н. (с 10 октября 1928 г.), Иваницкий Н. А. (с июня 1928 г.), Слободский М. А. (от Общества Изучения Томского Края), Тернер М. Я. (от Комитета Содействия Музею), Юхневич Б. П. и Митропольская Э. Ф. (с 10 ноября 1928 г.), Лукин В. И. (с 20 ноября 1928 г.).

Совет за два года имел 26 заседаний, где разрешались различные вопросы — адм.-хоз., общественные, организационные, научные и культурно-просветительные. Кроме того Совет имел совместные заседания с Окружным Комитетом по делам музеев (при ОкрОНО).

Среди многих вопросов проработанных Советом позволим остановиться на некоторых: Советом проработаны вопросы об организации и плане всех полевых научно-исследовательских работ и затем заслушаны отчеты об этих работах, производственные планы и сметы Музея. Совет прорабатывает вопрос о двух выставках, организует сельско-хоз. п/о, изыскивает средства на издание сборника Музея и проводит все издательство.

Кроме того Советом проводится за то же время 17 публичных научных заседаний о чем подробно говорится ниже.

Деятельность Музея за истекшие два года в общих чертах можно свести к следующим основным моментам: 1) организационная работа, 2) пополнение Музея, 3) обработка экспонатов и их экспозиция, 4) обработка экспедиционных материалов, 5) научные заседания, 6) научно-популяризационная работа, 7) выставочная, 8) охрана памятников искусства и старины, 9) издательство, 10) научно-исследовательская работа.

Организационная деятельность помимо текущей работы по Музею выразилась в создании и открытии сельско-хозяйственного под'отдела, а также в создании при Музее кружка по изучению историко-революционного движения Томского края, который в свою очередь приступил к подготовительным работам по организации историко-революционного отдела Музея.

Осенью 1928 года положено основание для создания специального под'отдела почвоведения, где, благодаря работам ученого почвоведа Р. С. Ильина, имеется 86 монолитов и около 640 почвенных образцов. Предстоящие работы Р. С. Ильина летом 1929 года по обследованию почв Томского Края, обещают большое пополнение этого под'отдела ценными материалами по почвоведению.

Пополнение Музея за истекшие два года помимо разнообразных частичных поступлений велось в определенном плановом порядке по линии производимых Музеем научно-исследовательских летних работ на местах и шло, главным, образом в направлении отражения есте-

стренно-производительных сил Края, как например, пушные промыслы, кустарные промыслы, почвы и т. д., а также в отношении донстории Томского Края — по археологии и, наконец, быта русского населения и охраны памятников искусства и старины.

Пополнение Музея в общем за это время выразилось по отделам в следующем: а) отдел сельского хозяйства и промышленности 558 предметов; б) естественно-исторический отдел — 1219 предметов; в) культурно-исторический — 1947 предметов, г) художественный — 26 предметов, а всего 3750 предметов и по библиотеке и книгохранилищу — 492 книги, а всего по Музею 4242 поступления.

Среди этих поступлений заслуживают особого внимания следующие материалы: 1) Коллекция по орнитологии Нарымского Края в результате экспедиции зав. естеств. историч. отделом Музея Г. Х. Иогансена по обследованию рыболовных промыслов по Оби и ее притокам Кети, Чае и Васюгану. 2) Материалы по почвоведению Томского Края в результате вышеотмеченных работ Р. С. Ильина. Материалы поступили от Сибирского Переселенческого Управления, Томской Колонизации и Земуправления. 3) Материалы средне-обской бронзовой культуры — сборы Л. П. Зинченко. 4) Материалы по архитектурной старине гор. Томска — более 200 фотографических снимков, планов, зарисовок. Обследование производилось по поручению Музея группой лиц — сотруд. Музея П. М. Мягковым и архитекторами А. М Прибытковой и Е. С. Балакшиной. 5) Коллекция по Сибирскому плодоводству и новым культурам П. А. Ивницкого. 6) Материалы по русской этнографии и крестьянскому декоративному искусству сборы М. Шатилова при этнографическом обследовании русского старожильского населения Причулымского Края и района реки Шегарки. 7) Материалы по археологии Нарымского Края, в результате археологических раскопок П. М. Мягкова. 1928 г. 8) Документальные, фотографические и другие материалы, характеризующие культурную и общественную деятельность известного сибирского общественного деятеля П. И. Макушина.

По мере пополнения Музея происходила обработка поступающих коллекций, а также и ранее бывших сырых материалов и их экспозиция. За истекшее время особо успешным темпом велась научная обработка материалов по ботанике, энтомологии и зоологии. Научно-техническая работа заключалась в текущей инвентаризации материалов Музея, карточной каталогизации библиотеки и выделении из этой последней материалов по историческому книгохранилищу и, наконец, в составлении по отделу археологии, помимо общей музейной инвентаризации, более подробного описания коллекций.

Наряду с этим сотрудниками велась и кабинетная музейная работа, которая заключалась помимо отмеченной уже выше обработки коллекций, *еще в обработке материалов* этих *полевых исследований* и подготовке их к печати как например: подготовлена работа по обследованию рыбных промыслов Нарымского Края, по этнографии — лингвистическое обследование Томских и Чулымских татар, по обследованию архитектурных памятников гор. Томска, закончена обработка материалов Ваховской экспедиции, обработаны материалы археологических раскопок 1928 года и некоторые другие.

В связи с этими и другими исследовательскими работами необходимо отметить публичные научные заседания Совета Музея, на которых заслушаны доклады, а именно: 1) Шатилов М. Б. «О работах Ваховской экспедиции по обследованию остяков» (этнографиче-

ский очерк). 2) Бурдуков А. В. «Поездка по Монголии и Танну-Тува» летом 1926 г. 3) Наумова-Широких В. Н. — «Русская свадьба в окрестностях г. Томска». 4) Проф. Александров Н. А. — «Музыка Аэпи». 5) Шатилов М. Б. — «Хозяйство Ваховских остяков». 6) Березовский А. Н. — «Научно-промысловая экспедиция Сиб. ихтиологической станции по обследованию бассейна р. Оби в 1927 г.». 7) Мягков П. М. — «Декабрист Г. С. Батеньков и его постройки в Сибири». 8) Шатилов М. Б. — «Географический очерк Ваховского района» (по материалам Ваховской экспедиции 1926 г.). 9) Мягков П. М. — «Искусство сибирских туземцев в свете современного искусствознания». 10) Иванов Н. Г. — «Этнографо-лингвистическое обследование Томских татар». 11) Шатилов М. Б. — «Ваховские остяки - историч.-этнограф. и стат. очерк». 12) Проф. Пономарев Н. Ф. — «Художественное значение керамики». 13) Скалон В. Н. — «Краткий отчет о зимней Газовской экспедиции 1927-28 г.». 14) Иванов Н. Г. «Этнографо-лингвистическое обследование чулымских татар». 15) Прибыткова А. М. — «Памятники архитектурной старины г. Томска». 16) Шатилов М. Б. — «Родовые и семейные отношения; управление, суд и обычное право ваховских остяков». 17) Слободский М. А. — «Итоги и задачи этнографического изучения Томского Края».

Всего таким образом за истекшее время состоялось 17 открытых научных заседаний. Кроме того Музей принимал неоднократное участие в совместных с другими научно-общественными организациями заседаниях, как, например: «Вечер памяти писателя-народника Н. Н. Наумова 25-летие со дня смерти (заседание совместное с Секцией научных работников и Общ. Изучения Томского Края). На заседании были заслушаны доклады: 1) «Жизнь и деятельность Н. Н. Наумова» — Н. Д. Серебренников. 2) «Н. Н. Наумов - бытописатель Сибири» — проф. В. Н. Шумилов. 3) «Отрывки из произведений Наумова» — проф. Н. Я. Соколов.

Наряду с научно-исследовательской работой Музеем велась все время и значительная научно-популяризационная работа, которая выразилась в открытии Музея для массовых обозрений, а также в устройстве популярных лекций и летних массовых пригородных экскурсий.

Всего за два года Музей посетило 354 экскурсии в количестве 10898 челов. и отдельных посетителей 20547 человек, и всего 31445 человек. При проведении экскурсий сотрудниками Музея велись пространные об'яснения и целые беседы-лекции в связи с обозреваемыми материалами. Среди экскурсий можно отметить экскурсии из отдаленных местностей — из Ачинского, Щегловского, Новосибирского округов, из Сургутского Края и особенно из рабочих каменноугольных районов.

Не останавливаясь на популярных лекциях, как общепринятой форме культурно-просветительной работы, необходимо отметить проведение сотрудниками летних массовых пригородных экскурсий по профсоюзам, которых было проведено 10 экскурсий с общим количеством участников около 1600 человек. Это одна из интересных форм культурно-просветительной работы, при которой проявляется в наибольшей степени самодеятельность экскурсантов. Принимал также Музей участие и в деятельности местного бюро по организации отдаленных экскурсий.

При массовом обозрении Музея посетителями и при проведении массовых пригородных экскурсий, а также участвуя в организации

отдаленных экскурсий. Музей ведет большую научно-популяризационную работу, обслуживая самые широкие круги трудящихся.

В связи с вышеуказанными формами культурно-просветительной деятельности необходимо отметить также и устройство Музеем выставок. Выставочная деятельность вообще занимает видное место в жизни Музея в первые годы его существования, когда на протяжении пяти лет было проведено всего 12 выставок, в том числе 9 художественных, 1 археологическая, 1 этнографическая, 1 по архитектурной старине [1]).

За истекшие два года Музеем были проведены следующие выставки.

В апреле месяце 1927 года Музеем была устроена большая «выставка предметов буддийского искусства».

Выставка по богатству экспонатов и их научной ценности являлась несомненно большим культурным событием не только в жизни Томска, но и, можно смело сказать, для Сибири вообще. Благодаря большой подготовительной работе Музея всего было собрано в г. Томске и из других городов более 500 предметов, и из которых около 110 произведений живописи, остальные — бронза, фарфор и дерево. Здесь мы позволим ограничиться некоторыми выдержками из отзывов местной прессы: «Выставка содержит более 500 экспонатов старинной и новой живописи на парче, шелку, бумаге, тканях, скульптуры и других предметов искусства Китая, Японии, Тибета и Монголии, и является исключительной по содержанию. Присланы прекрасные подлинники из других городов. Среди предметов — выдающиеся образцы искусства. Есть скульптура, относящаяся к эпохе за 1200 лет до наших дней и живопись, древностью около 400 лет. Подобная выставка могла организоваться только в результате энергичной деятельности Томского Краевого Музея, завоевавшего большое доверие и уважение со стороны научных и общественных кругов других городов.

Настоящая выставка является необычайной в наших условиях, поэтому оценка ее художественной стороны должна быть произведена крупным специалистом. Мы остановимся, главным образом, на содержании самой выставки. Выставка занимает 3 зала Музея. В первой комнате сосредоточена живопись, преимущественно Монголии и Тибета и немного Китая. Все картины религиозного содержания, изображающие будд и богов доктрин. Большая часть произведений — старинная живопись, характеризующаяся подчинением красок общей композиции. Меньшая часть произведений — новая живопись, отличающаяся яркостью цветов и неожиданными контрастами. Следует отметить старинный образ на красновато-золотистой парче прекрасной работы, изображение доктрин на желтой парче и очень редкий священный сосуд из человеческого черепа. Во второй комнате, среди мебели китайской работы, выставлены редкие произведения старинной живописи. Здесь же стоят 3 вазы 15-го века и две деревянные скульптуры китайской работы 18-го века. В третьей комнате сосредоточена скульптура».

Об этой выставке имелись заметки в центральных газетах и Музеем были получены запросы от ряда крупных ученых специалистов о высылке фотографий с нее. Выставка устроена по инициативе

---

[1]) М. Шатилов „Историч. очерк и обзор Томского Краевого Музея"—„Труды Томского Краевого Музея"—т. I. 1927 г.
А. Тихомиров „Искусство в Сибири" Журнал „Сев. Азия", 1926 г. кн. 5—6.

И. М. Мягкова в связи с работой ряда лиц по восточному отделу Музея, имеющему около 400 предметов по искусству Китая и Японии.

К десятилетию Октябрьской Революции Музеем совместно с Истпартом проведена большая Историко-Революционная выставка, привлекшая внимание самых широких масс трудящихся. Выставка продолжалась 15 дней и имела до 6000 человек посетителей. В то же время Музей принимал некоторое участие в организации большой выставки по народному хозяйству Томского Края.

Особо должно отметить также и работы Музея по охране памятников искусства и старины. Работа в этом направлении велась Томским Музеем с первых дней его существования и преемственно перешла к нему от секции охраны памятников искусства и старины и первое время эта работа имела даже доминирующее значение, определяющее общее направление деятельности Музея[1]). В летний период 1927 года Музеем проведено обследование памятников архитектурной старины гор. Томска и его окрестностей. Работу эту исполняли сотрудники Музея И. М. Мягков и архитектора А. М. Прибытков и Е. С. Балакшина. При обследовании произведены фотографические снимки, зарисовки, сняты планы — всего — 218. Материалы по обследованию подвергнуты обработке, приготовлены к изданию и частью печатаются в сборнике Музея.

Далее на основании материалов этого обследования Музеем разрабатывается вопрос о государственной охране наиболее важных архитектурных памятников г. Томска. Всего в Музее с материалами последнего обследования имеется более 40 фотографий и художественных зарисовок по архитектурной старине г. Томска и около 500 художественных зарисовок и фотографий по крестьянской архитектуре Западной Сибири. Среди этого последнего материала первое место занимают работы Н. П. Молотилова.

Все эти материалы представляют определенную художественно-историческую и научную ценность и, несомненно, нуждаются в опубликовании.

Кроме того Музеем обследованы (внешне) и описаны археологические памятники окрестностей гор. Томска и составляется археологический каталог, о чем будет подробно отмечено ниже.

Видное место в деятельности Музея занимает также издательство. Не смотря на чрезвычайно стеснительные материальные условия, Музей все же, имея некоторые специальные средства, пожертвования и помощь авторов, приступил к издательству трудов Музея.

В мае месяце 1927 года Музеем выпущен сборник «Труды Томского Краевого Музея» т. I. с 3 рисунками и картой. Сборник заключает в себе 14 статей, об'емом 216 страниц.

Кроме того Музеем изданы отдельными оттисками следующие работы: а) Шатилов М. — «Исторический очерк и обзор Томского Краевого Музея»; б) Н. Бакай — «Сибирь и декабрист Г. С. Батеньков»; в) М. Бородкина — «Деревня Иткара, Томского Края»; г) Шатилов М. — «Остяко-самоеды и тунгусы Причарымского района»; д) Проф. В. В. Ревердатто — «О происхождении растительности Бийской степи».

С октября 1928 года Музеем приступлено к изданию II тома сборника «Труды Томского Краевого Музея», а также возбужден вопрос пред центральными и сибирскими учреждениями о субсидии на издание книги «Ваховские остяки» (Этнографические очерки) Шатилов М.

[1]) В. Ф. Смолин „Охрана пам. иск. и стар. в Сиб.„ — Каз. Муз. Вестн.- № 7—8— 1920 г.

(По материалам Ваховской Экспедиции 1926 года). Кроме того Музеем ставится вопрос об издании популярных музейно-краеведческих брошюр в целях вовлечения в краеведческие интересы местных работников по Томскому Краю. Как видно из этого, Музеем придается большое значение изданию музейных материалов, так как издание трудов является действительно завершением, последним моментом научно-исследовательской деятельности с одной стороны и средством вовлечения в краеведческую работу более широких кругов, с другой.

Обращаемся, наконец, к полевым научно-исследовательским работам Музея.

Всего за два года Музеем проведено девять полевых исследований, которые велись частью на средства заинтересованных ведомств, а главным образом на субсидии Общества Изучения Сибири.

Летом 1927 года Музеем проведены следующие работы:

I. По естественно-историческому отделу Музея произведено несколько экскурсий в окрестностях Томска (на разрез правого берега Томи от водопроводной станции до Басандайки, на реку Ушайку и на Большую и Малую Киргизку). Собраны геологический и зоологический материалы.

2. По заданию и на средства Окрисполкома совместно с Музеем проведена под руководством Зав. ест.-историч. отделом Музея І. Х. Иогансена с участием студента IV курса В. Н. Скалона экспедиция в Нарымский Край (Колпашевский, Нарымский и Каргасокский РИКи) по Оби и притокам Кеть, Чая и Васюган. а) Обследовано около 600 рыболовных угодий, из них 160 промысловых, главным образом на Оби, и 450 закрытых (озера, речки и т. д.). Собран материал по системе пользования угодьями, по рыболовным артелям и по биологии, особенно нереста рыб Оби. Собраны образцы рыболовных орудий. б) Произведено анкетное и опросное обследование состояния охотпушных промыслов. Особое внимание обращено на местные охоттоварищества. Собраны сведения по биологии главнейших промысловых зверей. Приобретены различные орудия охотпромысла. в) Произведены зоологические сборы, главным образом рыб, птиц и их желудков. Собрано около 100 шкурок птиц, среди них есть вид до сих пор неизвестный для Нарымского Края (колючехвостый стриж). Произведены биологические наблюдения, особенно над пролетом куликов и водоплавающих птиц.

II. По этнографическому отделу Музея. 1. Сотрудником тюркологом П. Г. Ивановым произведено этнографо-лингвистическое обследование томских татар, известных по данным государственной переписи 1920 года под именем «карагассов». Обследованию подвергнуто более 10 населенных пунктов Томского округа. Обследование производилось лингвистическим путем с целью определения этнической принадлежности томских «карагассов». В обследованных юртах были найдены 22 слова татарского происхождения. Эти слова были собраны от разных лиц, которые сами не говорили этим языком, а только слышали, как говорили их отцы. Первоначальная чистота этих слов могла быть утрачена вследствие посторонних влияний. Данные обследования показали, что, так называемые «карагассы» в Томском округе — это смешавшиеся с русским населением остатки томских татар (эушгинцев, телеутов, татар чатских и чулымских). Они совершенно обрусели, забыли свой родной язык.

2. Кроме этого по этнографическому отделу велись этнографические обследования и сборы М. Б. Шатиловым среди русского старожи-

лого населения Зачулымья — правый приток реки Чулыма в районе с.с. Пыпкино-Троицкое, Торбеево и смежных. В результате работы (месячной) имеется до 700 записей по фольклору русских старожил, а также собрано около 60 предметов для Музея. Записаны песни — обрядовые, величальные, хороводные, вечерошные, застольные, детские, частушки, заговоры, приметы и проч. Среди собранного материала имеются песни древнего бытования — примерно времени Московской Руси. Произведенные наблюдения дают основание, с одной стороны предполагать возможность бытования в данном районе былинного эпоса и на ряду с этим говорят о быстром вымирании среди молодежи старинной песни в наши дни — с другой стороны, а сборы материалов (экспонатов) для Музея указывают на почти полное исчезновение из крестьянского обихода предметов домашней утвари, одежды, рукоделий и пр. которые бы представляли некоторый этнографический интерес. Попутно с отмеченными работами собран некоторый материал по этнографии чулымских татар.

III. По отделу «Старый Томск» Музей продолжил работы, начатые художником-архитектором А. Л. Шиловским еще в 1921 году по обследованию памятников зодчества гор. Томска и его окрестностей. С этой целью Музей поручил обследование этих памятников комиссии в лице Н. М. Мягкова и архитекторов А. М. Прибытковой и Е. С. Балакшиной. Результаты произведенных работ кроме описания обследованных памятников выражаются в 218 зарисовках, фотографиях и планах, что значительно пополняет материалы по «Старому Томску», уже имеющиеся в Музее. Кроме того впервые подверглась обследованию старинная живопись (иконопись) церквей гор. Томска — настоящие работы выполняют — И. М. Мягков и художник Н. А. Корин. М. А. Прибытковой приступлено к работам над архивным материалом, относящимся к обследованным памятникам.

IV. Сотрудником Музея по Экономическому отделу П. Т. Дроновым было произведено статистико-экономическое обследование кустарно-ремесленной промышленности в Коларовском районе Томского округа.

Целью этого обследования явилось:

1) Приобретение образцов изделий кустарных промыслов, встречающихся в Коларовском районе. 2) Выяснение кустарных промыслов в районе. 3) Выяснение причин падения и условий, способствующих развитию тех или иных промыслов. 4) Выявление удельного веса кустарных промыслов в общей экономике района. На охваченной обследованием территории находятся 83 населенных пункта (не считая хуторов), в них 5285 дворов, 26319 человек жителей, среди них кустарей 1269 человек; 26 населенных пунктов Коларовского района обследованием не были затронуты.

Помимо обследования в результате поездки Музеем получены коллекции отдельных видов кустарных изделий.

Таким образом за этот летний сезон Музеем проведено всего пять исследовательских работ.

За 1928 год Музеем проведено четыре работы по обследованию местного Края: одна по археологии, две по этнографии и одна по географии Томского Края.

I. По отделу археологии сотрудником Музея Мягковым Н. М. проведены следующие работы:

1) Произведены археологические раскопки горы Кулайки, Чаинского района, около с. Подгорного.

Собрано: медные предметы, 2) фрагменты керамики и кости животных.

2. Совершена поездка на другое место находок древностей типа Кулайки в д. Бакчар в 27 килом. от с. Подгорного, где найдены мед. ные вещи при поднятии целины. Собрано: медные предметы типа Кулайки.

3) Осмотрено археологические памятники в районе села Нарыма (дер. Калинак, Черная, Луговая, Городище, юрты Тюхтеревы и др.) произведена пробная раскопка, но результаты показали наличие новых погребений исторической эпохи. Собраны: фрагменты керамики, костяки.

4) Осмотрена и произведена археологическая разведка неолитической стоянки около с. Ипитана Томского округа. Собрано: каменные наконечники стрел, молотки, грузила, топоры, литейная форма, тигль и т. п., поделки из камня, и значительное количество фрагментов керамики.

Новые данные показали, что настоящие стоянки относятся к концу каменного века и началу металлической эпохи — в этом отношении результат весьма ценен. Устанавливается генетическая последовательность в развитии культуры на территории Томского округа.

5) Осмотрены и произведены археологические разведки на горе «Шеломок» окрестности гор. Томска. Собрано: предметы из кости и меди, фрагменты керамики и значительное количество костей животных.

6) Произведена археологическая разведка курганов около с. Ипитана. Собраны предметы железной культуры и фрагменты керамики.

7) Кроме этого осмотрены следующие археологические памятники в целях описания их по поручению СибкрайОНО: 1) «Тоянов городок» около Томска; 2) курганы Чернильщиковых юрт: 3) курганы дер. Козулиной; 4) курганы около дер. Орловки; 5) городище в Чатской протоке; 6) курганы дер. Брагиной, 7) курганы Казанских юрт, 8) остатки неолитической стоянки около Самусикинского затона, 9) курганы дер. Басандайки, 10) Томский могильник и другие, а также составляется археологический каталог Томского округа на основании археологических данных; просмотрено около 800 книг (периодических изданий) выписано около 200 карточек. В результате работ всего получено: 1) 151 предмет из камня, бронзы, металла. 2) 106 поделок из камня, 3) около 1000 фрагментов керамики 4) кости животных, 5) костяки человека.

Результаты исследования обрабатываются: 1) написана статья И. М. Мягкова — «Древности Нарымского Края». 2) произведен химический анализ бронзы горы Кучайки — проф. А. Калишевым. 3) Произведено определение костей животных зав. зоологическим Музеем ТГУ В. Н. Ермолаевым. 4) Приступлено к обработке неолитической стоянки около с. Ипитана.

II. По отделу этнографии сотрудником Музея Шатиловым М. К. произведено этнографическое обследование русского старожилого населения района р. Шегарки (левого притока Оби) в пределах Томского округа.

Обследование имело своим заданием выявление некоторых моментов материальной и духовной культуры данного населения, сборы (записи материалов) по фольклору и крестьянскому декоративному искусству. Район обследования от с. Елгая. Вороновского района, в верхнем течении Шегарки при впадении в нее Бакчы и вниз по Ше-

гарке до с. Монастырского, Кривошеинского района. В район обследования входят: село Елгай, дер. Чернова, с. Терсалгай, с. Бобарыкино, д. Тызырачева и с. Монастырское.

В результате месячного обследования: 1) собран некоторый исторический и этнографический материал об Уртамском остроге (попутно) о первых засельниках края, о местной ссылке (польские повстанцы) свадебные обряды, гадание, обряды, связанные с некоторыми моментами хозяйственной жизни, материалы по народному календарю и, наконец, обработка льна и ,ткачество. 2) Записаны материалы по фольклору — песни обрядовые, величальные, застольные, причитания, хороводные, вечерошные, частушки, тюремные и др., а также заговоры, приметы, и некоторый материал по народному говору — всего произведено до 600 записей. 3) Собран для Музея материал по крестьянскому декоративному искусству: — «узорочье» — браное тканье, шитье, «пестрядь», крестьянская роспись и резьба по дереву на предметах домашнего обихода, набойная доска, как памятник набивного искусства.

Среди собранных материалов имеются, несомненно, ценные экземпляры.

Среди песенного материала, особенно обрядового, имеются прекрасные образцы как по форме, языку, так и ценные по содержанию, а также имеются песни очень древнего бытования — как например «Полоняночка» — по сюжету времени татарского ига. Среди декоративного материала имеется старинная и очень интересная резьба по дереву «прясилки». Предметы эти прекрасные образцы «выемчато-трехгранной» резьбы по поверхности; эта резьба вообще является, как известно, наиболее древней и одной из первейших ступеней русского народного декоративного творчества.

В результате полученного материала намечается возможность установить культурную связь обследованного района с коренными северо-русскими областями. Полученные материалы частично обработаны. Материалы по фольклору обрабатываются.

В заключение необходимо отметить быстрое вымирание среди молодежи старинной песни в наши дни в связи с медленной, но коренной ломкой всего бытового уклада деревни, при чем новый быт в свою очередь начинает отражаться в произведениях народного творчества — частушках. Подобное же быстрое исчезновение из крестьянского обихода должно отметить и в отношении своеобразных предметов домашней утвари, одежды, рукоделий и пр. Быстрая смена старых и нарождение новых форм быта, вместе с тем и смена форм и содержания народного творчества — все это обязывает к скорейшему и возможно широкому обследованию русского населения Томского Края.

III. Сотрудником П. Г. Ивановым произведено этнографо-лингвистическое обследование татар среднего течения реки Чулыма.

Обследованию подверглось туземное население юрт Бихтулиных, Уйдановых (курган), Куяновых, Калманских — Зырянского района и дер. Тургай, Ново-Кусковского района, Томского округа.

Обследованное население известно под именем чулымских татар. Последние издавна жили между Чулымом и Енисеем, располагаясь преимущественно по реке Чулыму и его притокам. Среди них в 1909 году путешествовал профессор С. Е. Малов. В дополнениях классификации турецких языков Чулымское наречие по совокупности принятых им признаков, относится к группе «й» — диалектов, включая его в юго-восточную группу своей классификации, называемой еще

«чагатайской». Проф. Самойлович разделяет эту группу на две подгруппы: 1) собственно чагатайская подгруппа и 2) чулымское, абинское и черневое наречие. Дальнейшее изучение мало исследованных наречий Чулымского, абинского и черневого даст возможность уточнить юго-восточную группу классификации проф. Самойловича. Последний (проф. Самойлович) допускает в дальнейшем распадение юго-восточной группы на две самостоятельных группы; в одной из которых основным наречием будет чулымское.

При обследовании получены некоторые этнографические материалы, данные для чулымско-татарского словаря, а также материалы по фольклору — записаны сказки.

Чулымские татары среднего течения Чулыма почти поголовно совершенно обрусели и в большинстве потеряли свой родной язык.

Поэтому данное обследование не позволяет, по имеющемуся лингвистическому материалу сделать какие-либо определенные, окончательные выводы и может лишь служить вводным материалом к обследованию населения нижнего течения Чулыма, а также населения выше Зыряновского района, что и намечается Музеем на предстоящий год.

Этническая природа, так называемых, чулымских татар до последнего времени, как известно, определяется несколько различно, почему и необходимы дальнейшие работы по лингвистическому обследованию этой группы тузмного населения.

IV. По естественно-историческому отделу сотрудником Музея Скалоном В. Н. произведены следующие работы:

Приняв по поручению Музея участие в зимней экспедиции Сибторга в район реки Таза в качестве ее научного сотрудника, он имел заданием физико-географическое обследование края.

Тяжелые условия, в которых он был поставлен администрацией экспедиции, не позволили ему выполнить его главную задачу — ведение маршрутной с'емки и крайне затруднили его работу.

Маршрут экспедиции. С. Ларьяк на Вахе — Среднее течение Колек-Егана (притока Ваха). — Верховья Агана (по так называемой дороге Аганских самоедов — верхнее течение Пура — Толька и Тяттелька, притоки Таза, озеро Алле-Эмтер (северный пункт маршрута.

Обратный путь. Через истоки р. Пура на вершину Сабуна (притока Ваха) и параллельно ему обратно в Ларьяк. Длина маршрута была 1200 верст, время выполнения 5. II — 7. IV — 28 г.

Общий характер местности: обширные болотистые пространства с многочисленными озерами. Лесные породы в виде «кора» — болотная, низкорослая сосна, — высокорослого в виде островов на болоте, полос по речкам и так называемых материков или хребтов — облесенных увалов.

Возвышенности. Колёк-ёганский «хребет» — водораздел р. Колёк-Егана и Агана: невысокий покрытый лесом увал, идущий почти меридионально. 2) «Пуровский хребет» — представляет повидимому, водораздел Ваха и Таза. На запад доходит до верховьев р. Пура и в нем последний берет свое начало. По расспросным данным этот «хребет» дает начало целому ряду рек — притокам Таза и Ваха.

Сбор геологических образцов имел случайный характер. 1) С р. Вах галька, в которой имеются обломки мелко-зернистого шпата, кусочки песчаника и некоторые роговики. 2) С реки Кыс (приток Ваха) мусконитовый гнейс, роговообманковый биотитовый гранит и некоторые другие. По данным доставивших их туземцев, образцы эти

взяты будто бы с основных выходов пород. Если бы указания эти соответствовали действительности, то нахождение выходов этих древних пород могло бы указывать на простирание в этих местах Енисейского кряжа и представляло бы значительный интерес. Наличие же возможности валунного их происхождения (ряд несомненных конечных морен представляют некоторые из зарегистрированных увалов), указывает лишь на следы оледенения, простиравшегося несколько южнее, чем это предполагалось. В обследовании рек обращает внимание установление факта, что Пур, Колёк-Еган и Сабун (последние два притока Ваха), а также Толька и Тяттелька (притоки Таза), берут начало в одном узле, вышеуказанном «Пуровском хребте», крайнем западном его окончании.

Озер зарегистрировано большое количество. Самое крупное Алла-Эмтер («Большое озеро») Тазовских остяков, лежащее к западу от среднего течения р. Тольки, в которую оно имеет истоки.

Не смотря на отсутствие маршрутной с'емки, вероятно удастся приложить к отчету схематический набросок карты могущий быть ориентировочно полезным дальнейшим исследователям края.

Недостаток места не позволяет останавливаться на данных обследования зимней фауны, а также охоты и рыбопромыслов населения. Некоторые данные по этим вопросам уже опубликованы в охотпечати (Охотник и Пушник Сибири, №№ 6, 7 и 11, за 1928 год и частью вошли в работу автора: „Uber einige interessante Säugetiere des Narumgebeites" Zool. Anzeger, Bd. LXXVII, Heft. 11—12, 15. 5. 28. Berlin).

Всего, таким образом, за два года Музеем проведено 9 полевых научно-исследовательских работ. Материалы всех обследований обработаны, большинство подготовлено к печати и более половины работ опубликованы.

Ограничиваясь в настоящем кратком обзоре указанными основными моментами деятельности Музея за последние два года, необходимо однакоже еще отметить, что жизнь Музея этим далеко не исчерпывается. При Музее существуют и совместно с ним работают следующие научно-общественные организации: 1) Общество Изучения Томского Края, 2) Общество изучения художественного творчества, 3) Кружок по изучению истории революционного движения Томского Края. Кроме того существует Комитет Содействия Музею.

Первая из этих общественных организаций — Общество Изучения Томского Края, в декабре 1928 года, было преобразовано в Томское Отделение Общества Изучении Сибири и ее производительных сил, имеющее более широкие задания и более широкие сферы своих научных интересов. Это новое Общество, как возникшее из прежнего — Общества Изучения Томского Края, будучи совершенно самостоятельным, сохраняет однакоже, если и не формальную, то органическую, в процессе своей работы, связь с Краевым Музеем. Общество имеет своим заданием, между прочим, всемерную поддержку Музея.

Заканчивая на этом краткий обзор работ Музея за последние два года, мы видим, что деятельность его за это время принимает более планомерный характер, чем в первые пять лет его существования, когда Музей вынужден был еще жить от случая к случаю. Музей теперь уже имеет в своей работе и развитии отделов определенную целевую установку в смысле выявления и отражения естественно-производительных сил Края с одной стороны и сохранения культурного наследия прошлого, охраны памятников искусства и старины и изучения народного быта, с другой. Далее, в своей деятельности Музей идет в

направлении обслуживания наиболее широких трудящихся масс, вовлечения их в сферу музейно-краеведческих интересов. Укрепляется также и связь Музея с научно-общественными кругами в более широком масштабе, когда Томский Музей, имея подобное окружение научной общественности, сможет постепенно получить значение Музея Краевого в более широком масштабе в соответствии с сферой влияния Томска, как культурного и академического центра определенной части Сибири.

В направлении создания Краевого Музея в этом более широком масштабе и должна идти и дальнейшая деятельность Томского Краевого Музея. И он идет и должен пойти по этому единственно для него возможному пути в полном контакте с общим строительством жизни, в тесном, живом и творческом общении с научно-общественными силами и при дружном содействии широких кругов советской общественности.